

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н.А. Добролюбова»
(НГЛУ)

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного
лингвистического университета
им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 3 (55)

Нижний Новгород

2021

Печатается по решению редакционно-издательского совета НГЛУ

Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета
им. Н.А. Добролюбова. Вып. 3 (55). — Н. Новгород: НГЛУ, 2021. — 151 с.

ISSN 2072-3490

Главный редактор

Ж. В. Никонова

Редакционная коллегия:

А. В. Иванов (*зам. главного редактора*), Р. М. Шамилов (*отв. секретарь*), М. А. Ариян,
О. В. Байкова (Киров), К. Э. Безукладников (Пермь), М. К. Бронич, М. А. Викулина,
Н. К. Гарбовский (Москва), Н. А. Голубева, М. А. Грачев, Б. А. Жигалев, В. И. Карасик
(Москва), С. Б. Королева, Л. П. Крысин (Москва), И. В. Леушина, Н. В. Макшанцева,
М. И. Никола (Москва), О. А. Обдалова (Томск), О. Г. Оберемко, Е. Р. Поршнева,
Л. В. Рацибурская, Т. Н. Синеокова, В. В. Сдобников, Д. Боксэ (США),
Д. Марке (Бельгия), Д. Мийе-Жерар (Франция), У. Реннер-Хенке (Германия),
К. Флидль (Австрия), С. Фрилз (США)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-32158 от 07.06.2008 г.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий ВАК РФ

ISSN 2072-3490

© НГЛУ, 2021

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

NIZHNY NOVGOROD LINGUISTICS UNIVERSITY

LUNN BULLETIN

Issue 3 (55)

Nizhny Novgorod

2021

LUNN Bulletin. Issue 3 (55). — Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Linguistics University, 2021. — 151 p.

ISSN 2072-3490

Editor-in-Chief

Zh. Nikonova

Editorial Board:

A. Ivanov (*Deputy Editor-in-Chief*), R. Shamilov (*Executive Secretary*), M. Ariyan, O. Baykova (Kirov), K. Bezukladnikov (Perm), M. Bronich, M. Vikulina, N. Garbovsky (Moscow), N. Golubeva, M. Grachev, B. Zhigalev, V. Karasik (Moscow), S. Koroleva, L. Krysin (Moscow), I. Leushina, N. Makshantseva, M. Nikola (Moscow), O. Obdalova (Tomsk), O. Oberemko, E. Porshneva, L. Ratsiburskaya, T. Sineokova, V. Sdobnikov, D. Boxer (USA), D. Markey (Belgium), D. Millet-Gérard (France), U. Renner-Henke (Germany), K. Fliedl (Austria), S. Freels (USA)

ISSN 2072-3490

© НГЛУ, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА	9
Семантические преобразования лексемы <i>дружба</i> в моделях концептуальной метафоризации <i>Ару Адем</i>	9
Структура языковой личности ребенка <i>Давлетова Т. А., Артюшков И. В.</i>	23
Развитие семантической структуры лексемы <i>security</i> в диахроническом аспекте (на материале английских словарей XVI–XX веков) <i>Иванов А. В.</i>	41
Военный термин как особая единица специальной области знания <i>Князева Е. Г.</i>	52
Аудиовизуальный перевод в СССР и России: краткая историческая ретроспектива <i>Малёнова Е. Д.</i>	61
Этнонимосодержащие образные идиомы в британском медиадискурсе <i>Павлина С. Ю.</i>	84
Деривационные особенности языковой экспликации концептов «человек» и «люди» в русской языковой картине мира <i>Померанцева Т. П.</i>	99
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР	111
Природа художественного образа в творчестве Жюлья Ренара <i>Таганов А. Н.</i>	111
Франсуа Мориак и Александр Солженицын: основания диалога <i>Чериф Абдельмаджид</i>	120
МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ	128
Развитие критического мышления учащихся в контексте развивающего подхода к обучению иностранным языкам <i>Ариян М. А.</i>	128

РЕЦЕНЗИИ	142
Банковские терминосистемы неродственных языков: универсальные характеристики vs национально обусловленное своеобразие <i>Федуленкова Т. Н.</i>	142
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	149

CONTENTS

LANGUAGE AND CULTURE	9
Semantic Transformations of the Lexeme “Druzhiba” (“Friendship”) in the Conceptual Metaphor Models <i>Aru Adem</i>	9
The Structure of a Child's Linguistic Identity <i>Tatyana A. Davletova, Igor V. Artyushkov</i>	23
The Semantic Development of the Lexeme “Security” in its Diachronic Aspect (based on English Language Dictionaries of the 16 th –20 th Centuries) <i>Andrey V. Ivanov</i>	41
Military Terms as Specific Lexical Units within a Specialized Field of Knowledge <i>Elena G. Knyazeva</i>	52
Audiovisual Translation in the USSR and Russia: a Brief Historical Retrospective <i>Evgeniya D. Malenova</i>	61
Figurative Idioms with Embedded Ethnonyms in the British Media Discourse <i>Svetlana Yu. Pavlina</i>	84
Derivational Features of the Linguistic Explication of the Concepts “Chelovek” (<i>Man</i>) and “L’udi” (<i>Men</i>) in the Russian Language Picture of the World <i>Tatyana P. Pomerantseva</i>	99
CROSS-CULTURAL ASPECTS OF LITERARY DISCOURSE	111
The Nature of Fictional Images in the Works by Jules Renard <i>Aleksandr N. Taganov</i>	111
François Mauriac and Alexander Solzhenitsyn: Foundations of Their Creative Dialogue <i>Cherif Abdelmadjid</i>	120
CROSS-CULTURAL COMMUNICATION AND FOREIGN LANGUAGE TEACHING. TOPICAL ISSUES IN EDUCATION	128
Developing Critical Thinking in Students within the Context of the Developmental Approach to Foreign Language Teaching <i>Margarita A. Ariyan</i>	128

REVIEWS	142
Banking Terminology Systems in Non-Cognate Languages: Universal Characteristics vs National Specificity <i>Tatyana N. Fedulenkova</i>	142
CONTRIBUTORS' INFORMATION	149

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

УДК 811.161.1'37

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2021-55-3-9-22

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЛЕКСЕМЫ *ДРУЖБА* В МОДЕЛЯХ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРИЗАЦИИ

Ару Адем

Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

В статье осуществляется лингвокогнитивный анализ моделей концептуальной метафоры, к которым относится лексема *дружба*. Цель исследования — описать семантические преобразования лексем *дружба* в моделях концептуально-метафорического овеществления и одушевления, которые реализованы в типовых контекстах употребления слова. Материалом исследования является массив текстовых данных Национального корпуса русского языка. Использована методика лингвокогнитивного анализа контекстов концептуальной метафоризации абстрактных лексем, которая состоит в обнаружении и последующей интерпретации случаев переносного употребления абстрактной лексемы *дружба* в сочетании со словами разных частей речи, которые в норме сочетаются с существительными, обозначающими физические или биологические предметы, вещи, вещества или явления, конкретные объекты социального мира и пр. Сделан акцент на том, что указанные смысловые преобразования существенным образом расширяют семантическое наполнение одноименного концепта в русской языковой картине мира. Особое внимание уделяется проблеме соотнесения универсального и национально-специфического содержания в языковой объективации концепта «дружба». Отмечается, что лексема *дружба* регулярно и активно употребляется в моделях концептуальной метафоризации по типу конкретизации абстракции. Показано, что в контекстах метафорического овеществления она последовательно переосмысливается как конкретно-чувственный объект, вещь, вещество, явление природы, как товар, ресурс или социально значимый продукт, как строительный объект или механизм, техническое устройство, как вместилище, путь, пространственная среда, имеющая границы. В контекстах метафорического одушевления лексема *дружба* представлена как живая сущность, активно и целесообразно действующая, как человеческое или сверхъестественное существо. Делается вывод о том, что рассмотренные в работе смысловые преобразования значительно расширяют объем концептуального содержания дружбы, который отражен в лексикографических источниках. Они вполне могут претендовать на статус новых когнитивных признаков анализируемого концепта «дружба», которые образуют его совокупное семантическое наполнение в русской языковой картине мира.

Ключевые слова: концепт «дружба»; семантические преобразования; модели концептуальной метафоры; овеществление; одушевление; русский язык.

Semantic Transformations of the Lexeme “Druzhba” (“Friendship”) in Conceptual Metaphor Models

Adem Aru

N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

The article presents a linguo-cognitive analysis of conceptual metaphor models, which include the Russian lexeme “druzhba” (“friendship”). The purpose of the research is to describe semantic transformations of the lexeme “druzhba” (“friendship”) in the models of conceptual-metaphorical reification and animation in contexts typical for the use of the word. The research material was taken from the Russian National Corpus, and the primary research method was the method of linguo-cognitive analysis of contexts of conceptual metaphorization of abstract lexemes. It consists in detecting and subsequently interpreting cases of figurative use of the abstract lexeme “druzhba” (“friendship”) in combinations with words that belong to different parts of speech and are normally combined with nouns that denote physical or biological objects, things, substances or phenomena, concrete objects the social world, etc. The paper emphasizes that these semantic transformations significantly expand the semantic content of the concept “druzhba” in the Russian language picture of the world. The author correlates the universal and nationally specific content in how the concept “druzhba” (“friendship”) is verbally objectified and notes that the lexeme “druzhba” (“friendship”) is regularly and actively used in models where conceptual metaphorization is achieved by concretization of abstractions. It is shown that in contexts of metaphorical reification, “druzhba” is consistently re-imagined as a concrete-sensual object, thing, substance or a phenomenon of nature; as a commodity, resource or socially significant product, as a building object, mechanism or technical device; or as a container, way (route) or spatial environment that has borders. In contexts of metaphorical animation, “druzhba” is presented as a living entity which acts actively and purposefully; as a human or supernatural being. The author concludes that the semantic transformations discovered in the process of this research go significantly beyond the scope of the conceptual content of the concept “druzhba” (“friendship”) currently reflected in lexicographic sources and thus may well claim the status of new cognitive features of the concept, which form its aggregate semantic volume in the Russian language picture of the world.

Key words: the concept “druzhba” (“friendship”); semantic transformations; conceptual metaphor models; reification; animation; Russian language.

1. Введение

В последнее время в науке о языке все активнее заявляет о себе лингвокультурологическое направление, в центре которого находится проблема комплексного описания концептов национальной культуры (Карасик 2002; Попова, Стернин 2010; Радбиль 2016). Последние исследования в области концептуального анализа продемонстрировали эффективность применения научного аппарата лингвистического когнитивизма (Croft, & Cruse 2004; Болдырев 2004; Langacker 2017; Talmy 2017) для более детального изучения ключевых концептов русской культуры. Особенно перспективным в этом плане выглядит использование идей и принципов теории концептуальной метафоры. Оно позволяет выявить стоящие за словами и

выражениями естественного языка модели мыслительного освоения действительности, форматы знания о мире, ценностные приоритеты и этно-стереотипы носителей языка, как это, например, демонстрируется в исследованиях (Sperber, & Wilson 2015; Dahlman, Sarwar, Bååth, Wahlberg, & Sikström 2016; Winter, & Wieling 2016; Радбиль 2017; Hunston, & Su 2019).

В настоящем исследовании предпринята попытка анализа особенностей концептуальной метафоризации лексемы *дружба* как главного репрезентанта одноименного концепта в русской языковой картине мира. Цель исследования — описать семантические преобразования лексемы *дружба* в моделях концептуально-метафорического овеществления и одушевления, которые реализованы в типовых контекстах употребления слова. Это, по нашему мнению, будет способствовать более глубокому пониманию того, как именно представлено данное абстрактное понятие в русской национальной концептосфере, по каким смысловым направлениям осуществляется его восприятие и понимание носителями языка.

Концепт «дружба», отражая универсальные представления общечеловеческой значимости, все же имеет и определенную концептуальную специфику в русской культуре. Одной из первых эту мысль высказала А. Вежбицкая (Wierzbicka 2018). Уникальное соединение в этом концепте универсального и национально-специфического содержания отмечается и в ряде новейших исследований, особенно на материале фразеологии и паремиологии, в том числе и сопоставительной направленности (Безуглая 2017; Рахимова 2018). В наших предыдущих работах, опираясь главным образом на анализ лексикографических источников, мы также очертили его базовое концептуальное содержание. Наше исследование тоже обнаружило соотношение в этом концепте общечеловеческих и национально обусловленных компонентов смысла (Ару 2021).

Как показал анализ научной литературы, изучение концептуального содержания дружбы в русской культуре через призму моделей концептуальной метафоры еще не было осуществлено в должной мере. Это позволяет сформулировать новизну настоящего исследования. Она состоит в выявлении смысловых преобразований лексемы *дружба* как имени соответствующего концепта, которые реализуются в типовых контекстах концептуальной метафоризации по линии овеществления и / или одушевления данного абстрактного понятия.

2. Характеристика материала и методов исследования

Материалом исследования является массив текстовых данных Национального корпуса русского языка (НКРЯ), которые были получены методом сплошной выборки. В результате был сформирован подкорпус

значимых контекстов метафорического употребления интересующей нас лексемы *дружба*.

В основе исследования — некоторые положения современной теории концептуальной метафоры, в соответствии с которыми многие абстрактные понятия в их естественно-языковом представлении переосмысливаются как чувственно воспринимаемые, конкретные предметы и явления или как одушевленные сущности (Lakoff, & Johnson 1999; Русский язык... 2014; Lakoff 2015; Lakoff, & Johnson 2018). Методика лингвокогнитивного анализа контекстов концептуальной метафоризации лексемы *дружба* состоит в обнаружении и последующей интерпретации случаев переносного употребления слова *дружба* в сочетании со словами разных частей речи, которые в норме сочетаются с существительными, обозначающими физические или биологические предметы, вещи, вещества или явления, конкретные объекты социального мира и пр. Подобный метод представлен, например, в известной работе Л. О. Чернейко, в которой рассматриваются сочетания абстрактных лексем типа *время, судьба* и пр. с глаголами физического действия или восприятия, в моделях генитивной сочетаемости с конкретными существительными и т. п. (Чернейко 1997).

3. Результаты исследования и их обсуждение

Ниже приводятся результаты анализа контекстов сочетаемости существительного *дружба*, которые демонстрируют переосмысление этого понятия в качестве чувственно воспринимаемой сущности неодушевленного или одушевленного типа.

3.1. Дружба как конкретно-чувственный объект, вещь, вещество, явление природы

Во многих примерах лексема *дружба* употребляется с глаголами возникновения, исчезновения или изменения физического состояния объекта — *крепнуть, обрываться, завязываться, иссякать* и пр.:

(1) *Примерно через месяц после переезда в Йер он писал в Нью-Йорк прозаику Роману Борисовичу Гулю, с которым завязалась у него эпистолярная дружба...* (Крейд 2003);

(2) *Он сиял своими лучистыми глазами и сказал, как бы навек скрепляя нашу дружбу...* (Катаев 1997);

(3) *Когда дружба в бэдэтэвцами окрепла, мы каждое лето встречались в Крыму...* (Спивакова 2002);

(4) — *Вы едете и езджайте, — сказал он, не поднимая головы, — а у нас и в Калуге дел по горло.*

И я уехал. Наша дружба с Семеном Кузьмичом оборвалась (Окуджава 1985);

(5) *Дружба между величайшими физиками отечественной науки, теоретиком и экспериментатором, после этой передраги **иссякла*** (Кашницкий 2012).

Дружба как чувственно воспринимаемый объект представлена, например, в таких контекстах:

(6) *Дружба, правда, **выглядит** несколько односторонней: «Золотой орёл», как известно, провозгласил себя единственной кинопремией страны и «Нику» полностью игнорирует* (Кувшинова 2003).

Дружба может переосмысляться как связующее звено между людьми:

(7) *...к слову, Кузнецову и Сафину **связывает** крепкая **дружба**, которую они регулярно подкрепляют, обмениваясь SMS-сообщениями по мобильным телефонам...* (Быстров 2002).

Дружба может трактоваться не только как объект физический, но и как биологический, из мира растений — это довольно распространенные контексты генитивной сочетаемости с существительным *плод*, например:

(8) ***Плодом** этой **дружбы** стала нежность, осветившая последние годы жизни одного и зрелость другой, и — эти воспоминания* (Игнатьева 2014).

Типичным примером «онтологической метафоры», по Дж. Лакоффу и М. Джонсону, является метафора вещества (субстанции) (Lakoff, & Johnson 1999, 2018). Так, дружба может мыслиться:

– как источник света, естественная светоносная субстанция:

(9) *Детская **дружба** с сестрой — пусть он её обижал, но **дружба!** — до сих пор **светит** из прошлого* (Грекова 1990);

– как искусственное вещество (по типу красящей субстанции):

(10) *Не перестаю изумляться этому человеку, присутствием, голосом, **дружбой** которого **окрашено** уже полвека нашей жизни* (Харитонов 2002).

3.2. Дружба как товар, ресурс или социально значимый продукт, дружба в контекстах строительной или технической метафоры

В концепции Дж. Лакоффа и М. Джонсона в качестве источника концептуальной метафоризации выступают не только природные объекты или явления, но и объекты социальной действительности, продукты, ресурсы, товары, т. е. артефакты культуры (Lakoff, & Johnson 1999, 2018; Русский язык... 2014).

Так, в уже упомянутой книге этих авторов о метафоре рассматривается метафорическая модель *время как ресурс, труд как ресурс*. Дружба тоже может мыслиться как ресурс:

(11) *В сущности, такую же веру исповедует и мэр города, «образцовый православный христианин», для него церковь, **дружба** с епископом — своеобразный административный ресурс, лишняя гарантия накануне выборов* (Краснова 2015).

Схожая с упомянутой выше концептуально-метафорическая модель — модель переосмысления дружбы как запасов полезных для жизни вещей, которые надо пополнять:

(12) *И если в обычной жизни **запасы** доброты **можно восполнить** любовью, **дружбой**, искусством, наконец, то в армии родник пересыхает* (Филиппов 2012).

Дружба выступает как символ общественного признания, как объект, которым можно награждать:

(13) *И низкий поклон вологжанам за то, что на десять лет приютили они меня с семьёю, сердечно обогрели, дали возможность плодотворно работать, **наградили дружбой**, иногда делились последним куском хлеба* (Астафьев 2000).

Представление о дружбе как о продукте, который имеет цену, в том числе и как о товаре, реализовано в следующих контекстах:

(14) *Но произошло это сразу после войны, ещё **в цене** была фронтовая **дружба**, и ребята в одночасье признались друг другу, что завербованы* (Быков 2002);

(15) *Газовую трубу можно продать разве что как политическую идею, точно так же, как раньше **торговали** российско-украинской **дружбой*** (Жаронкин 2010).

В ряде моделей концептуальной метафоризации дружба воспринимается как техническое устройство, механизм, который можно наладить, настроить, части которого можно, например, спаять:

(16) *Так **спаялась** их **дружба**, несмотря на различие возрастов, биографий и вкусов* (Солженицын 1990);

(17) *Мы сами скоро там будем и **наладим дружбу** народов* (Аксенов 1961);

(18) ***Дружбу** с ним необходимо научиться **выстраивать**, вернее **настраивать*** (Швайцер 2011).

Одной из самых распространенных концептуальных метафор в европейской культуре считается строительная метафора (Lakoff, & Johnson 1999, 2018). Примеры этого встречаем и в нашем материале:

(19) *Правда, чаще всего на **фундаменте дружбы** ничего не выросло, хотя сами по себе отношения мужчины и женщины, не связанных откровенно сексуальными узами, но испытывающих к друг другу явную симпатию, всегда имели эротический подтекст* (Лебина 2014);

(20) *Приходилось **восстанавливать дружбу** с Галиной Леонидовной, бассейн она давно облюбовала для ударов по психике женатых мужчин* (Азольский 1998).

3.3. Дружба в концептуально-метафорических моделях контейнера (вместилища), пути (направления) или пространственной среды

В работах Дж. Лакоффа и М. Джонсона обсуждаются также такие разновидности онтологических метафор, как метафора вместилища, среды или пути (направления) (Lakoff, & Johnson 1999, 2018). Все эти разновидности также широко представлены в наших примерах.

Так, метафора трехмерного контейнера, вместилища, в который можно физически поместить некий объект, обычно реализуется в соответствующих контекстах пребывания, нахождения в какой-то емкости. Обычный контекст употребления — *быть, находиться в X* и пр.:

(21) *Чем раньше ты с таким столкнулась, тем скорее **найдешь укрытие в другом: в дружбе, в детях...** В чем хочешь, даже, может, в работе* (Букур, Горланова 2010);

(22) *Сошедший с легковой машины полковник в папаше серебристого каракуля, какую можно было добыть, либо командуя армией, либо **находясь в дружбе с фронтовым интендантом, смотрел на пленных*** (Гроссман 1992).

Схожей по типу метафоризации является модель пространственной среды, в которой можно пребывать и по которой можно перемещаться. Это, как правило, такие контексты, как *быть, жить в X, передвигаться по X* и пр., например:

(23) *Можно было бы всё так и оставить, пусть каждый считает своей. Какая разница. **Живут в дружбе, и всё...*** (Токарева 2002).

Метафоры подобного рода имплицитно существуют для того или иного пространства:

(24) *Конечно, у них были друзья и в городе, в школе и во дворе, но московская **дружба была ограничена и скована**, как сама тамошняя жизнь* (Варламов 2000);

(25) *Но я не жалею, что наши отношения никогда не переходили **границу дружбы*** (Колмогоров 2013).

К этому же классу моделей концептуальных метафор относится и распространенная в европейской культуре метафора пути — она часто реализуется в модели генитивной метафоры со словом *путь*, например:

(26) *Некоторые выбрали **путь дружбы** с уже существующими мебельными и аксессуарными компаниями, равнозначными им по уровню* (Пешкова 2002).

3.4. Дружба в концептуально-метафорических моделях одушевления

Метафорическое представление о дружбе как о живом существе, имеющем животную, человеческую или сверхъестественную природу, является одним из древнейших в мировой цивилизации. Это можно видеть и в примерах из мировой и отечественной художественной литературы (Безуглая 2017; Рахимова 2018). Иначе говоря, в мировой культуре существуют модели метафорического одушевления дружбы, что отражается и в фактах русского языка. Одушевление дружбы, по нашим данным, может иметь разные формы.

Прежде всего это может быть наиболее общее, нерасчлененное представление о живом существе, которое возникает за счет того, что дружбе приписан предикат, в норме сочетающийся с существительными, которые обозначают одушевленные объекты:

(27) *Вначале, когда дружба лишь зародилась — дамы познакомились в Ессентуках лет семь назад, — Рита отзывалась о Ларисе с простодушным восторгом* (Трифонов 1978).

Как любое живое существо, дружба может жить или умирать, например:

(28) *Тот благодарил бойца с седою головой: дружба, мол, как вера, без дел мертва, сердечно признателен, Михайла Семёнович, всё это прекрасно, посылаю на первоначальное обзаведение двадцать пять тысяч асигнациями* (Давыдов 1997).

Но чаще всего речь идет о переосмыслении дружбы как сущности из мира человека. Ведь в норме только человеку могут быть приписаны такие предикаты, как, например, *любить, обманывать, побеждать*:

(29) *Дружба не любит, чтобы её пытали, это её унижает и обесценивает* (Искандер 1995);

(30) *Дружба обманывала. Стоящие в гостиной клавикорды и влекомая из ночи в ночь на постелю (вместо возделенной Алымушки) скрытица утешали мало* (Евсеев 2010);

(31) *Но дело даже не в формальных победах. В таких случаях говорят: побеждает дружба. А для политиков взаимопонимание — очень важный фактор* (Плотников 2002).

Существуют даже устойчивые модели генитивной метафоры, в которых дружбе приписываются атрибуты человека — *лицо, душа, дух, глаза, руки* и пр. дружбы, например:

(32) *Премьер-министр Михаил Касьянов делал одно за другим заявления в том духе, что врагам бывшего друга протянута рука дружбы...* (Коммерсантъ-Власть, 17.10.2000).

Также дружба может переосмысляться и в качестве сверхъестественного существа — бога, духа, демона и т. п., которым, например, следует приносить жертвы:

(33) *Дружбе с автономными республиками не должны приноситься такие жертвы!* (Уткина, Шапиро 2016).

4. Выводы

Проведенный анализ продемонстрировал, что концепт «дружба» в русской языковой картине мира имеет значительный потенциал смыслового обогащения и развития. Мы показали, что лексема *дружба* регулярно и активно употребляется в моделях концептуальной метафоризации по типу конкретизации абстракции. В контекстах метафорического овеществления она последовательно переосмыляется как конкретно-чувственный объект, вещь, вещество, явление природы, как товар, ресурс или социально значимый продукт, как строительный объект или механизм, техническое устройство, как вместилище, путь, пространственная среда, имеющая границы. В контекстах метафорического одушевления лексема *дружба* представлена как живая сущность, активно и целесообразно действующая, как человеческое или сверхъестественное существо.

Важно, что эти контексты не являются окказиональными, они вполне стандартные и очень распространены в русской речи. Это ведет к образованию устойчивых и воспроизводимых сочетаний — коллокаций фразеологического типа, например: *рука дружбы, побеждает дружба, дружба крепнет* и т. п. Как было сказано ранее, подобным образом ведут себя и другие значимые исконно русские абстрактные понятия типа *мысль, разум, время* и т. п.

В целях нашего исследования существенным является и тот факт, что рассмотренные в работе смысловые преобразования значительно расширяют объем концептуального содержания дружбы, который отражен в лексикографических источниках. Они вполне могут претендовать на статус новых когнитивных признаков анализируемого концепта «дружба», которые образуют его совокупное семантическое наполнение. Это позволяет наметить перспективы дальнейшего исследования, которые связаны с анализом новых явлений в лексической и словообразовательной репрезентации концепта «дружба» в русской речи новейшего периода.

Список литературы / References

- Ару Адем.* Языковая репрезентация концепта «дружба» в лексико-семантической системе русского языка (по данным лексикографических источников) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2021. № 1. С. 187–192.
[Aru, Adem (2021) Yazykovaya reprezentatsiya kontsepta «druzhiba» v leksiko-

- semanticheskoy sisteme russkogo yazyka (po dannym leksikograficheskikh istochnikov) (Language Representation of the Concept “Friendship” in the Lexico-semantic System of the Russian Language (According to Lexicographic Sources). *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 1, 187–192. (In Russian)].
- Безуглая А. Лингвокультурологический анализ концепта «дружба» в русском языке: паремиологический и ассоциативный аспекты // *Acta Universitatis Wratislaviensis*, 3773, *Slavica Wratislaviensia CLXIV*. 2017. С. 161–175. [Bezuglaya, Anna. (2017) Lingvokul'turologicheskiy analiz kontseptu «druzhba» v russkom yazyke: paremiologicheskiy i assotsiativnyy aspektu (Linguocultural Analysis of the Concept “Friendship” in Russian: Paremiological and Associative Aspects). *Acta Universitatis Wratislaviensis*, 3773, *Slavica Wratislaviensia CLXIV*, 161–175. (In Russian)].
- Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18–39. [Boldyrev, Nikolay N. (2004) Kontseptual'noe prostranstvo kognitivnoi lingvistiki (Conceptual Space of Cognitive Linguistics). *Issues of Cognitive Linguistics*, 1, 18–39. (In Russian)].
- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография. Волгоград: Перемена, 2002. [Karasik, Vladimir I. (2002) *Yazykovoï krug: lichnost', kontsepty, diskurs* (Language Circle: Personality, Concepts, Discourse). Volgograd: Peremena publ. (In Russian)].
- Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток–Запад, 2010. [Popova, Zinaida D., & Sternin, Iosif A. (2010) *Kognitivnaya lingvistika* (Cognitive Linguistics). Moscow: AST: Vostok–Zapad. (In Russian)].
- Радбиль Т. Б. Аномалии в сфере языковой концептуализации мира // Русский язык в научном освещении. 2007. № 1 (13). С. 239–265. [Radbil', Timur B. (2007) Anomalii v sfere yazykovoy kontseptualizatsii mira (Anomalies in the Field of Linguistic Conceptualization of the World)]. *Russian Language and Linguistic Theory*, 1 (13), 239–265. (In Russian)].
- Радбиль Т. Б. «Прецедентные имена» как элементы «языка культуры» // Ономастика Поволжья: Материалы XV Международной научной конференции / под ред. Л. А. Климковой, В. И. Супруна; Арзамасский филиал ННГУ. Арзамас–Саров: Интерконтакт, 2016. С. 49–54. (Radbil', Timur B. (2016) «Precedentnyye imena» kak elementy «yazyka kul'tury» (“Precedent Names” as Elements of the “Language of Culture”). In Klimkova, Liudmila A., & Suprun, Vasilii I. (eds.) *Onomastika Povolzh'ya* (Onomastics of the Volga Region), Proceedings of the XV International Scientific Conference. Arzamas–Sarov: Interkontakt, 49–54. (In Russian)].
- Радбиль Т. Б. Культурная апроприация заимствований в свете теории языковой концептуализации мира // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2017. Т. 13. С. 107–115. [Radbil', Timur B. (2017). Kul'turnaya apropriatsiya zaimstvovaniy v svete teorii yazykovoy kontseptualizatsii mira (Cultural Appropriation of Borrowings in the Light of the Theory of Linguistic Conceptualization of the World). *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova*. (Proceedings of the V.V. Vinogradov Institute of the Russian Language), vol. 13, 107–115. (In Russian)].
- Рахимова И. Р. Национально-культурная специфика вербализации концепта «дружба» в английском и русском языках // *Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe*. 2018. № 4-4 (32). С. 65–67. [Rakhimova, Iroda R. (2018) Natsional'no-kul'turnaya spetsifika verbalizatsii kontseptu “druzhba” v angliyskom i russkom yazykakh (Na-

- tional and Cultural Specifics of Verbalization of the Concept “Friendship” in English and Russian). (*East European Scientific Journal*), 4-4 (32), 65–67. (In Russian)].
- Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст: Коллективная монография / под ред. Л. В. Рацибурской. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2014. [Ratsiburskaya, Larissa V. (ed.) (2014) *Russkii iazyk nachala XXI veka: leksika, slovoobrazovanie, grammatika, tekst* (Russian Language at the Beginning of the 21st Century: Lexis, Word-Formation, Grammar, Text, Collective monograph). Nizhny Novgorod: Nizhni Novgorod University Press. (In Russian)].
- Чернейко Л. О. Логико-философский анализ абстрактного имени. М.: Изд-во МГУ, 1997. [Cherneyko, Lyudmila O. (1997) *Logiko-filosofskiy analiz abstraktnogo imeni* (Logical and Philosophical Analysis of an Abstract Name). Moscow: Moscow University Press (In Russian)].
- Croft, William, & Cruse, D. Alan. (2004) *Cognitive Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dahlman, Christian, Sarwar, Farhan, Bååth, Rasmus, Wahlberg, Lena, & Sikström, Sverker. (2016) Prototype Effect and the Persuasiveness of Generalizations. *Review of Philosophy and Psychology*, 7 (1), 163–180.
- Hunston, Susan, & Su, Hang. (2019) Patterns, Constructions, and Local Grammar: A Case Study of ‘Evaluation’. *Applied Linguistics*, Vol. 4, Is. 4, 567–593. <https://doi.org/10.1093/applin/amx046>.
- Lakoff, George. (2015) *Women, Fire and Dangerous Things* (1st publ. 1987 154, 40; Repr. ed.). Chicago: University of Chicago Press.
- Lakoff, George, & Johnson, Mark. (1999) *Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought*. New York: Basic Books.
- Lakoff, George, & Johnson, Mark. (2018) *Metaphor We Live by* (1st publ. 1980; Repr. ed.). Chicago: University of Chicago Press.
- Langacker, Ronald W. (2017) Entrenchment in cognitive grammar. In H.-J. Schmid (ed.) *Language and the human lifespan series. Entrenchment and the psychology of language learning: How we reorganize and adapt linguistic knowledge*. American Psychological Association; De Gruyter Mouton, 39–56. <https://doi.org/10.1037/15969-003>.
- Sperber, Dan, & Wilson, Deirdre. (2015) Beyond speaker’s meaning. *Croatian Journal of Philosophy*, 15 (44), 117–149.
- Talmy, Leonard. (2017) *The Targeting System of Language*. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press.
- Wierzbicka, Anna. (2018) *Understanding Cultures through Their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese* (1st publ. 1997; Repr. ed.). New York, Oxford: OUP.
- Winter, Bodo, & Wieling, Martijn. (2016) How to Analyze Linguistic Change Using Mixed Models, Growth Curve Analysis and Generalized Additive Modeling. *Journal of Language Evolution*, Vol. 1, Is. 1, 7–18.

Источники языкового материала / Language material resources

- Азольский А. А. Лопушок // Новый Мир. 1998. № 8. [Azol’sky, Anatoli A. (1998) Lopushok (Butterfingers). *Novyj Mir* (New World), 8. (In Russian)].

- Аксенов В. П. Звездный билет // Юность. 1961. № 6, 7. [Aksenov, Vasili P. (1961) Zvezndny билет (A Star Ticket). *Yunost'* (Youth), 6, 7. (In Russian)].
- Астафьев В. П. Затеси // Новый Мир. 2000. № 2. С. 7–36. [Astafiev, Viktor (2000). Zatesi (Cuts). *Novy Mir* (New World), 2, 7–36. (In Russian)].
- Букур В. И., Горланова Н. В. Моя тихая радость // Волга. 2010. № 3–4. [Bukur, Vyacheslav I., Gorlanova, Nina V. (2010) Moya tikhaya radost' (My Silent Happiness). *Volga*, 3–4. (In Russian)].
- Быков В. Бедные люди. М.: Вагриус, 2002. [Bykov, Vasil'. (2002) *Bednye lyudi* (Poor People). Moscow: Vagrius. (In Russian)].
- Быстров Д. Первый эшелон. Светлана Кузнецова оказалась 11-й российской теннисисткой в первой сотне мирового рейтинга // Известия, 13.08.2002. [Bystrov, Denis. (2002) Pervy eshelon. Svetlana Kuznetsova okazalas' 11-j rossiyskoy tennisistskoy v pervoy stone mirovogo reytinga (The First Echelon. Svetlana Kuznetsova Has Become the 11th Russian Tennis Player in the First Hundreds of the World Ranking). *Izvestiya*, 13.08.2002. (In Russian)].
- Варламов А. Н. Купавна // Новый Мир. 2000. № 11–12. [Varlamov, Aleksey N. (2000) Kupavna. *Novyj Mir* (New World), 11–12. (In Russian)].
- Грекова И. Фазан // На испытаниях: Повести, рассказы. М.: Советский писатель, 1990. С. 434–467. [Grekova, Irina. (1990) Fazan (Pheasant). *Na ispytaniyakh: Povesti, rasskazy* (On Tests: Tales, short stories). Moscow: Soversky pisatel', 434–467. (In Russian)].
- Гроссман В. С. Жизнь и судьба: часть 3. М.: Книжная палата, 1992. [Grossman, Vasili S. (1992) *Zhizn' i sud'ba: chast' 3* (Life and Destiny: part 3). Moscow: Knizhnaya palata. (In Russian)].
- Давыдов Ю. В. Синие тюльпаны // Жемчужины Филда. М.: Вагриус, 1997. [Davydov, Yuri V. (1997) Sinie tyulpany (Blue Tulips). *Zhemchuzhiny Filda* (Fild's Pearls). Moscow: Vagrius. (In Russian)].
- Евсеев Б. Т. Евстигней // Октябрь. 2010. № 12. [Yevseev, Boris T. (2010) Yevstigney. *Oktyabr'* (October), 12. (In Russian)].
- Жаронкин В. Вот и поговорили // Однако. 2010. № 9. [Zharonkin, Valentin. (2010) *Vot i rogovorili* (So We Talked). *Odnako* (However), 9. (In Russian)].
- Игнатьева М. Последний секретарь Вениамина Каверина // Стороны света. 2014. № 15. С. 106–107. [Ignatieva, Maria. (2014) *Posledniy sekretar' Veniamina Kaverina* (Veniamin Kaverin's Last Secretary). *Storony sveta* (Cardinal Directions), 15, 106–107. (In Russian)].
- Искандер Ф. А. Летним днем // Стоянка человека: повести и рассказы. М.: Совместное российско-германское предприятие «Квадрат», 1995. [Iskander, Fazil A. (1995) *Letnim dnem* (On a Summer Day). *Stoyanka cheloveka: povesti i rasskazy* (A Man Site: Tales and Short Stories). Moscow: Joint Russian-German Company "Kvadrat". (In Russian)].
- Катаев В. П. Алмазный мой венец // Трава забвенья. М.: Вагриус, 1997. [Kataev, Valentin P. (1997) *Almaznyj moi venets* (My Diamond Wreath). *Trava zabveniya* (Grass of Oblivion). Moscow: Vagrius. (In Russian)].
- Кашницкий И. Незаменимый // Зеркало мира. 2012. № 3 (06). С. 94–99. [Kashnitsky, Ilya. (2012) *Nezamenimy* (The Indispensable). *Zerkalo mira* (World's Mirror), 3 (06), 94–99. (In Russian)].

- Колмогоров А. Г. Мне доставшееся: Семейные хроники Надежды Лухмановой. М.: Аграф, 2013. [Kolmogorov, Aleksandr G. (2013) *Mne dostavsheesya: Semeynye khroniki Nadezhdy Lukhmanovoy* (What Has Fallen to My Lot: Nadezhda Lukhmanova's Family Chronicles). Moscow: Agraf. (In Russian)].
- Краснова В. Царь гордецов [Электронный ресурс] // Эксперт. 2015. № 15 (941). URL: <https://expert.ru/expert/2015/15/tsar-gordetsov/> (дата обращения: 30.07.2021) [Krasnova, Vera. (2015) (2021, July 30) Tsar' gordetsov (King of Arrogant Men). *Ekspert* (Expert), 15 (941). Retrieved from <https://expert.ru/expert/2015/15/tsar-gordetsov/> (In Russian)].
- Крейд В. Георгий Иванов в Йере // Звезда. 2003. № 6. С. 88–102. [Kreyd, Vadim (2003). Georgi Ivanov v Nyères (Georgi Ivanov in Nyères). *Zvezda* (Star), 6, 88–102. (In Russian)].
- Кувшинова М. «Ника» отступает, но не сдается. Старейшая киноакадемия объявила о своих планах // Известия, 25.02.2003. [Kuvshinova, Maria. (2003) "Nika" otstupayet, no ne sdaetsya. Stareyshaya kinoakademiya obyavila o svoikh planakh ("Nika" Retreats but Does Not Surrender. The Oldest Academy of Cinematography Has Revealed Its Future Plans). *Izvestiya*, 25.02.2003. (In Russian)].
- Лебина Н. Б. Мужчина и женщина. Тело, мода, культура. СССР – оттепель. М.: Новое литературное обозрение, 2014. [Lebina, Natalya B. (2014) *Muzhchina i zhenshchina. Telo, moda, kul'tura. SSSR – ottepel'* (Man and Woman. Body, Fashion, Culture. USSR – Thaw). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)].
- Окуджава Б. Искусство кройки и житья // Последний этаж: Сборник современной прозы. М.: Книжная полка, 1985. [Okudzhava, Bulat. (1985) *Iskusstvo kroyki i shitya* (Art of Cutting and Living). *Posledniy etazh. Sbornik sovremennoy prozy* (Last Storey: Collection of Modern Prose). Moscow: Knizhnaya polka. (In Russian)].
- Они о нас // Коммерсантъ-Власть. 2000. № 41. С. 27. [Oni o nas (They about Us). *Kommerstant'-Vlast'*, 41, 27. (In Russian)].
- Пешкова Ю. Дом мод // Домовой. 09.04.2002. [Peshkova, Yulia. (2002) *Dom mod* (House of Fashion). *Domovoy*, 09.04.2002. (In Russian)].
- Плотников В. Надо уметь держать удар // Аграрный журнал, 02.15.2002. [Plotnikov, Vladimir. (2002) *Nado umet' derzhat' udar* (One Should Be Able to Take the Heat). *Agrarny zhurnal* (Agrarian Journal), 02.15.2002. (In Russian)].
- Солженицын А. И. В круге первом. Т. 1, гл. 26–51 // Новый Мир. 1990 [Solzhenitsyn, Aleksandr I. (1990) *V krughe pervom* (In the First Circle), Vol. 1, Chapters 26–51. *Novyj mir* (New World). (In Russian)].
- Спивакова С. Не всё. М.: Вагриус, 2002. [Spivakova, Sati. (2002) *Ne vse* (Not All). Moscow: Vagrius. (In Russian)].
- Токарева В. С. Своя правда // Новый Мир. 2002. № 9. [Tokareva, Viktoriya S. (2002) *Svoya Pravda* (Own Truth). *Novyj Mir* (New World), 9. (In Russian)].
- Трифонов Ю. В. Предварительные итоги // Избранные произведения: в 2 т. М.: Художественная литература, 1978. [Trifonov, Yuri V. (1978) *Predvaritel'nye itogi* (Preliminary Results). *Izbrannye proizvedeniya: v 2 t.* (Selected Works: in 2 vol.). Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)].
- Уткина А., Шапиро Н. Надежда Шапиро: «Я читала детям Бродского и говорила, что это — поэт Мартынов» [Электронный ресурс] // Правмир, 06.05.2016. URL: <https://www.pravmir.ru/nadezhda-shapiro-ya-chitala-detyam-brodskogo-i-govorila-chto-eto-poet-martyinov/> (дата обращения: 30.07.2021) [Utkina, Anna, & Shapiro,

- Nadezhda A. (2016) (2021, July 30) Nadezhda Shapiro: “Ya chitala Brodskogo i govorila, chto eto — poet Martynov (Nadezhda Shapiro: “I Would Read Brodsky and Say That He Is Poet Martynov”). Pravmir, 06.05.2016. Retrieved from <https://www.pravmir.ru/nadezhda-shapiro-ya-chitala-detyam-brodskogo-i-govorila-chto-eto-poet-martynov/>. (In Russian)].
- Филиппов Д. С.* Билет в Катманду [Электронный ресурс] // Волга. 2012. № 11. URL: <https://magazines.gorky.media/volga/2012/11/bilet-v-katmandu.html> (дата обращения: 30.07.2021). [Filippov, Dmitry S. (2012) (2021, July 30) Bilet v Katmandu (A Ticket to Katmandu). *Volga*, 11. Retrieved from <https://magazines.gorky.media/volga/2012/11/bilet-v-katmandu.html>. (In Russian)].
- Харитонов М. С.* Стенография конца века. Из дневниковых записей. М.: Новое литературное обозрение, 2002. [Kharitonov, Mark S. (2002) *Stenografiya kontsa veka. Iz dnevnikovykh zapisey* (Shorthand of the End of the Century. From Diary Entries). Moscow: Новое literaturnoe obozrenie. (In Russian)].
- Швайцер Т.* «Лекарство» для плохого настроения // Психология на каждый день, 2011. № 5. [Shvaitser, Tatyana. (2011) “Lekarstvo” dlya plokhogo nastroyeniya (A “Medicine” for Bad Mood). *Psikhologiya na kazhdyj den’* (Psychology for Every Day), 5. (In Russian)].

УДК 81'37

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2021-55-3-23-40

СТРУКТУРА ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ РЕБЕНКА

Т. А. Давлетова, И. В. Артюшков

Башкирский государственный педагогический университет
им. М. Акмуллы, Уфа, Россия

Статья посвящена анализу структуры языковой личности ребенка при передаче текста художественного произведения. Под языковой личностью ребенка понимается ребенок как носитель языка, в порожденных текстах которого отражаются особенности речемыслительной деятельности, характеризующей формирование особого, детского, мировосприятия. В статье рассмотрены такие структурные уровни языковой личности ребенка, как структурно-языковой, лингвокогнитивный и мотивационный. Каждый уровень языковой личности ребенка обладает рядом специфических особенностей, характерных для определенного возрастного периода. Автор делает вывод, что и лексикон, и грамматикон, и тезаурус, и прагматикон рассматриваются в онтогенезе речи, так как ребенок растет, развивается, а вместе с ним все более совершенствуется его речь.

Ключевые слова: языковая личность ребенка; структурно-языковой, лингвокогнитивный и мотивационный уровни языковой личности ребенка.

The Structure of a Child's Linguistic Identity

Tatyana A. Davletova, Igor V. Artyushkov
Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah, Ufa, Russia

The article looks at the linguistic, linguocognitive and motivational levels of the linguistic identity of a child, where a child's linguistic identity means the child as a native speaker whose utterances reflect characteristics of verbal and cogitative activity that are typical specifically for a child's world perception. Each of these structural levels displays peculiarities that are typical for a specific age. The authors conclude that the lexicon, grammar, thesaurus, and pragmaticon must be considered as part of children's language acquisition process, which evolves as children grow up and their speech gradually improves.

Key words: the linguistic identity of the child; structural linguistic, linguocognitive and motivational levels of the linguistic identity of the child.

1. Введение

XX век в истории науки ознаменован возрождением интереса к человеку, выдвиганием на первый план личности. Антропоцентризм становится основным принципом исследования в современной научной парадигме, в том числе в лингвистике.

В антропоцентрической лингвистике в центре внимания оказывается языковая личность (ЯЛ). Возникнув на пересечении лингвистики, психолингвистики и лингводидактики, теория языковой личности стала объектом рассмотрения во многих исследовательских работах (В. В. Виноградов, А. Вежбицкая, М. М. Бахтин, Г. Н. Беспмятнова, Г. И. Богин, Ю. Н. Караулов, А. А. Волков, В. В. Воробьев, В. И. Карасик, А. А. Залевская, А. М. Шахнарович и др.).

Человек овладевает речью, языковой способностью в раннем детстве и на протяжении всей жизни совершенствует ее. Родную речь ребенок перенимает от родителей, из окружающей его языковой среды, движимый естественной потребностью в общении, а позже — и самовыражении. Так формируется языковая личность — совокупность способностей и характеристик, обуславливающих создание и восприятие ребенком речевых произведений (текстов), отражающих особенности понимания им процессов и явлений окружающего мира.

Целью исследования является анализ структуры языковой личности ребенка при передаче текста художественного произведения.

2. Характеристика материала и методов исследования

Языковая личность ребенка, как и языковая личность взрослого носителя языка, представляет собой сложную структуру, включающую три уровня: структурно-языковой, лингвокогнитивный, мотивационный. Рассмотрим их подробнее.

2.1. Структурно-языковой уровень языковой личности ребенка

К данному уровню относятся словарный запас ребенка, а также особенности его владения грамматическим строем языка.

Е. О. Смирнова отмечает, что «потребность в общении со взрослыми складывается в период новорожденности под влиянием активных обращений и воздействий взрослых» (Смирнова 2009: 96). Уже тогда мать относится к ребенку как к полноценной личности, постоянно общается с ним. Благодаря материнской активности в конце третьей недели жизни у младенца появляется зрительное сосредоточение на лице матери и коммуникативная улыбка, адресованная ей. Это говорит о конце периода новорожденности и о переходе к новому периоду психического развития.

Речевое развитие ребёнка начинается с младенческого возраста. Уже в первом полугодии формируется речевой слух. Тогда же ребенок при радостном оживлении издает звуки, называемые обычно гулением (Психология развития и возрастная психология 2007: 86).

Г. Л. Розенгарт-Пупко, изучавшая условия, максимально содействующие пониманию речи, пришла к заключению, что в ситуации удовлетво-

рения потребностей ребенка и ухода за ним можно добиться понимания слов, относящихся к действиям с предметами, но невозможно организовать понимание названий предметов (Розенгарт-Пупко 1948).

И. В. Носко пишет: «В 3–4 месяца ребенок и взрослый начинают играть друг с другом “в разговор”» (Носко 2003: 66). Взрослый начинает имитировать издаваемые ребенком звуки; ребенок же подражает звукам взрослого. Подражание становится своеобразной формой общения и механизмом развития речи.

Во втором полугодии жизни появляется лепет, в котором можно различить некоторые повторяющиеся звуковые сочетания, связанные чаще всего с действиями ребенка (Психология развития и возрастная психология 2007: 86).

После 6 месяцев появляются слова. «Появление первых слов, с которыми ребенок обращается к взрослым, является центральным звеном в переходе от младенческого возраста к раннему детству», — пишет Д. Б. Эльконин (Эльконин 2007: 53).

По данным многочисленных исследований, первые активно употребляемые ребенком слова характеризуются двумя основными особенностями. Первая особенность этих слов состоит в том, что между ними и словами окружающих ребенка взрослых существуют резкие фонетические различия: а) слова, не похожие на слова взрослых (например, *адига* — рыбий жир; *ика* — шарф; *гилигилича* — карандаш); б) слова, представляющие собой обрывки слов взрослых, главным образом корни (например, *как* — каша; *па* — упала); в) слова, являющиеся искажениями слов взрослых, но сохраняющие их общий фонетический и ритмический рисунок (например, *ти-ти* — часы; *абаля* — яблоко; *ни-няня* — не надо); г) звукоподражательные слова (например, *ав-ав* — собака; *му-му* — корова).

Вторая особенность первых детских слов — их многозначность, т. е. соотношенность этих слов не с одним, а с рядом предметов. Некоторые ученые, изучавшие начальные этапы развития детской речи, считают эти ее особенности проявлением истинной спонтанности детского развития, которая в нормальных условиях не успевает достаточно развернуться, так как вытесняется формами речи взрослых. Эту точку зрения развил В. Элиасберг, давший этому этапу развития речи особое название — автономная детская речь.

В конце первого года жизни для ребенка характерна автономная речь, состоящая из аморфных слов-корней. Активный словарь ребенка 11–12 месяцев включает обычно от 4–5 до 30–40 слов; после года он увеличивается до 100 слов, большинство из которых употребляются изредка. После полутора лет речевое поведение ребенка резко изменяется, становится

значительно более активным. Это выражается в первую очередь в появлении вопросов о названиях предметов: «Что это?». Темп речевого развития резко возрастает. К двум годам детский словарь составляет уже более 200 слов, а к трем — примерно 1200–1500 слов.

Р. М. Фрумкина пишет: «Первые слова ребенка — это вовсе не те слова, которые мы имеем в виду, когда говорим о лексиконе взрослого. Первые детские “слова” по своему смыслу больше похожи на такие слова, как русск. *брысь! давай-давай* и им подобные: они относятся не к отдельному объекту, действию или состоянию, а к ситуации, мыслимой как целое» (Фрумкина 2001: 107).

Развитие лексикона ребенка происходит в форме увеличения не только объема словаря, но и разнообразия его состава. По мере развития ребенок начинает использовать слова, обозначающие разные явления действительности: предметы, признаки предметов, действия.

В 3–3,5 года ребенок объединяет несколько групп однородных предметов: мебель, игрушки, одежду. В возрасте 4–5 лет ребенок использует слова, содержащие итог обобщений: лексику на тему природы (растения, животные), погоды, посуды, домашнего труда, семьи, комнаты и её убранства. Такое обобщение строится на наиболее ярких признаках, которые ребенок усвоил в собственной практической деятельности, поэтому в речи детей 3–7 лет преобладают слова, обозначающие конкретные объекты, с которыми ребенок постоянно взаимодействует. Слова, обозначающие абстрактные категории, дети объясняют исходя из своего общения с окружающими. Так, Е. А. Аркин показал соотношение разных групп существительных в речи ребенка: жилище — 16,2 %, одежда — 10,8 %, животные — 10,8 %, растения — 6,6 %, городской быт — 6,1 %, части тела — 4,7 %, профессия, техника, инструменты — 4,6 %, неживая природа — 5,3 %, время — 5,4 %, социальные явления — 5,3 %, родовые понятия — 1 %, геометрические фигуры — 0,9 %, другие абстрактные понятия — 0,7 % (Аркин 1967: 132). Таким образом, к 8 годам лексикон ребенка состоит примерно из 14 000 слов.

«На пятом году жизни у ребенка появляются попытки осмыслить значение слов и объяснить их происхождение. Ребенок пытается сопоставить одни слова с другими созвучными словами. Например, слово “город” ассоциируется со словом “горы”, “трава” — с “отравить”, “деревья” — с “деревня” и т. п.», — пишет В. С. Мухина (Мухина 1985: 215).

Речь ребенка — не простое подражание. Ребенок проявляет творчество в образовании новых слов. Например, желая сказать «совсем маленький жираф», ребенок точно так же, как взрослые, строит неологизм и говорит: *жирафленочек* (Маклаков 2003: 351). Новые слова создаются в соот-

ветствии с аналогиями, интуицией и наблюдаются у детей от 3 до 6 лет. Дети старшего дошкольного возраста отличают настоящие слова, имеющиеся в языке, от придуманных, искусственно созданных слов.

Словарь ребенка-дошкольника быстро увеличивается не только за счет существительных, но и за счет глаголов, местоимений, прилагательных, числительных и соединительных слов. На это указывает в учебном пособии «Возрастная психология» И. В. Смолярчук (Смолярчук 2009: 100). С. Л. Рубинштейн отмечает: «<...> у старших дошкольников регулярно появляется любопытная речевая конструкция: ребенок сначала вводит местоимение (она, оно и т. д.), а затем, как бы чувствуя неясность своего изложения и необходимость его пояснить для слушателя, он вслед за местоимением вводит поясняющее, расшифровывающее его существительное: *она — девочка — пошла, она — корова — забодала* и т. д.» (Рубинштейн 1973: 119).

До 7 лет дети учатся самостоятельно употреблять ряд морфологических элементов в соответствии с их значением. Например, ребенок начинает более грамотно использовать число и падежи имен существительных, категории уменьшительности и повелительности, времени и лица глаголов. Тогда же ребенок овладевает почти всей системой звуков языка (Психология детства 2003: 100).

Однако использование средств морфологии всё же определяется синтаксисом. Синтаксическое богатство речи заключается в разнообразии построения предложений, в их соответствии задачам выражения мысли.

К концу второго года жизни ребенок начинает употреблять в речи двусловные предложения. На это указывают такие ученые, как М. В. Гамезо, Е. А. Петрова, Л. М. Орлова (Гамезо, Петрова, Орлова 2003: 82).

Сложные предложения дети также начинают употреблять очень рано. Сначала в речи появляются сложные бессоюзные перечислительные предложения со значением одновременности и последовательности, затем — сложносочинённые предложения с союзами *и, то, а* и сложноподчиненные с союзами *чтобы, потому что* (3 года). К 6–7 годам доля сложных предложений в устной речи достигает 20–25 %.

Таким образом, развитие грамматики языка выражается в том, что ребенок вырабатывает способность называть объект своего высказывания, присоединять к нему глагол для обозначения действия, учится сближать слова, обозначающие предмет и его признаки, использовать словоизменяемые формы, вопросительные, отрицательные и другие синтаксические конструкции.

Овладение грамматическим строем языка происходит на основе сложной динамики установления стереотипов, их генерализации и последующей дифференциации.

Стереотип представляет свой «социо-культурно маркированную единицу ментально-лингвального комплекса представителя определенной этнокультуры, реализуемую в речевом общении в виде нормативной локальной ассоциации к стандартной для данной культуры ситуации общения» (Красных 2002: 184).

Стереотипы, проявляющиеся на данном уровне, связаны с многократным воспроизведением одного и того же явления. Здесь в первую очередь имеются в виду стереотипы «синтаксические» (Ушакова 2004: 144), формирование которых связано с постоянным употреблением предложений, построенных по одной структурной схеме. Варьирование слов в составе предложения не мешает формированию стереотипов, так как каждое конкретное слово имеет обобщённое грамматическое оформление.

Некоторые психологи и педагоги объясняли интенсивное усвоение грамматических форм предположением, что у ребенка есть «чутье» языка. В дореволюционной литературе на это неоднократно указывал К. Д. Ушинский (Ушинский 1950); в современной литературе на это ссылались А. Н. Гвоздев (Гвоздев 1949) и К. И. Чуковский (Чуковский 2019).

Усвоение ребенком грамматического строя языка выражается в овладении не только грамматическими формами, но и словесным составом речи. Вопросу об осознании ребенком дошкольного возраста словесного состава речи посвящена работа С. Н. Карповой (Карпова 1955: 43–55). Она исследовала два вопроса: 1) какие трудности встают перед ребенком дошкольного возраста, когда ему нужно выделить отдельные слова в предложении, каковы особенности выделения на различных этапах развития в этом возрасте; 2) как формируются эти действия выделения, каковы те условия, которые могут облегчить этот процесс.

Данные, полученные С. Н. Карповой, показали, что умение выделять слова из целого предложения формируется у ребенка медленно — на протяжении всего дошкольного возраста.

О. Б. Дарвиш в книге «Возрастная психология» пишет: «Ребенок усваивает грамматические формы языка и активно увеличивает словарный запас, что позволяет ему в конце дошкольного возраста перейти к контекстной речи» (Дарвиш 2003: 76).

Таким образом, на структурно-языковом уровне выявляются лексикон ребенка, грамматические особенности его речи, а также элементы словообразования. Так, к 8–9 годам ребёнок получает совершенное орудие общения и мышления, однако лишь в пределах разговорно-бытового стиля.

2.2. Лингвокогнитивный уровень языковой личности ребенка

Данный уровень связан с развитием у ребёнка знаний о мире. В возрасте 3–4 лет происходит развитие понятий, которое идёт параллельно с развитием речи и мышления. В дошкольном возрасте речь ребёнка становится более связной и приобретает форму диалога, появляется также более сложная, самостоятельная форма речи — развёрнутое монологическое высказывание, отмечается развитие внутренней речи, которая является «носителем» понятий, динамика преобразования эгоцентрической речи. Термин «эгоцентрическая речь» был введён Ж. Пиаже, который выделил две формы речи ребёнка: эгоцентрическую и социализированную (Пиаже 1999: 21).

Произнося фразы в эгоцентрической речи, ребёнок не интересуется тем, кому он говорит и слушают ли его. Он говорит либо для себя, либо ради удовольствия приобщить кого-нибудь к своему делу. Эта речь эгоцентрична потому, что ребенок говорит лишь о себе, он не пытается встать на точку зрения своего собеседника. Ребенку важен лишь видимый интерес, хотя «у него есть иллюзия, что его слышат и понимают» (Пиаже 1999: 21).

Различают следующие виды эгоцентрической речи:

- 1) повтор слогов и слов ради «удовольствия говорить»;
- 2) монолог: ребёнок говорит сам с собой и ни к кому не обращается;
- 3) «монолог вдвоём»: он отражает разговор, во время которого ребёнок приобщает другого к своим мыслям и не заботится о том, чтобы быть услышанным.

«Пиаже нашел, что в дошкольном возрасте эгоцентрическая речь составляет значительную часть всех высказываний детей, достигая в трехлетнем возрасте 56 % и падая к 7 годам до 27 %» (Эльконин 2007: 157).

В отечественной психологической литературе концепция Ж. Пиаже в целом и концепция эгоцентрической речи в частности подвергались острой и принципиальной критике прежде всего в работах Л. С. Выготского (Выготский 1956). Ж. Пиаже считал, что эгоцентрическая речь возникает из недостаточной социализации изначально индивидуальной речи. Л. С. Выготский, напротив, выдвигал гипотезу об изначальной социальности речи, о возникновении эгоцентрической речи в результате недостаточного обособления, дифференциации, выделенной в индивидуальной речи.

У дошкольников 4–5-летнего возраста — того, на котором Ж. Пиаже был выявлен и исследован феномен эгоцентрической речи, еще нет способности осуществлять «рефлексию в коммуникации» и децентрировать свою позицию, т. е. расширить познавательную перспективу до границ понимания и учета позиции другого человека в диалогическом обще-

нии. Ребенок этого возраста не имеет еще навыков пользования прагматикой, им усвоены лишь верхние пласты социализированной речи — грамматика и лексика (Немов 2007: 80).

«В старшем дошкольном возрасте, когда этап планирования переходит во внутренний план, эгоцентрическая речь постепенно исчезает, сменяясь внутренней речью (речью про себя), которая, собственно, и является “носителем” понятий. Развивается и диалогическая речь ребенка», — пишет Е. А. Сорокоумова (Сорокоумова 2007: 108).

В 6–7 лет, по мнению Ж. Пиаже, возникает речь «социализированная», направленная собственно на коммуникацию чаще всего познавательной сферы. Здесь он выделяет:

- 1) адаптированную информацию, когда ребенок сближается мыслями с собеседником (сообщение, вопрос);
- 2) критику: сюда относится замечание по поводу поведения других лиц, которое подтверждает превосходство «Я» ребенка;
- 3) приказания, просьбы, угрозы;
- 4) ответы, даваемые на собственные вопросы (Пиаже 1999: 46).

Таким образом, социализированная речь отражает полученные ребенком знания об окружающем мире. Эти знания условно можно разделить на две группы:

- 1) знания об объектах физического мира в его пространственных и временных характеристиках (они формируют ядро обыденного сознания);
- 2) знания о человеческой деятельности, о различных действиях, состояниях человека и многообразных видах отношений и связей между людьми (Негневицкая, Шахнарович 1981: 74).

Данные знания, их важные проявления опираются на внутренние процессы языковой личности ребенка, на базу сформированных у него понятий. *Понятие* – это «мысль, отражающая в обобщенной форме предметы и явления действительности посредством фиксации общих и специфических признаков и явлений и отношений между ними» (Серебренников 1988: 111).

В каждом понятии можно выделить его содержание и объем. «Под содержанием понятия понимается совокупность свойств и отношений, мыслимых в понятии. Под объемом понимается класс предметов, к которым относится понятие» (Волков 2001: 98–99). Основными классами и группами формирования понятий являются абстракция, обобщение, сравнение и определение.

Сначала ребенок знакомится с теми или иными явлениями, дает каждому определение, которое формируется в результате сравнения одного предмета с другим. Однако, как следует из концепции Л. С. Выготского,

центральным процессом, определяющим формирование и использование знаний, является обобщение. Содержание обобщения первоначально представлено в виде практических действий, которые по мере развития «скрываются, интериоризируются» (Выготский 2004: 9).

Таким образом, на основе предметных действий складываются знания о предмете и его функциях.

Итак, оценочно-познавательная деятельность ребенка проходит путь от чувственного восприятия к обобщению.

Знания ребенка об окружающем мире позволяют структурировать совокупность понятий, образующих концептуальную картину, составляющими которой являются концепты (понятия, в которых категоризуется мир). Совокупность слов-концептов объединяется в языке на основе общего понятийного содержания в семантические поля, тематические группы. Средствами вербализации концепта выступают готовые лексемы, свободные словосочетания, тексты и др.

Таким образом, важные для ребенка знания о мире закрепляются в его языковом сознании и «стоят» за словом как лексической единицей, влияя на его разные системные отношения.

В языке ребенка имеют место общекультурные концепты (имеющие ценность для любого народа): «жизнь» и «смерть», «пространство», «время». Не случайны вопросы ребенка, обращенные к взрослым, за которыми стоит стремление постичь сложные вопросы бытия, проникнуть в сущность какого-либо явления или процесса. Так, смерть для ребенка — непостижимый процесс, который является особенно сложным для осознания возможности собственного небытия.

К детскому миропониманию относятся такие концепты, которые отражают дифференциацию явлений «живой» – «неживой». Дети понимают некоторые физические явления, могут устанавливать между ними простейшие отношения, производить преобразования с явлениями неживой природы.

Мышление детей направлено на решение моральных проблем, анализ нравственных категорий. Таковы концепты «хорошо» – «плохо».

Дети пытаются осмыслить также и социальные явления. Так выделяются концепты «труд» и «игра», поскольку именно в труде и игре ребенок осваивает сферу социальных отношений и действий, связанных с бытовыми и профессиональными навыками. Игра рассматривается детьми как деятельность для удовольствия, а труд — как важная работа.

Таким образом, в ходе овладения языком ребенок вырабатывает определенные стратегии, выделяет для себя слова-концепты, обусловлен-

ные мышлением. В дошкольном периоде развития ребенка выделяют две формы мышления: наглядно-действенное и наглядно-образное.

До 3 лет мышление в основном наглядно-действенное. Ребенок анализирует и синтезирует познаваемые объекты в процессе каких-либо действий с предметами (Петровский, Ярошевский 2001: 452).

Уже в 4–7 лет возникает наглядно-образное мышление. Этот тип мышления связан с представлением ситуации и изменениями в ней и характеризуется возникновением образа. Вместо оперирования предметами ребенок начинает оперировать их образами и производить мысленно операции, не осуществимые в реальной действительности (Тертель 2006: 83).

Наглядно-образное отражение действительности развивается по двум линиям: 1) по линии формирования системы конкретных представлений о том или ином предмете; 2) по линии совершенствования и усложнения структуры отдельных образов.

Со второй линией связана метафоризация значений. Однако наблюдения за речью детей показывают, что употребление метафор им не свойственно. Дети еще не чувствуют потребности в обращении к другому носителю признака. Однако в лингвистических исследованиях В. К. Харченко при опоре на примеры спонтанной детской речи убедительно демонстрируется наличие метафорических переносов в речи ребенка, причем автор отмечает, что наряду с неосознанным употреблением переноса наименования ребенок и намеренно прибегает к этому приему речи (Харченко 1989: 111–133). Уже в 5–7 лет ребенок правильно понимает употребление метафор, устанавливает логику зависимости предметных действий. Получается, что «понимание метафоры носит динамический характер, включающий ряд ступеней: от простого привлечения своего практического опыта — к предметности восприятия метафоры, через ее прямое значение — к переносному» (Шахнарович, Юрьева 1990: 208).

Тем не менее в дошкольном возрасте этот этап только начинает формироваться, так как у ребенка складывается качественно новый уровень мышления — образное восприятие мира, позволяющее ему настраиваться «на восприятие метафоры» (Негневицкая, Шахнарович 1981: 45).

Стереотипами данного уровня выступают генерализованные высказывания. Но в анализируемом возрасте они практически не встречаются.

Итак, на лингвокогнитивном уровне у детей начинает формироваться языковая картина мира, отражающая полученные знания об окружающем мире и выстраивающая их в строгую, системную иерархию.

2.3. Мотивационный уровень языковой личности ребенка

Каждый возрастной период обладает своими специфическими характеристиками, то есть ведущая деятельность определяет место, которое за-

нимает ребенок в системе общественных отношений, и позволяет судить о содержательной стороне общения. «Ведущая деятельность — понятие, позволяющее выделить в спектре видов деятельности ту, которая выражает типичные особенности психологического возраста и определяет формирование ключевых новообразований» (Карабанова 2005: 146).

В соответствии с представлениями М. И. Лисиной (Лисина 1986), важнейшим фактором смены ведущей деятельности является общение.

Таким образом, мотивы и цели ведущего типа деятельности соотносятся с мотивами и целями речевого поведения ребенка. Иными словами, в центре исследования мотивационного уровня языковой личности находится ребенок с его потребностями, интересами, склонностями, особенностями психического развития.

Речь ребенка дошкольного возраста всё более включается в его деятельность, выполняя функцию планирования, что приводит к выделению в деятельности принятия решения и планирования его выполнения.

Речь перемещается с результата деятельности на её начало, не только фиксируя этот результат, но и предваряя его. Планирование деятельности в речи значительно повышает её эффективность, делает замысел устойчивым, а достижение его более быстрым, точным, правильным. На основе планирования практическая и умственная деятельность становится произвольной и целенаправленной.

Кроме того, деятельность характеризуется специфическим употреблением языковых средств. При особенной организации и особенном употреблении средств реализации замысла речь в онтогенезе ребенка обладает всеми характеристиками деятельности: мотивированностью, целенаправленностью и структурностью.

В основе речевой деятельности ребенка лежит потребность в общении. Она опредмечивается в мотиве речевых действий. Мотивация речевого поведения ребенка, как правило, определяется «сначала жизненно важными потребностями, но затем — и познавательными» (Львов 2000: 22).

Психологические исследования показывают, что мотивация речевого поведения неотделима от эмоциональных факторов, которые являются движущими силами в онтогенезе речи ребенка. Одним из первых факторов является «*потребность содержательного общения*» (Аркин 1967: 190). У ребенка возникает потребность в разговоре, обмене мыслями, самовыражении в речи (эгоцентрическая речь). Это первые шаги формирования процесса социализации, когда ребенок становится членом общества, и тогда потребность коммуникации принимает формы: а) непосредственного общения, б) опосредованного общения, в) внешнего самовыражения, г) внутреннего самовыражения.

Вторым фактором речевого развития является *фактор речевой активности*, компонентами которой выступают: а) быстрота речевых реакций в диалоге; б) выбор игр, развлечений, связанных с речью; в) быстрота и точность выбора слов, фразеологии, а также элементов содержания речи — фактов, лиц, сюжетов; г) быстрота и правильность развертывания синтаксических конструкций, текста, композиции рассказа; д) активная реакция на поступки или высказывания других лиц (Урунтаева 2001: 208).

Стремление к общению, контакту ребенка с другими лицами является начальным элементом целевых установок, которые могут быть направлены как положительно, так и отрицательно. Ведущей деятельностью детей 3–5 лет является игра. «Игра в дошкольном возрасте становится возможной, поскольку ребенок уже овладел знаковой функцией сознания и использует предметы-заместители. В игре дети сознательно подражают взрослым, познают свойства предметов и учатся ими действовать, устанавливают определенные взаимоотношения» (Волков, Волкова 2002: 135).

«В дошкольном возрасте игровая деятельность способствует становлению не только общения ребенка со сверстниками, но и формированию произвольного поведения ребенка. Эмоционально-волевые механизмы управления ребенком своим поведением первоначально складываются именно в игре и общении со сверстниками» (Детская возрастная психология 2011: 76).

З. М. Истомина в своих исследованиях показала, что в условиях игры дети припоминают большее количество слов, чем в лабораторных опытах на запоминание (Истомина 1978).

Таким образом, интенционально-целевая направленность, выражаемая в речи детей, характеризует их речевое и игровое поведение. В дальнейшем, при осуществлении деятельности, мотивы общения продолжают действовать и в зависимости от активности ребенка приобретают разные формы.

В. В. Воробьев и Л. Г. Саяхова выделяют шесть классов интенций:

I. Воздействующие речевые интенции.

II. Речевые интенции, характерные для речевого взаимодействия.

III. Информировующие речевые интенции.

IV. Интеллектуально-мыслительные речевые интенции.

V. Эмоционально-оценочные речевые интенции.

VI. Конвенциональные (этикетные) речевые интенции (Языковая личность: Лингвокультурология. Лингводидактика. Лексикография 2001: 116–122).

Представленная классификация отражает наиболее типичные и значимые коммуникативные потребности детей в возрасте до 10 лет. Выде-

ленные группы соотносятся с основными функциями речевого общения: коммуникативно-регулятивной функции общения соответствуют речевые интенции, направленные на воздействие и взаимодействие; информационно-познавательной функции — информирующие речевые интенции и интенции, отражающие мыслительные процессы; аффективно-коммуникативной функции — эмоционально-оценочные речевые интенции, и, наконец, контактоустанавливающей функции — конвенциональные (этикетные) речевые интенции.

Таким образом, ребенок пользуется речью не только для установления контакта, но и для получения новой содержательной информации, которую он включает в решение мыслительных задач.

Языковая личность ребенка раскрывается также в использовании им прецедентных текстов, в роли которых выступают литературные произведения (стихотворения, рассказы, сказки). В речь ребенка они редко вводятся целиком (за исключением стихотворений) и чаще всего употребляются в сжатом виде — пересказом, в процессе которого ребенок использует выразительные средства, характерные для произведения. Способом выражения прецедентных текстов является также использование сказочных имен собственных (Баба-яга, Кощей Бессмертный и т. п.).

Понимание литературных произведений выражается в том, что ребенок может сосредоточиться на достаточно большом количестве персонажей, сложном сюжете, описании. Он выделяет не только содержание, но и основную идею произведения, определяет главных и второстепенных героев, высказывает и мотивирует свое отношение к ним, дает им аргументированную оценку.

По мнению Ю. Н. Караулова, процесс формирования ЯЛ заканчивается примерно к 7 годам, т. е. к этому возрасту оказываются сформированными все три уровня, а в дальнейшем происходит лишь совершенствование тех навыков и умений, которые составляют каждый уровень. Такой же точки зрения придерживаются И. Н. Горелов и К. Ф. Седов, считающие, что к 6–7 годам «языковая личность становится обладателем языкового механизма», правила использования которого ей предстоит постигать в процессе дальнейшей речевой практики (Горелов, Седов 1998: 181).

3. Заключение

Итак, под языковой личностью ребенка мы понимаем ребенка как носителя языка, в произведенных текстах которого отражаются особенности речемыслительной деятельности, характеризующей формирование особого, детского, мировосприятия. Каждый уровень языковой личности ребенка обладает рядом специфических особенностей, характерных для

определенного возрастного периода. Но и лексикон, и грамматикон, и тезаурус, и прагматикон рассматриваются в онтогенезе речи, так как ребенок растет, развивается, а вместе с ним все более совершенствуется его речь.

Теоретическая значимость работы определяется применением модели языковой личности, разработанной Ю. Н. Карауловым, к анализу языковой личности ребенка.

Прикладное значение работы заключается в том, что материалы исследования могут быть использованы в процессе преподавания теории коммуникации и в целом дисциплин языковедческого и речеведческого циклов, прежде всего курсов «Социолингвистика», «Психолингвистика», «Русский язык и культура речи», при разработке спецкурсов и спецсеминаров.

Список литературы / References

- Аркин Е. А. Ребенок в дошкольные годы. М.: Просвещение, 1967. [Arkin, Efim A. (1967) *Rebenok v doshkol'nye gody* (A Child in Preschool Years). Moscow: Prosveshchenie. (In Russian)].
- Волков А. А. Курс русской риторики. М.: Храм святой мученицы Татианы при МГУ, 2001. [Volkov, Aleksandr A. (2001) *Kurs russkoi ritoriki* (The Course of Russian Rhetoric). Moscow: Khram svyatoi muchenitsy Tatiany pri MGU. (In Russian)].
- Волков Б. С., Волкова Н. В. Детская психология в вопросах и ответах. М.: ТЦ Сфера, 2002. [Volkov, Boris S., & Volkova, Nina V. (2002) *Detskaya psikhologiya v voprosakh i otvetakh* (Child Psychology in Questions and Answers). Moscow: TTS Sfera. (In Russian)].
- Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1956. [Vygotskii, Lev S. (1956) *Myshlenie i rech'* (Thinking and Speech). Moscow: Izdatel'stvo Akademii pedagogicheskikh nauk RSFSR. (In Russian)].
- Выготский Л. С. Психология развития ребенка. М.: Эксмо, 2004. [Vygotskii, Lev S. (2004) *Psikhologiya razvitiya rebenka* (Psychology of Child Development). Moscow: Ehksmo. (In Russian)].
- Гамезо М. В., Петрова Е. А., Орлова Л. М. Возрастная и педагогическая психология: Учеб. пособие для студентов всех специальностей педагогических вузов. М.: Педагогическое общество России, 2003. [Gamezo, Mikhail V., Petrova, Elena A., & Orlova, Lyubov' M. (2003) *Vozrastnaya i pedagogicheskaya psikhologiya: Uchebnoe posobie dlya studentov vsekh spetsial'nostei pedagogicheskikh vuzov* (Age and Pedagogical Psychology: Textbook for Students of all Specialties of Pedagogical Universities). Moscow: Pedagogicheskoe obshchestvo Rossii. (In Russian)].
- Гвоздев А. Н. Формирование у ребенка грамматического строя русского языка. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1949. [Gvozdev, Aleksandr N. (1949) *Formirovanie u rebenka grammaticheskogo stroya russkogo yazyka* (Formation of the Grammatical Structure of the Russian Language in a Child). Moscow: Izdatel'stvo APN RSFSR. (In Russian)].

- Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики. М.: Лабиринт, 1998. [Gorelov, I'ya N., & Sedov, Konstantin F. (1998) *Osnovy psikholingvistiki* (Fundamentals of Psycholinguistics). Moscow: Labirint. (In Russian)].
- Дарвиш О. Б. Возрастная психология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2003. [Darvish, Olesya B. (2003) *Vozrastnaya psikhologiya: Uchebnoe posobie dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedenii* (Age Psychology: Textbook for Students of Higher Educational Institutions). Moscow: Izdatel'stvo VLADOS-PRESS. (In Russian)].
- Детская возрастная психология: Учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности 030301.65 «Психология» / Авт.-сост. Д. А. Донцов, М. В. Донцова, Е. А. Поляков, Г. В. Сухова. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2011. [Dontsov, Dmitrii A., Dontsova, Margarita V., Polyakov, Evgenii A., & Sukhova, Galina V. (2011) *Detskaya vozrastnaya psikhologiya: Uchebnoe posobie dlya studentov, obuchayushchikhsya po spetsial'nosti 030301.65 «Psikhologiya»* (Child age Psychology: Textbook for Students Studying in the Specialty 030301.65 "Psychology"). Tula: Izdatel'stvo Tul'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni L. N. Tolstogo. (In Russian)].
- Истомина З. М. Развитие памяти: Учеб.-метод. пособие для студентов-заочников I и II курсов пед. ин-тов. М.: Просвещение, 1978. [Istomina, Zinaida M. (1978) *Razvitie pamyati: Uchebno-metodicheskoe posobie dlya studentov-zaochnikov I i II kursov pedagogicheskikh institutov* (Memory Development: Educational and Methodological Guide for Part-time Students of the I and II Courses of Pedagogical Institutes). Moscow: Prosveshchenie. (In Russian)].
- Карабанова О. А. Возрастная психология. Конспект лекций. М.: Айрис-пресс, 2005. [Karabanova, Ol'ga A. (2005) *Vozrastnaya psikhologiya. Konspekt lektsii* (Age Psychology. Lecture notes). Moscow: Airis-press. (In Russian)].
- Карпова С. Н. Осознание словесного состава речи ребенка дошкольного возраста // Вопросы психологии. 1955. № 4. С. 43–55. [Karpova, Sof'ya N. (1955) *Osoznanie slovesnogo sostava rechi rebenka doshkol'nogo vozrasta* (Awareness of the Verbal Composition of the Speech of a Preschool Child). *Voprosy Psichologii*, 4, 43–55. (In Russian)].
- Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. [Krasnykh, Viktoriya V. (2002) *Ehtnopsikholingvistika i lingvokulturologiya: Kurs lektsii* (Ethnopsycholinguistics and Linguoculturology: A course of Lectures). Moscow: ITDGK «Gnozis». (In Russian)].
- Лисина М. И. Проблемы онтогенеза общения. Монография. М.: Педагогика, 1986. [Lisina, Maya I. (1986) *Problemy ontogeneza obshcheniya. Monografiya* (Problems of Ontogenesis of Communication. Monograph). Moscow: Pedagogika. (In Russian)].
- Львов М. Р. Основы теории речи: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Академия, 2000. [L'vov, Mikhail R. (2000) *Osnovy teorii rechi: Uchebnoe posobie dlya studentov vysshikh pedagogicheskikh uchebnykh zavedenii* (Fundamentals of Speech Theory: Textbook for Students of Higher Pedagogical Educational Institutions). Moscow: Akademiya. (In Russian)].
- Маклаков А. Г. Общая психология: Учебник для вузов. СПб.: Питер, 2003. [Maklakov, Anatolii G. (2003) *Obshchaya psikhologiya: Uchebnik dlya vuzov* (General Psychology: a Textbook for Universities). Saint-Petersburg: Piter. (In Russian)].

- Мухина В. С. Детская психология: Учеб. для студентов пед. ин-тов / Под ред. Л. А. Венгера. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1985. [Mukhina, Valeriya S. (1985) *Detskaya psikhologiya: Ucheb. dlya studentiv ped. in-tov* (Child Psychology: a Cousebook for Students of Pedagogical Institutes). 2nd ed. revised and expanded. In Venger, Leonid A. (ed.). Moscow: Prosveshchenie. (In Russian)].
- Негневицкая Е. И., Шахнарович А. М. Язык и дети. М.: Наука, 1981. [Negnevitskaya, Elena I., & Shakhnarovich, Aleksandr M. (1981) *Yazyk i deti* (Language and Children). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Немов Р. С. Психология. Книга 2. Психология образования. М.: ВЛАДОС, 2007. [Nemov, Robert S. (2007) *Psikhologiya. Kniga 2. Psikhologiya obrazovaniya* (Psychology. Book 2. Psychology of Education). Moscow: VLADOS. (In Russian)].
- Носко И. В. Психология развития и возрастная психология. Владивосток: Дальневосточный гос. ун-т, 2003. [Nosko, Irina V. (2003) *Psikhologiya razvitiya i vozrastnaya psikhologiya* (Developmental Psychology and Age Psychology). Vladivostok: Dal'nevostochnyi gosudarstvennyi universitet. (In Russian)].
- Петровский А. В., Ярошевский М. Г. Психология: Учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Академия, 2001. [Petrovskii, Artur V., & Yaroshevskii, Mikhail G. (2001) *Psikhologiya: Uchebnik dlya studentov vysshikh pedagogicheskikh uchebnykh zavedenii* (Psychology: Textbook for Students of Higher Pedagogical Educational Institutions). Moscow: Akademiya. (In Russian)].
- Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М.: Педагогика-Пресс, 1999. [Piazhe, Zhan (1999) *Rech' i myshlenie rebenka* (Speech and Thinking of the Child). Moscow: Pedagogika-Press. (In Russian)].
- Психология детства. Учебник / под редакцией члена-корреспондента РАО А. А. Реана. СПб.: Прайм-ЕВРО-ЗНАК, 2003. [Rean, Artur A. (ed.) (2003) *Psikhologiya detstva. Uchebnik* (Psychology of Childhood. Textbook). Saint-Petersburg: Praim-EVRO-ZNAK. (In Russian)].
- Психология развития и возрастная психология: учебно-методический комплекс для специальности 030301.65 Психология / авторы-составители О. В. Шапатина, Е. А. Павлова. Самара: Изд-во «Универс-групп», 2007. [Shapatina, Ol'ga V., & Pavlova, Elena A. (2007) *Psikhologiya razvitiya i vozrastnaya psikhologiya: uchebno-metodicheskii kompleks dlya spetsial'nosti 030301.65 Psikhologiya* (Developmental Psychology and Age Psychology: Educational and Methodological Complex for the Specialty 030301.65 Psychology). Samara: Izdatel'stvo "Univers-grupp". (In Russian)].
- Розенгарт-Пупко Г. Л. Речь и развитие восприятия в раннем детстве. М.: Изд-во Академии медицинских наук, 1948. [Rozengart-Pupko, Gita L. (1948) *Rech' i razvitie vospriyatiya v rannem detstve* (Speech and the Development of Perception in Early Childhood). Moscow: Izdatel'stvo Akademii meditsinskikh nauk. (In Russian)].
- Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973. [Rubinshtein, Sergei L. (1973) *Problemy obshchei psikhologii* (Problems of General Psychology). Moscow: Pedagogika. (In Russian)].
- Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. [Serebrennikov, Boris A. (1988) *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i kartina mira* (The Role of the Human Factor in Language. Language and the Picture of the World). Moscow: Nauka. (In Russian)].

- Смирнова Е. О. Детская психология: Учебник для вузов. СПб.: Питер, 2009. [Smirnova, Elena O. (2009) *Detskaya psikhologiya: Uchebnik dlya vuzov* (Child Psychology: a Textbook for Universities). Saint-Petersburg: Piter. (In Russian)].
- Смолярчук И. В. Возрастная психология: Учеб. пособие. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. [Smolyarchuk, Inessa V. (2009) *Vozrastnaya psikhologiya: Uchebnoe posobie* (Age Psychology: Training Manual). Tambov: Izdatel'stvo TGU imeni G. R. Derzhavina. (In Russian)].
- Сорокоумова Е. А. Возрастная психология. Краткий курс. СПб.: Питер, 2007. [Sorokoumova, Elena A. (2007) *Vozrastnaya psikhologiya. Kratkii kurs* (Age Psychology. Short Course). Saint-Petersburg: Piter. (In Russian)].
- Тертель А. Л. Психология. Курс лекций: Учеб. пособие. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. [Tertel', Aleksandra L. (2006) *Psikhologiya. Kurs leksii: Uchebnoe posobie* (Psychology. Course of Lectures: Training Manual). Moscow: TK Velbi Izdatel'stvo Prospekt. (In Russian)].
- Урунтаева Г. А. Дошкольная психология: Учеб. пособие для студ. пед. учеб. завед. М.: Академия, 2001. [Uruntaeva, Galina A. (2001) *Doshkol'naya psikhologiya: Uchebnoe posobie dlya studentov pedagogicheskikh uchebnykh zavedenii* (Preschool Psychology: Textbook for Students of Pedagogical Educational Institutions). Moscow: Akademiya. (In Russian)].
- Ушакова Т. Н. Речь: истоки и принципы развития. М.: ПЕР СЭ, 2004. [Ushakova Tat'yana, N. (2004) *Rech': istoki i printsipy razvitiya* (Speech: the Origins and Principles of Development). Moscow: PER SEN. (In Russian)].
- Ушинский К. Д. Собрание сочинений. Т. 8. М.: Издательство Академии педагогических наук, 1950. [Ushinskii, Konstantin D. (1950) *Sobranie sochinenii. Tom 8* (Collected Works. Volume 8). Moscow: Izdatel'stvo Akademii pedagogicheskikh nauk. (In Russian)].
- Фрумкина Р. М. Психолингвистика: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. [Frumkina, Revekka M. (2001) *Psikholingvistika: Uchebnik dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedenii* (Psycholinguistics: Textbook for Students of Higher Educational Institutions). Moscow: Izdatel'skii tsentr "Akademiya". (In Russian)].
- Харченко В. К. Переносные значения слова. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1989. [Kharchenko, Vera K. (1989) *Perenosnye znacheniya slova* (Figurative Meanings of the Word). Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta. (In Russian)].
- Чуковский К. И. От двух до пяти. Минск: Дискурс, 2019. [Chukovskij, Kornej I. (2019) *Ot dvuh do pyati* (From Two to Five). Minsk: Diskurs. (In Russian)].
- Шахнарович А.М., Юрьева Н.М. Психолингвистический анализ семантики и грамматики (на материале онтогенеза речи). М.: Наука, 1990. [Shahnarovich, Aleksandr M., & Yur'eva, Nadezhda M. (1990) *Psikholingvisticheskiy analiz semantiki i grammatiki (na materiale ontogeneza rechi)* (Psycholinguistic Analysis of Semantics and Grammar (Based on the Material of Speech Ontogenesis)). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Эльконин Д. Б. Детская психология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2007. [El'konin, Daniil B. (2007) *Detskaya psikhologiya: uchebnoe posobie dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedenij* (Child Psychology: a Textbook for Students of Higher Educational Institutions). Moscow: Izdatel'skij centr "Akademiya". (In Russian)].

Языковая личность: Лингвокультурология. Лингводидактика. Лексикография / под ред. В. В. Воробьева, Л. Г. Саяховой. Уфа: Изд-во БГУ, 2001. [Vorob'ev, Vladimir V., & Sayahova Lena G. (2001) *Yazykovaya lichnost': Lingvokul'turologiya. Lingvodidaktika. Leksikografiya* (Linguistic Personality: Linguoculturology. Linguodidactics. Lexicography). Ufa: Izdatel'stvo BGU. (In Russian)].

УДК 81.112.2

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2021-55-3-41-51

**РАЗВИТИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ЛЕКСЕМЫ
SECURITY В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ
(на материале английских словарей XVI–XX веков)**

А. В. Иванов

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

Статья посвящена изучению этимологии и истории развития семантической структуры лексемы *security* в период с XVI по XX век. Изучение системы значений лексемы *security* в историко-лингвистическом и лексикографическом аспектах позволило уточнить семантическую структуру слова и проследить хронологию возникновения его значений. Установлено, что основные значения лексемы *security*, выражающие состояние физической безопасности и средства ее достижения, формируются начиная со второй половины XVI века. Значения лексемы *security*, которые отражают средства, обеспечивающие безопасность юридического, финансового и имущественного характера, формируются начиная со второй половины XV века и связаны прежде всего с развитием банковской сферы и расширением практики кредитования и ростовщичества. В XX веке семантическая структура лексемы *security* обогащается компонентами, отражающими проблематику современных экономических и межгосударственных отношений, а также сферы государственной (национальной) безопасности и кибербезопасности. Значение лексемы *security* в аспекте ее связей с языком и результатами языковой деятельности в английских лексикографических источниках не зафиксировано.

Ключевые слова: лексема *security*; лингвистическая безопасность; семантический анализ; этимологический анализ; историко-лингвистический анализ; лексикографический анализ.

**The Semantic Development of the Lexeme ‘*Security*’ in Its Diachronic Aspect
(Based on English Language Dictionaries of the 16th – 20th Centuries)**

Andrey V. Ivanov

N. A. Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

The article examines the semantic structure of the lexeme ‘*security*,’ focusing on etymological, historical-linguistic, and lexicographic aspects of its development from the 16th to the 20th century. Analyzing the system of the lexeme’s meanings in its historical development made it possible to clarify the semantic structure of the word and to trace the chronology of when these meanings first appeared. It has been established that the main meanings of the lexeme ‘*security*,’ expressing the state of physical security and the means of achieving it, started forming back in the second half of the 16th century, while those meanings that reflect the means of ensuring legal, financial or property-related security, started forming even earlier, in the second half of the 15th century, and are primarily associated with the

development of the banking sector and the expansion of lending and usury practices. In the 20th century, the semantic structure of the lexeme 'security' was further enriched with components that reflect problems of modern economic and political relations, as well as those of state (national) security and cybersecurity. The meaning of the lexeme 'security' in relation to language and results of linguistic activity has not as yet been recorded in English lexicographic sources.

Key words: lexeme 'security'; linguistic security; semantic analysis; etymological analysis; historical-linguistic analysis; lexicographic analysis.

1. Постановка проблемы, цель, методы и материал исследования

Проблематика безопасности традиционно затрагивает вопросы, связанные с физической безопасностью людей, финансовой безопасностью и с безопасностью государства. Эти аспекты безопасности изучены достаточно подробно и с различных точек зрения. В последнее время в связи с развитием IT-технологий в фокусе внимания исследователей оказываются проблемы компьютерной безопасности, безопасности массивов данных и др. В значительно меньшей степени разработана проблематика, касающаяся безопасности ментальной сферы человека, которая непосредственно связана со способами и средствами выражения образов, представлений, понятий, концептов, ментальных конструктов и т. п. Основным, хотя и не единственным, средством овеществления результатов мыслительной деятельности индивидуума выступает язык. Рассматривая его как средство, большинство пользователей языка не задумывается о том, что и сам язык, иногда оказывающийся, по меткому выражению М. А. Кронгауза, «на грани нервного срыва», тоже нуждается в защите. Не случайно поэтому сейчас особую актуальность приобретают исследования, посвященные в широком смысле безопасности языка и в более узком — лингвистической безопасности, поскольку последняя имеет отношение прежде всего к конкретным продуктам языковой деятельности (высказывания, тексты, коммуникативные практики и др.). Язык всегда играл ключевую роль «в регламентации коммуникационных процессов, направленных на сохранение духовного богатства историко-культурного наследия народов и обеспечение устойчивой целостности социума» (Савруцкая, Устинкин 2020: 104).

В самом словосочетании «лингвистическая безопасность» именно «безопасность» выступает в качестве основного понятия, содержание которого, обогащаясь новыми смыслами на протяжении нескольких веков, представляет интерес для лингвиста в диахроническом ракурсе. Содержанием абстрактного понятия, каковым в нашем случае выступает «безопасность», называют обычно совокупность существенных признаков или свойств некоего предмета, взятых отдельно от самого предмета. В данном случае условимся считать набором таких признаков совокупность значений лексемы, которая объективирует данное понятие.

Цель исследования состоит в попытке проследить развитие семантики лексемы *security* в диахроническом аспекте, выявить средства и способы репрезентации представлений людей различных эпох о безопасности. Данная работа продолжает серию исследований, посвященных изучению семантики существительных в историко-лингвистическом и лексикографическом аспектах; см., напр., (Иванов, Иванова 2021; Ivanov, & Ivanova 2021).

В ходе исследования используются методы историко-лингвистического, этимологического, дефиниционного и семантического анализа.

Материалом для исследования послужили английские лексикографические источники, охватывающие временной промежуток с середины XVI в. по настоящее время.

2. Результаты исследования и их обсуждение

2.1. Лексема *security* в этимологическом аспекте

Этимология слова *security* по-разному трактуется в этимологических словарях английского языка. Существуют две этногенетические версии относительно этого слова, однако расхождение между ними не имеет отношения к источнику возникновения этого слова как такового. Авторы всех без исключения этимологических словарей (Onions 1966: 806; Klein 1971: 668; Partridge 1978: 135; Skeat 1989: 546; Barnhart 2008: 978) называют языком-источником латынь, а этимологом — лат. *sēcūrus* ('беззаботный, безмятежный, спокойный; беспечный, небрежный; равнодушный; безопасный, надежный'), от которого образуется дериват *sēcūritās*: 1) 'беззаботность, безмятежность, душевное спокойствие'; 2) 'равнодушие, беспечность, небрежность'; 3) 'безопасность, обеспеченность'; 4) *юр.* 'обеспеченность (долга), гарантия (по долговым обязательствам)'. Третье значение латинского существительного в контексте темы исследования представляется наиболее интересным, поскольку касается обеспечения безопасности во время путешествий (напр., *sēcūritās itinērum* у Плиния Старшего) и безопасности государства (напр., *sēcūritās publica* у Тацита).

Анализ морфемного состава исходного слова приводит исследователей к двум возможным версиям в аспекте его образования: с одной стороны, *sēcūrus* представляет собой дериват, состоящий из префикса *sē* ('без чего-л.; свободный от чего-л.') и прилагательного *cūrus* < *cūra* ('забота, опасение, беспокойство, уход (в т. ч. медицинский)') (Partridge 1978: 135; Skeat 1989: 546) (отсюда близость значения *sēcūrus* семантике известного латинского выражения *sinecura* [Дворецкий 2002: 694]), с другой — результат трансформации предложного словосочетания в аблативе *sē* ('без

чего-л.; свободный от чего-л.’) + *cūrā* < *cūra* (Barnhart 2008: 978). Отмеченное различие точек зрения исследователей носит, однако, мнимый характер, если принять во внимание то обстоятельство, что источником появления префиксов, как правило, выступали предлоги, менявшие свой морфологический статус в процессе исторического развития языка и сливавшиеся со словами, к которым они относились.

Дальнейший анализ данных этимологических словарей показывает, что слово *security* могло появиться в позднесреднеанглийский период либо напрямую из латыни (ср.-англ. *securite* < лат. *sēcūritās* < *sēcūrus*), как полагают Партридж и Кляйн, либо, по мнению Скита и составителей *Oxford Dictionary of English Etymology*, через посредство среднефранц. *sécurité* (< лат. вин. п. *sēcūritātem*).

Составители словаря *Chambers Dictionary of Etymology* считают период до 1425 г. предполагаемым временем появления в словарном фонде среднеанглийского языка слова *security* в значении «freedom from anxiety; condition of being secure» — «отсутствие тревоги; состояние безопасности», зафиксированного в англоязычном переводе «Универсальной хроники» (*Polychronicon*), принадлежащей перу английского хрониста, монаха-бенедиктинца Ранульфа Хигдена (1280–1364), в которой описываются исторические события от сотворения мира до 1342 г. На этот же отрезок времени (XV век) указывают и составители Оксфордского этимологического словаря. Будучи написанной на латыни, хроника была переведена в 1387 г. на английский язык того времени Джоном де Тревиза и почти сто лет спустя напечатана Кэкстоном под названием *Description of Britain*. В течение двух столетий хроника Хигдена считалась надежным историческим источником. Лексема *security* встречается в ней при описании рая в следующем контексте: *Paradise hathe in hit every tre feyre to sihthe and swete to ey te. Also hit hathe securite, to the whiche seyenge the altitude of the place berrethe testimonye* (*Polychronicon* 1865: 77). Очевидно, что это значение коррелирует с первым (основным) значением латинского *sēcūritās* («беззаботность, безмятежность, душевное спокойствие»).

2.2. Лексема security в лексикографическом и семантическом аспектах

Одна из первых попыток лексикографирования лексемы *security* относится к 1572 г. и встречается у Хиггинса в *HVLOETS Dictionarie* (Higgins 1572). Строго говоря, синонимичные лексемы в значении, аналогичном значению слова *security*, встречались и в более ранних лексикографических изданиях, однако сама эта лексема в словники этих источников не включалась. К примеру, в словник шестязычного словаря *Dilucidissimus Dictionarius* (1549), изданного в Венеции, вошло слово *surenese*, сопровож-

давшееся эквивалентами на пяти языках, в том числе лат. *securitas* и нем. *die sicherheit*. Приведенная форма, судя по семантике эквивалентов, выступает в том же значении, что и у Хигдена.

У Хиггинса искомое слово встречается в форме *securitie*, сопровождается толкованием через синоним *safetie*. В ходе обследования словаря обнаруживаются и другие семантически близкие к *securitie* лексемы *salfnes*, *salftie*, которые могут считаться таковыми благодаря объединяющему их всех латинскому слову *securitas*. Последнее Хиггинс толкует как *Quietnes, or being without care*, т. е. ‘безмятежность, спокойствие, беззаботность’.

У Баррета в его *An Alvearie, or, Triple Dictionarie* (Barrett 1573) лексема *securitie* как среднеанглийский эквивалент лат. *securitas* трактуется аналогичным образом: *quietnesse, lacke of care*. Интересно, что лат. *securitas* встречается в том же источнике в словосочетании *securitatem praestare*, которое Баррет переводит на среднеанглийский как *giue assurance*. Это словоупотребление можно считать свидетельством косвенной лексикографической фиксации еще одного значения у лексемы *securitie* в контексте ‘предоставлять гарантии или заверения в чем-л.’, которое коррелирует с четвертым значением лат. *securitas*.

В 1598 г. у Флорио в его словаре *A Worlde of Wordes* искомая лексема как эквивалент итал. *sicuranza* встречается уже в современном написании *security* в ряду синонимичных слов *safety, certainty, assurednes, suretie, warrantise, trust, confidence* или *honestie*, а также *troth* или *faith, pledge, warrant, baile* (Florio 1598: 370). Одно из них — *suretie* — Клейн называет дублетом, т. е. полным синонимом лексемы *security* (Klein 1971: 668). Анализ семантики перечисленных лексем позволяет сделать вывод о расширении спектра значений у *security*, включая как наиболее общие (‘безопасность, защищенность, уверенность, честность’), так и узкоспециализированные (‘поручительство, гарантия, залог’), имеющие отношение к финансово-юридической сфере деятельности.

В XVII веке *security* регистрируется в значениях: 1) ‘беззаботность, безмятежность, душевное спокойствие’; 2) ‘уверенность или состояние уверенности’; 3) ‘эвфимия, т. е. нормальное, спокойное психическое состояние или настроение’. Перечисленные значения встречаются у Котгрейва в 1611 г. в *A Dictionarie of the French and English Tongves* (Cotgrave 1611), у Кокрама в 1623 г. в *The English Dictionarie* (Cockeram 1623), у Холиока в 1612, 1617, 1677 г. в *Riders Dictionarie* (Holyoke 1612).

В первой половине XVIII века наряду с упомянутыми выше значениями в семантической структуре *security* в обследованных словарях у Филлипса в *The New World of Words* (Phillips 1706), в *Glossographia Anglicana*

Nova (Glossographia... 1707), у Керси в *Dictionarium Anglo-Britannicum* (Kersey 1708), у Бейли в *An Universal Etymological English Dictionary* (Bailey 1726) практически дословно повторяется толкование *bail, or surety for the payment of money* ('залог [в обеспечение долговых обязательств или обязательств по контракту], поручительство').

В середине XVIII века семантическая структура лексемы *security* становится объектом жесткой структуризации лексикографическими средствами. В частности, в словаре Джонсона (1755) в соответствующей словарной статье нумерованным списком даются основные и дополнительные значения интересующей нас лексемы, сопровождающиеся, в отличие от вышедших ранее словарей, цитатами из произведений Хейворда, Шекспира, Дэвиса, Свифта и др., иллюстрирующими то или иное словоупотребление: 1. *Carelessness; freedom from fear.* <...> 2. *Vicious carelessness; confidence; want of vigilance.* <...> 3. *Protection; defence.* <...> 4. *Any thing given as a pledge or caution; insurance; assurance for any thing.* <...> 5. *Safety; certainty.* <...> (Johnson 1755). Семантическая структура лексемы *security* обогащается, как видим, такими значениями, как 'защита', 'страховка' и 'безопасность'.

В словаре *The Royal English Dictionary* Феннинга зафиксировано еще одно значение лексемы *security*: *a person bound for another* — 'поручитель' (Fenning 1768). Это значение дословно повторяется у Баркляя в 1774 г. в *A Complete and Universal English Dictionary On a New Plan* (Barclay 1774) и позднее у Ноубла, переиздавшего словарь Баркляя (Noble 1835: 801).

В XIX веке Огилви в своем *The Imperial Dictionary of the English Language* включает в толкование лексемы *security* в рамках первого (более общего) значения — *the state or quality of being secure* — 'состояние или качество безопасности' семантический компонент *heedlessness; overconfidence* — 'невнимательность; излишняя самоуверенность, самонадеянность'. Второе общее значение лексемы Огилви формулирует как *that which secures or makes safe; protection; defence; guard* — 'то, что обеспечивает безопасность или делает безопасным; защита; охрана'. В структуру этого значения входят следующие семантические компоненты: (a) *something given or deposited to make certain the fulfilment of a promise or obligation. The observance of a provision, the payment of a debt, or the like; surety; pledge;* (b) *A person who engages himself for the performance of another's obligations; one who becomes surety for another* — '(а) что-л., переданное или сданное на хранение для обеспечения выполнения обещания или обязательства. Соблюдение условий [сделки], выплата долга или тому подобное; поручительство; залог; (б) лицо, которое берет на себя обязательства по выполнению обязательств другого лица; тот, кто становится поручите-

лем за другого'. В качестве третьего значения лексемы выступает *an evidence of debt or of property, as a bond, a certificate of stock, or the like; as, government securities* — 'свидетельство о долге или собственности, напр., облигация, сертификат акций или тому подобное; государственные ценные бумаги' (Ogilvie 1883: 18).

Завершают анализ развития семантической структуры лексемы *security* в диахроническом аспекте данные словарей, опубликованных в XX веке. В словаре *Oxford Universal English Dictionary on Historical Principles*, вышедшем под редакцией Онъонза и неоднократно переиздававшемся, приводится пространное определение искомой лексемы, включающее два семантических блока — «состояние безопасности» и «средство, обеспечивающее безопасность», каждый из которых содержит набор значений, раскрывающих различные стороны безопасности как психологического и юридического феномена: *I. The condition of being secure. 1. The condition of being protected from or not exposed to danger; safety. 2. Freedom from doubt. Now chiefly, well-founded confidence, certainty. 1597. 3. Freedom from care, anxiety or apprehension; a feeling of safety. arch. Formerly often spec. culpable absence of anxiety, carelessness. 1555. II. A means of being secure. 1. Something which makes safe; a protection, guard, defence. 1586. 2. Ground for regarding something as secure, safe, or certain; an assurance, guarantee. 1623. 3. Property deposited or made over, or bonds, recognizances, or the like entered into, by or on behalf of a person in order to secure his fulfilment of an obligation, and forfeitable in the event of non fulfilment. 1450. 4. One who pledges himself (or is pledged) for another, a surety. 1597. 5. A document held by a creditor as guarantee of his right to payment. Hence, any form of investment guaranteed by such documents. Chiefly pl. 1690* — «I. Состояние безопасности. 1. Состояние защищенности от опасности; безопасность. 2. Вера в себя, уверенность. 1597. 3. Беззаботность, отсутствие беспокойства или опасений; чувство защищенности. арх. Раньше часто в знач. беспечность. 1555. II. Средство, обеспечивающее безопасность. 1. Что-л., что позволяет чувствовать себя в безопасности; защита, охрана. 1586. 2. Основание считать что-л. обеспечивающим безопасность, защиту и уверенность (в т. ч. в себе); страховка, гарантия. 1623. 3. Имущество, переданное на хранение, облигации, расписки и т. п., выданные каким-л. лицом или от его имени для обеспечения выполнения им обязательства имущественного или финансового характера и подлежащие конфискации в случае неисполнения этих обязательств. 1450. 4. Лицо, которое поручается за себя или за которое поручается другое лицо, поручитель. 1597. 5. Документ, который хранится у кредитора в качестве гарантии его права на получение платежа.

Отсюда, любая форма финансовых вложений, гарантируемая такими документами. Главным образом, мн. ч. 1690» (Onions 1937: 1828).

Составители словаря *Merriam-Webster* практически дословно приводят процитированное выше определение, дополняя перечень средств, обеспечивающих безопасность (*security*) или защиту (*protection*), следующими формулировками (компонентами значения): 1) *measures taken to guard against espionage or sabotage, crime, attack, or escape*; 2) *protection against economic vicissitudes*; 3) *penal custody* — «1) меры, принимаемые для защиты от шпионажа или саботажа, преступления, нападения или побега; 2) защита от экономических потрясений; 3) содержание под стражей в уголовном порядке (тюремное заключение)». В дополнение к этому составители словаря включают в словарную статью новое (узкоспециализированное) значение лексемы *security*: *the resistance of a cryptogram to cryptanalysis measured usu. by the time and effort needed to solve it* — ‘устойчивость криптограммы к криптоанализу, измеряемая обычно временем и усилиями, затрачиваемыми на ее расшифровку’ (Gove 1993: 2053–2054).

Электронная версия *Merriam-Webster* расширяет перечень средств, обеспечивающих безопасность, за счет еще одного, приведенного отдельно, компонента значения: *an organization or department whose task is security* — ‘организация или департамент, задачей которого является обеспечение безопасности’ (*Merriam-Webster Dictionary*).

В определении *Merriam-Webster*, как, впрочем, и в других, ему подобных, отсутствует трактовка безопасности применительно к использованию языка как средства общения, иначе говоря, безопасности в ее лингвистическом измерении. К примеру, *Cambridge Dictionary* предлагает ряд определений безопасности в различных сферах человеческой деятельности, начиная от продуктов питания и заканчивая сферой государственной безопасности, напр., *bearer security*, *callback security*, *cybersecurity*, *data-security*, *employment security*, *energy security*, *food security*, *government security*, *job security*, *national security* и др. (*Cambridge Dictionary*). Попытки обнаружить тем или иным образом этаблированные терминологические сочетания *language security* или *linguistic security* в английской научно-теоретической и лексикографической литературе успеха не имели.

В немногочисленных русскоязычных источниках предлагаются толкования термина «лингвистическая безопасность», авторство которого приписывается М. В. Горбаневскому (2002). В частности, у Г. Н. Трофимовой находим следующее определение: «лингвистическая безопасность — это такое состояние текста (высказывания), при котором его потенциальная конфликтогенность стремится к нулю и риск причине-

ния вреда его автору, персонажу или реципиенту является минимальным» (Трофимова 2012: 28). Параллельно фиксируются и другие номинации, отсылающие читателя к различным сторонам и сферам применения искомого понятия, напр., «коммуникативная безопасность» (Ю. В. Данюшина), «лингво-когнитивная безопасность» (А. А. Славохотов) и др. Последняя разновидность связывается в рамках когнитивного подхода со «специфическим модусом реализации мысли» (Голубева 2020: 33) и с учетом растущего интереса исследователей к проблемам когнитивистики имеет все шансы на дальнейшее развитие. Возможно, в перспективе терминологическая номинация *linguistic security* станет объектом лексикографирования и в словарях английского языка.

3. Выводы

1. Основные значения лексемы *security*, выражающие состояние физической безопасности и средства ее достижения, формируются начиная со второй половины XVI века.

2. Значения лексемы *security*, которые отражают средства, обеспечивающие безопасность юридического, финансового и имущественного характера, формируются начиная со второй половины XV века и связаны прежде всего с развитием банковской сферы и расширением практики кредитования.

3. В XX веке вследствие роста экономики и развития общественно-экономических отношений семантическая структура лексемы *security* обогащается компонентами, отражающими проблематику, связанную с противоправными действиями субъектов экономических отношений. Содержание понятия безопасности в этот период начинает также касаться сферы межгосударственных отношений и вопросов государственной (национальной) безопасности, что приводит к усложнению семантической структуры лексемы *security*.

4. Значение, фиксирующее связь между языком как средством общения, продуктами языковой деятельности, с одной стороны, и безопасностью, с другой, в семантической структуре лексемы *security* отсутствует.

Список литературы / References

- Голубева Н. А. Феномен прецедентности как фактор лингвистической безопасности (на примере эвфемии) // Вестник НГЛУ. 2020. Спецвыпуск. С. 32–43. [Golubeva, Nadezhda A. (2020) Fenomen pretsedentnosti kak faktor lingvisticheskoy bezopasnosti (na primere evfemii) (The Phenomenon of Precedence as a Factor of Linguistic Security (A Case Study of German Euphemisms)). *LUNN Bulletin*, Special Issue, 32–43. (In Russian)].

- Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М.: Русский язык, 2002. [Dvoretzkiy, Iosif Kh. (2002) *Latinsko-russkiy slovar'* (Latin-Russian Dictionary). Moscow: Russkiy yazyk. (In Latin and Russian)].
- Иванов А. В., Иванова Р. А. Лексема Glück в немецких словарях XVI-XIX вв.: лексико-графическая репрезентация и интерпретация понятийного содержания // Вестник НГЛУ. 2021. № 1 (53). С. 9–22. [Ivanov, Andrey V., & Ivanova, Rimma A. (2021) *Leksema Glück v nemetskiikh slovariakh XVI-XIX vv.: lexiko-graficheskaya reprezentatsiya i interpretatsiya ponyatiynogo sodержaniya* (Lexeme *Glück* in German Dictionaries of the 16th – 19th Centuries: Lexicographic Representation and Interpretation of Its Conceptual Content). *LUNN Bulletin*, 1, 9–22. (In Russian)].
- Савруцкая Е. П., Устинкин С. В. Язык в сохранении исторической памяти // Вестник НГЛУ. 2020. Спецвыпуск. С. 103–110. [Savrutskaya, Elizaveta P., & Ustinkin, Sergey V. (2020) *Yazyk v sokhranении istoricheskoy pam'yati* (Language in Historical Memory). *LUNN Bulletin*, Special Issue, 103–110. (In Russian)].
- Трофимова Г. Н. Лингвистическая безопасность: к проблеме толкования // Вестник РУДН, сер. Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2012. № 1. С. 24–29. [Trofimova, Galina N. (2012) *Lingvisticheskaya bezopasnost': k probleme tolkovaniya* (Linguistic Safety: Interpretation Aspect). *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 1, 24–29. (In Russian)].
- Bailey, Nathan. (1726) *An Universal Etymological English Dictionary*. London: Printed for J. Darby.
- Barclay, James. (1774) *A Complete and Universal English Dictionary On a New Plan*. London: Printed for Richardson and Urquhart.
- Barnhart, Robert K., et al. (eds.) (2008) *Chambers Dictionary of Etymology*. Edinburgh: H. W. Wilson Company.
- Barrett, John. (1573) *An Alvearie, or, Triple Dictionarie, in Englishe, Latin, and French*. London: By Henry Denham.
- Cockeram, Henry. (1930) *The English Dictionarie of 1623*. New York: Huntington Press.
- Cotgrave, Randle. (1611) *A Dictionarie of the French and English Tongves*. London: Printed by Adam Islip.
- Dilucidissimus ecessaries, mirum quam utilis, nec dicam ecessaries omnibus lingvarum studiosis (1549). Venetia: per Francesco Bindoni, & Mapheo Pafini.
- Fenning, Daniel. (1768) *The Royal English Dictionary; Or, A Treasury of the English Language*. London: Printed for R. Baldwin.
- Florio, John. (1598) *A Worlde of Wordes, or, Most copious, and exact dictionarie in Italian and English*. London: By Arnold Hatfield for Edward Blount.
- Glossographia Anglicana Nova. (1707) London: Printed for Dan. Brown, etc.
- Gove, Philip Babcock. (1993) *Webster's Third New International Dictionary of the English Language Unabridged*. Cologne: Könenmann Verlagsgesellschaft MBH.
- Higgins, Iohn. (1572) *HVLOETS Dictionarie*. Londini: In ædibus Thomæ Marshij.
- Holyoke, Francis. (1612) *Riders Dictionarie*. Oxford: Printed by Ioseph Barnes.
- Ivanov, Andrey V., & Ivanova, Rimma A. Four centuries of German “happiness” in lexicographers’ interpretations. *SHS Web Conferences*. Vol. 122. International Conference “Fundamental Research of the Phenomenon of Happiness” 2020, 2021. Article Number 01005. DOI <https://doi.org/10.1051/shsconf/202112201005>.
- Johnson, Samuel. (1755) *A Dictionary of the English Language*. In 2 vols. Vol. II L-Zootomy. London: Printed by W. Strahan, etc.

- Kersey, John. (1708) *Dictionarium Anglo-Britannicum*. London: Printed for J. Wilde.
- Klein, Ernest. (1971) *A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language*. Amsterdam: Elsevier.
- Noble, Thomas, Shorton, William, & Barclay, James. (1835) *Barclay's New Universal English Dictionary*. London: Fisher, Son, & Co.
- Ogilvie, John. (1883) *The Imperial Dictionary of the English Language*. In 4 vols. Vol. IV Scream-Zythum. London: Blackie & Son.
- Onions, Charles Talbut. (ed.) (1937) *Oxford Universal English Dictionary on Historical Principles*. In 10 vols. Vol. VIII Rel-Sol. Oxford: Oxford University Press.
- Onions, Charles Talbut. (ed.) (1966) *Oxford Dictionary of English Etymology*. Oxford: Oxford University Press.
- Partridge, Eric. (1978) *Origins. A Short Etymological Dictionary of Modern English*. London and Henley: Routledge & Kegan Paul.
- Phillips, Edward. (1706) *The New World of Words: Or, Universal English Dictionary*. London: Printed for J. Phillips.
- Polychronicon Ranulphi Higden monachi Cestrensis; Together with the English Translations of John Trevisa and of an Unknown Writer of the Fifteenth Century (1865). London: Longman & Co.
- Security // Cambridge Dictionary. Retrieved from <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/security>
- Security // Merriam-Webster Dictionary. Retrieved from <https://www.merriam-webster.com/dictionary/security#learn-more>
- Skeat, Walter William. (1989) *An Etymological Dictionary of the English Language*. Oxford: At the Clarendon Press.

УДК 811.112

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2021-55-3-52-60

ВОЕННЫЙ ТЕРМИН КАК ОСОБАЯ ЕДИНИЦА СПЕЦИАЛЬНОЙ ОБЛАСТИ ЗНАНИЯ

Е. Г. Князева

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации,
Москва, Россия

Статья посвящена описанию военного термина как особой лексической единицы специальной области знания. В работе рассматриваются особенности термина как такового и военного термина в частности в преломлении как к процессу перевода, так и к его результату. В соответствии с поставленными целями в исследовании использован целый ряд методов лингвистического анализа, таких как сопоставительный анализ, методы сплошной выборки, количественный анализ, лексикографический метод. Автор статьи подчеркивает полисемантическую природу термина, который связан с концептуализацией. На основе анализа исследовательского материала в статье делается вывод о том, что структура полисемантического слова связана с прототипичностью. Автор статьи на базе особенностей выявляемого и анализируемого практического материала, каковым являются военные термины, приходит к заключению о том, что термин является итогом процесса когнитивной организации явлений и предметов, окружающих человека в процессе его жизнедеятельности. Представленная схема исследовательского описания может быть использована для дальнейшего системного анализа военной терминологии как специальной области знания.

Ключевые слова: термин; значение; язык; структура; концепт; перевод; военный термин; терминология; вербальная проекция; метод.

Military Terms as Specific Lexical Units within a Specialized Field of Knowledge

Elena G. Knyazeva

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia

The article evaluates military terms as specific lexical units within a particular field of knowledge, focusing on those features of terms in general and military terms in particular that are especially relevant for translation, both as a process and its result. The research is based on different linguistic methods of evaluation such as comparative analysis, lexicographic method, contextual analysis, etc. The author emphasizes polysemy in terminology and its connection to terms' conceptual organization, evaluates various relationships between the derived values of polysemic words based on structured cognitive connections, and concludes that a term basically represents the result of a long-term process of cognizing objects and phenomena of objective reality and thus is a verbalization of a particular concept, which can initially reflect much more than just a mental object, but may represent a manifestation of sensory perception. The material of the paper might be used for further systemic research of military terms as part of specialized field of human knowledge.

Key words: term; meaning; language; structure; concept; translation; military term; terminology; verbal projection; method.

1. Введение

В статье речь пойдет о военном термине как о специфической лексической единице специальной области знания. Мы опишем термин как таковой и военный термин в частности в преломлении к процессу перевода на основе сводного глоссария Совета Россия – НАТО по сотрудничеству, созданного Экспертной группой по терминологии (ЭГТ) Совета Россия – НАТО. Глоссарий отражает опыт общения и преодоления языкового барьера специалистами России и НАТО в многочисленных областях сотрудничества.

Мы рассматриваем военный термин как специфический специальный концепт с характерными для области военного дела моделями.

В качестве методологической базы мы берем точку зрения Т. Г. Поповой (Попова 2003: 59), которая в своем труде подчеркивает, что «концепты широко используются как когнитологами для изучения механизмов представления знания, так и лингвокультурологами, усматривающими огромную ценность концепта в возможности проникновения в глубинные слои культуры и национального сознания, что и определяет особенность современных лингвокультурологических исследований» (Попова 2003: 57). Далее исследователь отмечает, что «неотъемлемой частью концепта являются собственно языковые знания. Они входят в общие знания о мире как сведения о том, как знания и смыслы кодируются в языке» (Попова 2003: 59).

Ссылаясь на Макеева (Макеев 2017), Е. П. Савруцкая и С. В. Устинкин (Савруцкая, Устинкин 2020: 103–104) подчеркивают, что «в условиях развития современной цивилизации, для которой характерно увеличение доли виртуального над социальным, неминуемо происходят изменения в содержании и направленности коммуникационных процессов, способствующих появлению множества независимых систем, многочисленных субкультур и метаязыков культуры. Научно-технологическое развитие способствует накоплению отраженных в новой языковой картине мира смыслов и значений, которые привносятся в культуру и языковые модели новые направления и формы изменяющегося мира расширенной объективно виртуальной реальности (Макеев 2017)».

Тем не менее нужно подчеркнуть и такое немаловажное обстоятельство, что именно «под влиянием новых информационно-коммуникативных технологий современная языковая картина мира оказывает, во-первых, многостороннее воздействие на процессы получения знаний. А во-вторых, необходимо отметить, что новые информационно-коммуникативные тех-

нологии в корне изменяют обеспечиваемые институтами образования и семьи привычные методы обучения и воспитания» (Шмидт, Коэн 2013: 30–32, 47–50).

Индивид возводит собственный мир не только на основе тех или иных своих действий, но также благодаря именно языку, на котором он говорит. Как утверждает В. А. Тырыгина, «сама “проговоренность” делает реальность, поскольку то, что не проговаривалось, не существует» (Тырыгина 2020: 114).

2. Характеристика материала и методов исследования

На сегодняшнем этапе развития лингвистической науки можно наблюдать такой процесс, как радикальное переосмысление понятийного аппарата многих научных парадигм знаний и дисциплин и, как следствие, появление новых отраслей знания. Такое явление не может не влиять на возникновение «новых понятий, что резко увеличивает потребность в номинации» (Лейчик 2007: 7).

Военный текст и его разновидности, к которым мы относим военнаучные, военно-технические, военно-публицистические, военно-дипломатические и другие поджанры, изобилуют специализированными терминами.

В нашей статье фактическим материалом служат аутентичные тексты и их фрагменты на английском и русском языках (в одноязычной ситуации) и их переводы (в двуязычной ситуации), содержащие языковые факты вербальной избыточности и недостаточности, экстрагированные из военно-технической, военной-публицистической, военно-дипломатической и военно-научной литературы, а также материалов информационных интернет-порталов. Теоретической базой послужили принципы и методология организации переводоведческой лингводидактики и терминологии.

Методология проведения исследования носит интегративный характер. Мы опираемся на комплексный подход, при котором применяются метод лингвистического описания, сопоставительно-типологический метод, а также методы сплошной выборки (для отбора фактического материала), количественного анализа, лексикографический метод.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Мы полагаем, что при отношении к языку как к знаковой системе, которая получила развитие по мере культурного и исторического развития народов, нужно исходить из того понимания, что язык представляет собой обобщенную форму выражения самого различного опыта людей и что «язык оказывается тем самым высоким уровнем, на котором информация,

полученная по разным каналам, обрабатывается воедино, осмысливается, категоризируется и классифицируется» (Попова 2003:13).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что именно «благодаря языку происходит переход общественно значимых смыслов в индивидуальное сознание личности, осуществляется закрепление социальных значений в структуре мотивации поведения, сохраняется историческая память» (Савруцкая, Устинкин 2020: 105–106). О подобном отношении к языку также пишут И. М. Кувакова и С. В. Устинкин (Кувакова, Устинкин 2018: 173–182).

Сошлемся на выводы Е. П. Савруцкой и С. В. Устинкина о том, что «системообразующая и культуросохраняющая роль языка обеспечивают возможности сохранения социокультурной преемственности и понимания смыслов используемых знаковых систем и норм поведения применительно к конкретным этнокультурным условиям развития человека, общества и государства» (Савруцкая, Устинкин 2020: 105). В контексте подобного понимания роли языка совершенно оправданной видится ссылка на точку зрения Б. Уорфа, который считает, что влияние языка на различные виды поведения выражается «не столько в особых случаях употребления языка, сколько в его постоянно действующих законах и в повседневной оценке им тех или иных явлений» (Уорф 2003: 156).

Как подчеркивают С. В. Устинкин и И. М. Кувакова в статье «Лингвистическая безопасность России и ДАС — дистанционные альтернативные сервисы в образовании» касательно новых вызовов языка, «самоорганизация поля проблем науки о языке обусловила, во-первых, рост объемов и масштабов знаний; во-вторых, лавинообразное расширение предметов, объектов и методов лингвистических исследований; в-третьих, усложнение количественно-качественных характеристик языкового анализа, что, как следствие, в-четвертых, предопределило многопрофильный контент прикладного и практического опыта, а в-пятых, обусловило развертывание семантического контента и профессиональное “восхождение” языкового научного сотрудничества» (Устинкин, Кувакова 2020: 132).

Нельзя не согласиться с Е. П. Савруцкой и С. В. Устинкиным, которые в ходе своего исследования роли языка и его сохранения приходят к заключению о том, что «повышенные нагрузки, выпадающие на вербальную коммуникацию, объяснимы и тем, что в комплексе взаимосвязанных политических, дипломатических, военных, экономических, информационных и иных мер обеспечения национальной безопасности и осуществления стратегического сдерживания особое место занимают такие формы международного взаимодействия, как переговоры, соглашения, установление

диалога между враждующими сторонами» (Савруцкая, Устинкин 2020: 106).

Другими словами, мы, соответственно, можем утверждать, что языковая интеракция, а также тактическое и стратегическое целеполагание на то, чтобы прийти к взаимосоглашению, представляет собой важный канал связи, направленный на уменьшение потенциала различных военных действий с использованием современных видов вооружения.

Говоря о стратегическом сдерживании, мы в первую очередь ссылаемся на такой документ, как Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, в котором особо подчеркивается мысль о том, что Российская Федерация «обеспечивает национальную оборону, исходя из принципов рациональной достаточности и эффективности, в том числе за счет методов и средств невоенного реагирования, механизмов публичной дипломатии и миротворчества, международного военного сотрудничества» (Стратегия 2009).

Таким образом, на основании вышесказанного сделаем вывод о том, что для плодотворного международного сотрудничества важно учитывать множество аспектов, в том числе адекватное восприятие и понимание терминологии коммуникативного акта. В нашем исследовании, как мы уже подчеркивали, речь идет о военной терминологии.

Следующий вывод, к которому мы приходим, заключается в том, что в контексте описываемого нами языкового явления терминологии языковая интеракция представляет собой весьма важную методологическую основу для международного сотрудничества.

Отметим, что при исследовании терминологических единиц для нас методологической основой является точка зрения Т. Г. Поповой о том, что «язык, являясь средством общения людей, представляет собой систему знаков особой природы, выступающих основным инструментом выражения мысли и средством общения людей между собой» (Попова 2003: 37).

В военном тексте можно встретить многозначность. Вследствие того, что одна и та же лексическая единица в разных областях человеческой деятельности переосмысливается исходя из той или иной парадигмы знания, мы можем говорить и об омонимии термина.

При употреблении термина происходит как расширение, так и сужение значения. Расширение назывной функции происходит в тех случаях, когда лексические единицы из узкопрофессиональной области используются в литературно-разговорном или фамильярно-разговорном подъязыках, например: *стартовать*, *поставить якорь* и т. д. и т. п. В том случае, когда лексическая единица используется в узкоспециальной области, мы

можем говорить о сужении значения терминологической единицы, например: *подвеска*.

Вместе с тем отметим, что может быть и обратный процесс: использование военной лексики в литературно-разговорном или фамиллярно-разговорном поязыках. Например: *быть окруженным, занять оборону, выйти на тропу войны, начать наступление* и т. д и т. п.

Приведем примеры перевода военного термина *emission*, который представляет собой лексическую единицу для специальных целей, обозначающую общее, конкретное или абстрактное понятие определенной специальной области знаний / деятельности. Данная лексическая единица имеет такие значения, как 'излучение', 'испускание' (*radiation, emitting*), 'выпуск' (*release*), 'эмиссия', 'выброс', 'уровень выбросов', 'выброс в атмосферу' (*issue, discharge, emission level, emission to atmosphere*), 'выделение' (*allocation*), 'выхлоп' (*exhaust*).

Покажем толкования термина *emission*, например, в значении 'выброс' и 'излучение' (РЛС): 1) *substances discharged into the air, e.g. by chimney or vehicle* — «вещества, выбрасываемые в атмосферу из трубы или транспортного средства»; 2) *electromagnetic or acoustic energy emitted by an object* — «электромагнитные или акустические волны, излучаемые объектом».

Опираясь на приведенный пример терминологической единицы *emission*, мы можем констатировать, что содержательное ядро многозначного термина репрезентирует все семантические варианты терминологической единицы. В этой связи приведем следующие демонстрационные примеры с термином *emission control*, который сокращается как *EMCON*.

Данная терминологическая единица переводится как «радиоэлектронная маскировка», «контроль работы радиоэлектронных средств (РЭС). Например: *Selective control of emitted electromagnetic or acoustic energy. The aim may be twofold: a) to minimize the energy of detection of emissions and exploitation of the information so gained* — «Регулируемый контроль мощности излучаемых электромагнитных или акустических волн с целью: а) значительного снижения возможностей противника по обнаружению излучений и использованию полученной таким образом информации».

Далее приведем еще один пример перевода терминологической единицы *emission: to reduce electromagnetic interference thereby improving friendly sensor performance* — «снижение эффективности электромагнитных помех и улучшение работы радиоэлектронных средств».

Таким образом, мы видим процесс развертывания терминологической единицы *emission* в *emission control*, а далее в *emission control plan*.

Последний приведенный нами военный термин переводится как «*план контроля радиоизлучений*». Как перевод-толкование терминологическая единица *emission control plan* может выглядеть следующим образом: *A plan designed to limit the amount of electromagnetic emissions to the absolute minimum* — «План, предназначенный для максимального снижения объема электромагнитного излучения».

Таким образом, на основе анализа терминологической единицы *emission* и ее перевода на русский язык отметим, что номинативно-непроизводное или первичное значение представляет собой самое частотное, по данным словарных дефиниций.

4. Заключение

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что термин является итогом процесса познания явлений и предметов, которые окружают человека в процессе его жизнедеятельности. Рассмотрев военный термин как особую единицу специальной области знания, мы можем утверждать, что он представляет собой номинативную лексическую единицу (слово или словосочетание) специального языка, принимаемую для точного наименования понятий. Военный термин является вербализацией специального концепта с характерными для области военного дела моделями.

Следующее заключение, к которому мы приходим, выражается в том, что образный прототип представляет собой схематическую ментальную репрезентацию типичных черт категории и позволяет на основании ощущаемого сходства с прототипом формировать вероятные производные значения терминологической единицы. Согласно принципу языковой экономии, а также экономии ментальных усилий, адресат прибегает к обобщенному образу, хранящемуся в памяти, развивая другие смыслы от данного прототипического смысла.

Список литературы / References

- Кувакова И. М., Устинкин С. В. Язык как институт и инструмент умо- и самостроения будущего мира // Власть. 2018. Т. 26. № 7. С. 173–182. [Ustinkin, Sergey V., & Kuvakova, Irina M. (2018) *Yazyk kak institut i instrument umo- i samostroyeniya budushchego mira* (Language as an Institution and a Tool for the Mind and Self-Construction of the Future World). *Vlast*, vol. 26, 7, 173–182. (In Russian)].
- Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 3-е. М.: Издательство ЛКИ, 2007. [Lejchik, Vladimir M. (2007) *Terminovedenie: predmet, metody, struktura* (Terminology: Object, Methods, Structure). 3rd ed. Moscow: LKI. (In Russian)].
- Макеев С. Н. Феномен социального общения в пространстве расширенной объективно-виртуальной реальности: Дис. ... канд. филос. наук. Н. Новгород, 2017. [Makeyev, Sergej N. (2017) *Fenomen sotsial'nogo obshcheniya v prostranstve rasshirennoy obyektivno-virtualnoy realnosti* (The Phenomenon of Social Communication in the

Space of Expanded Objective-Virtual Reality). PhD Thesis (in Philosophy). Nizhny Novgorod. (In Russian)].

- Попова Т. Г.* Национально-культурная семантика языка и когнитивно-социокоммуникативные аспекты (на материале английского, немецкого и русского языков): Монография. М.: Изд-во МГОУ, 2003. [Popova, Tatiana G. (2003) *Natsional'no-kul'tyrnaya semantika jazika I kognitivno-sotchiokommunikativnije aspekti (na materiale anglijskogo, nemetskogo I russkogo jazikov* (National and Cultural Semantics of a Language and Cognitive and Sociocommunicative Aspects (A Case Study of English, German and Russian): Monograph. Moscow: Izd-vo MGOU (In Russian)].
- Савруцкая Е. П., Устинкин С. В.* Язык в сохранении исторической памяти // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2020. Спецвыпуск. С. 103–110. [Savrutskaya, Elizaveta P., & Ustinkin, Sergey V. (2020) *Yazyk v sokhranении istoricheskoy pamyati* (The Role of Language in the Safe of Historical Memory). *LUNN Bulletin*, Special issue, 103–110. (In Russian)].
- Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537, раздел IV, п. 26, 27 [Электронный ресурс] // Система Гарант. URL: <http://base.garant.ru/195521> (дата обращения 10.08.2021) [Strategiya natsionalnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii do 2020 goda. Utverzhdena Ukazom Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 12 maya 2009 g. № 537. razdel IV. p. 26, 27 (National Security Strategy of the Russian Federation until 2020. Approved with the Decree of the President of the Russian Federation 12 May 2009 № 537, section IV, pp. 26, 27) (2021, August 10). Sistema Garant. Retrieved from <http://base.garant.ru/195521>. (In Russian)].
- Тырыгина В. А.* Дискурсивное конструирование актуальных событий в российских и англоязычных медиа в свете лингвистической безопасности // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2020. Спецвыпуск. С. 111–126. [Tyrygina, Valentina A. (2020) *Diskursivnoe konstruirovaniye aktual'nykh sobytii v rossiyskikh i angloyazychnykh media v svete lingvisticheskoy bezopasnosti* (Discursive Construal of Current Events in Russian and English Language Media in the Light of Linguistic Security). *LUNN Bulletin*, Special issue, 111–126. (In Russian)].
- Уорф Б. Л.* Отношения норм поведения и мышления к языку // Языки как образ мира. М.: АСТ; СПб: Terra Fantastica, 2003. С. 157–201. [Uorf, Benjamin L. (2003) *Otnosheniya norm povedeniya i myshleniya k yazyku* (Relationship of Norms of Behaviour and Thinking to Language). *Yazyki kak obraz mira* (Languages as the Image of the World). Moscow: AST; Saint Petersburg: TerraFantastica, 157–201. (In Russian)].
- Устинкин С. В., Кувакова И. М.* Лингвистическая безопасность России и ДАС — дистанционные альтернативные сервисы в образовании // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2020. Спецвыпуск. С. 127–138. [Ustinkin Sergey V., & Kuvakova Irina M. (2020) *Lingvisticheskaya bezopasnost' Rossii i DAS — distantsionnye al'ternativnye servisy v obrazovanii* (Linguistic Security of Russia and DAS (Distance Alternative Services) in Education). *LUNN Bulletin*, Special issue, 127–138.

Шмидт Э., Коэн Д. Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государства. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. [Shmidt, Erik, & Koen, Jared. (2013) *Novyy tsifrovoy mir. Kak tekhnologii menyayut zhizn lyudey. modeli biznesa i ponyatiye gosudarstva.* (New Digital World. How Technology is Changing People's Lives, Business Models and the Concept of the State). Moscow: Mann, Ivanov i Ferber. (In Russian)].

УДК 81'1

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2021-55-3-61-83

АУДИОВИЗУАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД В СССР И РОССИИ: КРАТКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Е. Д. Малёнова

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского,
Омск, Россия

Статья посвящена выявлению особенностей становления и развития аудиовизуального перевода в СССР и России. Автор выстраивает исследование в форме исторической ретроспективы, охватывающей период с начала XX века и по настоящий момент. Цель исследования — провести параллели между особенностями исторического развития нашей страны и практиками аудиовизуального перевода, применяемыми в тот или иной период. Материалом для исследования послужили научные статьи, архивные документы, дневники, оригинальные и переводные аудиовизуальные произведения разных лет. Последовательно двигаясь от эпохи немого кино к современному состоянию кинематографа, автор описывает наиболее яркие практики аудиовизуального перевода, иллюстрируя описание конкретными языковыми примерами. Автор рассматривает особенности аудиовизуального перевода в начале XX века на материале анализа интертитров к немым фильмам. Особое внимание уделяется развитию аудиовизуального перевода в период 30–40-х годов XX века, ознаменовавшийся переходом от субтитрирования к дубляжу и определивший дальнейшее становление России как дубляжной страны. Отдельно автор рассматривает проблемы цензуры в советском аудиовизуальном переводе. Говоря об аудиовизуальном переводе в постсоветский период, автор подробно останавливается на таких переводческих практиках, как «русский дубляж» и пародийный «гоблинский перевод». В заключении кратко описывается современное состояние аудиовизуального перевода в России, в частности рассматривается явление фанатского перевода. Автор делает вывод о необходимости дальнейшего изучения истории аудиовизуального перевода для лучшего понимания его современного состояния и использования накопленного опыта в практике аудиовизуального перевода.

Ключевые слова: аудиовизуальный перевод; история перевода; субтитрирование; дубляж; закадровый перевод; трансмедийный проект.

Audiovisual Translation in the USSR and Russia: a Brief Historical Retrospective

Evgeniya D. Malenova

F. M. Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

The article looks at the development of audiovisual translation in the USSR and the Russian Federation from a diachronic perspective. By showing that audiovisual translation took many different forms over the years, it highlights the factors shaping modern practices of audiovisual translation. The author has designed her research as a historical retrospective starting from

the beginning of the 20th century and ending with the current state of audiovisual translation. The major aim of the research is to draw a parallel between the peculiarities of Russian history and audiovisual translation practices used at each period of its development. The paper draws upon different sources including scholarly articles, documents, diaries, multimedia, films, etc. Moving from the period of silent movies towards the modern age of cinema, the author describes the most prominent practices supported by real-life examples. The author starts with analyzing techniques of the early audiovisual translation by studying the intertitles to silent movies. Special emphasis is put on the period of the 1930-40s, marked by the transition from dubbing to subtitling, which defined the future of Russia as a dubbing country. The author discusses the problem of censorship in audiovisual translation and, passing on to audiovisual translation in the post-Soviet period, gives a detailed description of the famous Russian voiceover which includes mock “Goblin translations.” In conclusion, the author examines such modern translation practices as fansubbing and fandubbing.

Key words: audiovisual translation; translation history; subtitling; dubbing; voice-over; transmedia project.

1. Введение

Иностранная киноvideопродукция давно стала неотъемлемой частью жизни. Никого уже не удивляет тот факт, что зарубежные актеры говорят со зрителями на знакомом им языке, а телеканалы транслируют сериалы, ток-шоу, образовательные программы и прочий контент в переводе на русский язык. Несмотря на то, что аудиовизуальный перевод — широко распространенная коммуникативная практика, которой уже более 100 лет, интерес к исследованиям этого вида перевода за рубежом ярко проявился лишь в начале 90-х годов XX века, когда люди обнаружили, что буквально окружены экранами различных размеров, ставшими привычным элементом нашей социальной среды (Díaz Cintas 2008: 1). Что касается советской и российской переводческой школы, то первые отечественные опыты исследования аудиовизуального перевода появились лишь в начале нынешнего тысячелетия, хотя к исследованиям семиотики кинотекста советские и российские лингвисты обращались с 30-х годов XX века (Лотман 1973; Тынянов 1977; Лотман, Цивьян 1994; Колосова, Коробова, Уханова 2018). Таким образом, в настоящий момент в российском переводоведении отсутствует единое мнение относительно теоретической парадигмы, в рамках которой должно вестись изучение и теоретическое осмысление аудиовизуального перевода. Несмотря на этот факт, количество исследований, выполненных на материале аудиовизуальных произведений, неуклонно растет (Малёнова 2019: 65). Об этом также свидетельствуют результаты конкурса научных работ, посвященных аудиовизуальному переводу и цифровой доступности, проведенного в 2020 году Евразийской лигой субтитровщиков: на конкурс было прислано более 50 работ из 15 городов России (Итоги конкурса научных работ 2020).

С другой стороны, также растет спрос и на сами услуги аудиовизуального перевода. По информации агентства *RNS*, доля отечественных фильмов, вышедших на широкий экран в 2019 году, составила всего 23 % от общего объема кинопроката в стране (В России назвали причину снижения доли российского кино в кинотеатрах 2020). Соответственно, доля зарубежного контента выросла до 77 %. Это означает, что еще больше аудиовизуальных произведений были переведены. Объемы иноязычного контента, локализуемого для показа посредством *ATT*-платформ и *VoD*-сервисов, а также для трансляции по телевидению, в принципе не поддаются исчислению. Даже когда речь идет о внутриязыковом переводе, то и здесь прогнозируется серьезное повышение спроса на услуги специалистов в области аудиовизуального перевода в связи принятием Федерального закона от 28 марта 2017 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в статьи 8 и 9 Федерального закона “О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации”», согласно которому при получении средств на производство полнометражного национального фильма «их получатель обязан осуществить субтитрирование и тифлокомментирование этого фильма за счет указанных средств в соответствии с требованиями, утверждаемыми федеральным органом исполнительной власти в области кинематографии» (Федеральный закон № 34-ФЗ «О внесении изменений в статьи 8 и 9 Федерального закона «О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации» 2017).

Данные, приведенные выше, свидетельствуют о необходимости активизировать исследования в области аудиовизуального перевода как с точки зрения выработки практических рекомендаций по выполнению различных видов аудиовизуального перевода, так и с точки зрения специфики развития аудиовизуального перевода как коммуникативной практики. В связи с этим целью данного исследования является описание процесса развития практики аудиовизуального перевода в нашей стране в форме краткой исторической ретроспективы, что позволит выявить закономерности его становления и онтогенеза, что, в свою очередь, поможет осмыслить современное состояние отечественного аудиовизуального перевода.

2. Характеристика материала и методов исследования

Основной методологической парадигмой настоящего исследования стал диахронический подход, позволяющий четко выделить отдельные этапы развития практики аудиовизуального перевода в СССР и России. Первая часть статьи посвящена рассмотрению становления традиций аудиовизуального перевода в советский период, причем основное внимание уделяется цензуре, которая и определила дальнейшую судьбу отече-

ственного аудиовизуального перевода, в результате чего Россия сейчас традиционно считается «дубляжной» страной. На конкретных языковых примерах рассматриваются приемы, которые приходилось использовать переводчикам, чтобы не только обеспечить соблюдение технических ограничений дубляжа, но и исключить упоминание «запретных» тем, таких как сексуальные взаимоотношения, идеологические проблемы, описание капиталистического образа жизни и т. д.

Во второй части статьи рассматриваются специфические практики аудиовизуального перевода, применявшиеся в постсоветскую эпоху, начиная с пиратской эры 90-х годов XX века, когда в России возник уникальный вид озвучивания фильмов, так называемый «русский закадр». Отдельное внимание уделяется практике создания пародийных переводов — «гоблинских переводов», названных так в соответствии с псевдонимом их создателя Гоблина, он же Дмитрий Пучков. Основная цель исследования состоит в проведении параллелей между событиями, происходившими в конкретный период истории, и особенностями практики аудиовизуального перевода.

В заключении приводится информация о современном состоянии аудиовизуального перевода в России в попытке описать, как особенности онтогенеза аудиовизуального перевода на российской почве отражаются на принципах данного вида перевода, применяемых сегодня. Основное внимание уделяется новым практикам, изменившим ландшафт аудиовизуального перевода в XXI веке: фанатскому дубляжу и субтитрованию («фандаббингу» и «фансаббингу»).

Анализ развития практики аудиовизуального перевода сопровождается языковыми примерами, на которых демонстрируются основные тренды отечественного аудиовизуального перевода, описанные в статье. Материалом исследования стали англоязычные аудиовизуальные произведения, снятые и переведенные на русский язык в разные годы, анализ которых позволил выявить особенности выполнения аудиовизуального перевода на различных этапах его развития в нашей стране.

3. Результаты исследования и их обсуждение

3.1. Зарождение аудиовизуального перевода в России и СССР: интертитры и субтитрование

Начало эре кинематографа положили эксперименты братьев Огюста и Луи Люмьеров, завершившиеся публичным показом серии короткометражных фильмов, который состоялся в Париже 28 декабря 1895 года. С этого момента «синематограф» начал свое победное шествие по миру. В России первые кинопоказы состоялись в самом начале XX века, после

того как французский предприниматель Шарль Пате организовал студию «Братья Пате» и начал активно заниматься кинопроизводством. Русские предприниматели, узнав о коммерческом успехе синематографа, закупили продукцию студии Пате и организовывали так называемые «кинопередвижки» — автомобили, оснащенные портативными киноустановками. По просторам Российской империи колесили сотни таких кинопередвижек, и постепенно кинематограф стал «популярнейшим из массовых аттракционов» (Лебедев 1965). Первые российские кинотеатры, называвшиеся в то время «электротeatры», начали открываться в 1903–1907 годах, в них демонстрировались в основном фильмы французского производства, снятые на студии «Братья Пате» (там же). Кинематограф постепенно стал настолько популярен, что даже В. И. Ленин в своей беседе с наркомом просвещения А. В. Луначарским сказал: «<...> вы должны твердо помнить, что из всех искусств для нас важнейшим является кино» (Болтянский 1925:19).

В соответствии с политикой молодого Советского государства далеко не все кинокартины зарубежного производства попадали на экраны. Согласно поручению В. И. Ленина «Директивы по киноделу», продиктованному 17 января 1922 года, в советский прокат могли выходить два вида кинофильмов: «а) увеселительные картины, специально для рекламы и для дохода (конечно, без похабщины и контрреволюции) и б) под фирмой “из жизни народов всех стран” — картины специального пропагандистского содержания...» (Ленин 1970: 360). Таким образом, отдельные киноленты, подходящие под указанные категории, все же выходили в широкий прокат и переводились на русский язык. Примеры этих ранних переводов найти довольно сложно: часть из них безвозвратно утеряна, часть хранится на полках Госфильмофонда. Тем не менее некоторые из ранних немых фильмов, переведенных на русский язык, доступны онлайн.

Как замечает А. Шарковска, «во времена немого кино осуществлять его перевод было довольно несложно» (Szarkowska 2005). Вербальная составляющая таких фильмов оформлялась в виде интертитров — надписей, появлявшихся на экране на стыке отдельных сцен и содержащих имена и род занятий персонажей, описание сцены или отдельные ключевые реплики, необходимые для понимания контекста фильма. Язык этих интертитров был простым и лаконичным, поэтому особой проблемы для перевода на русский язык не представлял. Например, интертитры в немецком фильме «Зеленый переулок» (*Die Rothausgasse*, 1928), снятом Ричардом Освальдом, переведены на русский язык при помощи прямого перевода, без использования прагматической адаптации или опущений. В процессе перевода переводчики не ставили перед собой задачи локализовать отдельные

значимые надписи, появляющиеся на экране помимо интертитров, такие как названия улиц и надписи на табличках, но и без этого контекст фильма вполне понятен русскоязычному зрителю.

Другим примером немого фильма, переведенного на русский язык и вышедшего в широкий прокат в СССР, может служить знаменитый фильм Чарли Чаплина «Огни большого города» (*City Lights*, 1930). Анализ перевода интертитров, встроенных в этот фильм, также показывает, что основным приемом в то время был прямой, а иногда и вольный перевод, который в некоторых случаях искажал узус языка перевода. Так, например, интертитр (1) *Whoever he is, get rid of him* переведен как *Кто бы он ни был, освободитесь от него!* вместо более узуального «избавьтесь от него». В некоторых случаях переводчики использовали прием смыслового развития, в результате которого существенно искажался смысл оригинального интертитра. Так, например, интертитр (2) *Be brave. Face life*, появляющийся на экране в тот момент, когда персонаж Чаплина вытаскивает из воды джентльмена, пытавшегося утопиться, переведен как *Жизнь так прекрасна!*. В результате перевод в самом общем смысле соответствует коммуникативной ситуации, разворачивающейся на экране, но искажает интенцию говорящего. Интересным примером ранней цензуры может стать перевод самого первого интертитра фильма (3) *To the people of this city we donate this monument; Peace and Prosperity*. В переводе интертитр становится существенно короче: *Мы открываем этот памятник*, а глагол *donate* и наименование памятника просто опускаются. Это, вероятнее всего, связано с тем фактом, что благотворительность в те годы считалась характеристикой классового общества, поэтому ее невозможно было отразить в переводе интертитра. Эту догадку подтверждает дефиниция лексемы «благотворительность», приведенная в «Большой советской энциклопедии» 1927 года издания, согласно которой «социальному строю СССР чуждо понятие благотворительности» (Благотворительность 1927: 471).

Активно аудиовизуальный перевод в СССР начал развиваться в период между Первой и Второй мировыми войнами. В это время в прокат выходили зарубежные фильмы, закупленные в США для показа в СССР в рамках активного политического и военного сотрудничества. Наибольшим успехом пользовались киноленты «100 мужчин и одна девушка» Генри Костера и «Большой вальс» Жюльена Дювивье. По воспоминаниям Г. Эфрона, «Большой вальс» был с восторгом встречен не только за рубежом, но и в СССР и сам Эфрон посмотрел его не один раз (Эфрон 2007: 108). Изначально «Большой вальс» шел на экранах с субтитрами и был впервые показан в 1940 году. Интересно, что этот фильм вышел на экраны еще раз, десятью годами позже, но уже в дублированной версии, которую зрители

восприняли без былого энтузиазма. По свидетельствам Ю. А. Ростовцева, советский писатель и драматург Виктор Астафьев, который был в полном восторге от субтитрированной версии «Большого вальса» и пересматривал ее много раз, перестал смотреть этот фильм, когда тот был дублирован: «После дублирования погасли подлинные голоса исполнителей, их интонации и, наконец, тайна самого непонятного языка — фильм «онемел» и во многом потерял привлекательность, сделался простеньким и даже слащавым» (Ростовцев 2009).

Важно отметить, что в 30-е годы XX века и в самом начале Второй мировой войны основным видом аудиовизуального перевода стало субтитрирование. После появления звукового кино практика использования интертитров постепенно сошла на нет и большая часть картин, поступивших в советский кинопрокат («Скандал в Риме», 1933; «Маленькая мама», 1935; «Большой вальс», 1938; «Багдадский вор», 1940 и т. д.), демонстрировалась на языке оригинала в сопровождении русскоязычных субтитров. Несмотря на то, что технология создания и размещения субтитров на киноплёнке отработывалась вплоть до середины 30-х годов, по сохранившимся прокатным копиям фильмов видно, что переводчики того времени соблюдали основные правила субтитрирования: количество строк в одном субтитре — не более двух; субтитр находится на экране достаточно долго, то есть у зрителя есть время не только прочесть текст, но и увидеть то, что происходит на экране; субтитры хорошо сегментированы и соответствуют контексту фильма. С другой стороны, оригинальный текст, оформленный в субтитры, достаточно компрессирован: некоторые элементы диалога опущены, смысл отдельных реплик передан лишь в общих чертах. В качестве примера рассмотрим один из диалогов в фильме «Большой вальс». Молодого Штрауса увольняют из банка, и он идет к Польди, своей возлюбленной, где его встречают хозяева дома. Между ними происходит следующий диалог:

- (4) — *Bless you, son... Is the bank closed today?*
 — *Well, perhaps they run out of money.*
 — *One half of the bank is still open*
 — *The bank is still open but we're not in it. A nice happy holiday, Johann?*
 — *Yes.*
 — *Yes!*
 — *Is... is Poldi around?*
 — *Ah, he wants to see Poldi... Mama, you hear?*
 — *Sure... I thought he maybe came to see you.*
 — *If you please, Mr. Finance Minister ...*

Из 10 реплик диалога в субтитры включены только 6:

— *Разве банк сегодня закрыт?*

— *Открыт.*

— *Тебе там надоело? Решил погулять, Шани?*

— *Польди дома?*

— *Ах, он к Польди!*

— *А я думала он к тебе!..*

Из приведенного примера видно, что часть реплик опущена, часть подверглась полному переосмыслению и, как следствие, целостному преобразованию (ср. *Well, perhaps they run out of money* и *Решил погулять, Шани?*). Тем не менее зритель остается в контексте киносцены и может понять суть диалога. С одной стороны, можно предположить, что субтитровщики работали со слуха и некоторые реплики были им непонятны, а в связи с небольшими объемами переводов у них не было возможности отработать технологию создания субтитров. С другой стороны, необходимо отметить, что развитию субтитрирования в СССР мешал один простой факт: многие зрители просто не умели читать. Декрет «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР» был издан в 1919 году, тем не менее, несмотря на заверения правительства в том, что к середине 30-х годов с безграмотностью было покончено, согласно Всесоюзной переписи населения 1937 года, доля неграмотных среди мужчин составляла 14 %, а среди женщин — 34 %, причем грамотным считался тот, кто мог читать по слогам и написать свою фамилию (Жиромская, Киселев, Поляков 1996: 94). Таким образом, в 30-е годы XX века субтитрирование делало аудиовизуальные произведения недоступными для четверти населения СССР

Еще одним минусом субтитрирования был тот факт, что оригинальная дорожка на иностранном языке не заглушалась, соответственно, зритель, владеющий иностранным языком, мог понять, о чем говорят персонажи на экране. Это затрудняло процесс цензуры фильмов, выходящих в прокат. Довольно остро вопрос цензуры встал в 40-х годах XX века, когда в СССР начал комплектоваться так называемый «трофейный фонд», в который вошли фильмы иностранного производства, захваченные в качестве трофеев. Больше всего трофейных фильмов поступило в этот фонд в период с 1946 по 1949 год. Только в течение 1946 года во Всесоюзное фильмохранилище поступило 9 железнодорожных вагонов и 20 автомашин с трофейными фильмами зарубежного производства (Из истории Госфильмофонда 2008: 220). С одной стороны, практика жесткой цензуры аудиовизуальных произведений, о которой пойдет речь ниже, серьезно ограничивала возможность зрителей получить полное представление о просматриваемом

фильме. С другой стороны, все вышеперечисленные факторы способствовали развитию и совершенствованию техники перевода под дубляж.

3.2. Становление и развитие советской школы дубляжа

Советская школа дубляжа представляла собой практически идеальную модель локализации кинофильмов посредством озвучивания. По словам А. Сазонова (Сазонов 2010: 52), процесс дубляжа одного художественного фильма занимал порядка двух месяцев. Диалоговые листы переводились на русский язык, затем производилась укладка текста «в губы», чтобы артикуляция актеров на экране совпадала с русскими словами, произносимыми актерами дубляжа. После этого текст перевода проходил дополнительную литературную обработку, в ходе которой устранялись возможные звуковые дефекты (аллитерации, ассонансы и т. п.), речевые ошибки и так далее. Финальным этапом работы с текстом перевода фильма был этап цензуры, и только потом диалоговые листы на русском языке направлялись в студию дубляжа. Вся команда специалистов, работающих над фильмом, включая переводчиков, укладчиков, редакторов, режиссеров дубляжа, актеров озвучивания и т. д., прилагала огромные усилия для того, чтобы дубляж был максимально высокого качества. В короткометражном документальном фильме «Как озвучивали фильмы в СССР» показано, как каждая реплика диалогового листа редактировалась совместными усилиями укладчицы и аудиовизуального переводчика для достижения максимальной синхронизации артикуляции на экране. Затем актеры дубляжа проигрывали в студии каждую сцену фильма, чтобы максимально передать эмоции каждого актера. В результате многие советские граждане были уверены, что Луи де Фюнес, Лоуренс Оливье и другие звезды иностранного кино говорят на русском языке.

Первым фильмом, переведенным в СССР под дубляж, стала американская кинокартина «Человек-невидимка» (*The Invisible Man*, 1933). Режиссером дубляжа выступил известный советский кинорежиссер Марк Донской (Демьянок 2013). Дублирование кинофильмов стало трендом 1930-х годов и «наиболее предпочтительным способом аудиовизуального перевода для крупнейших языковых сообществ мира» (Gottlieb 1997: 310). Диалоги, переведенные на русский язык, были тщательно синхронизированы с оригинальным аудио- и видеорядом, а сама процедура дубляжа была осуществлена на киностудии им. М. Горького.

После окончания Великой Отечественной войны объемы закупок иностранных фильмов в СССР были существенно увеличены. В 1954 году СССР закупил 46 иностранных кинокартин, а уже в 1955 году это количество выросло вдвое. За первые четыре месяца 1956 года СССР было закуплено 52 иностранных кинофильма (Записка министра культуры СССР

Н. А. Михайлова с согласием секретарей ЦК КПСС о разрешении министерству самостоятельно решать вопрос о приобретении кинофильмов капиталистических стран 1956). Киностудия им. М. Горького не обладала достаточными производственными мощностями для выполнения таких объемов работ по дубляжу, в результате в 1956 году был открыт собственный дубляжный цех на киностудии «Ленфильм» (Матасов 2008: 22). Позже дубляжный цех был организован и на крупнейшей в СССР киностудии «Мосфильм». Именно эти студии, сотрудничая с лучшими переводчиками, укладчиками, режиссерами и актерами, прославили советскую школу дубляжа на весь мир.

Окончательный выбор в пользу дубляжа был обусловлен не только проблемами с ликвидацией неграмотности, о которых упоминалось выше, но и требованиями цензуры. Аудиовизуальные произведения подвергались цензуре еще со времен царской России. Согласно выписке из приказа по Московскому градоначальству от 27 ноября 1908 года, не допускались к демонстрации кинофильмы, «содержание которых может оскорбить религиозное, патриотическое или нравственное чувство, а также ленты с картинками тенденциозного и политического характера» (Лихачев 1927: 37), вдобавок к этому были запрещены киноленты, в которых демонстрировались какие-либо преступления (там же). В Советской России система цензуры была сформирована с изданием Декрета о печати, который датируется 27 октября 1917 года. В соответствии с этим документом все органы прессы, «1) призывающие к открытому сопротивлению или неповиновению Рабочему и Крестьянскому правительству; 2) сеющие смуту путем явно клеветнического извращения фактов; 3) призывающие к деяниям явно преступного, т. е. уголовно наказуемого характера», должны были быть закрыты (Декрет о печати 1917). В 1919 году все студии и организации, занимающиеся кинопроизводством, были национализированы, а в 1923 году был учрежден Комитет по контролю за репертуаром, без согласия которого не могло состояться ни одно публичное мероприятие, включая показы фильмов.

Процесс цензуры начинался с момента отбора кинофильмов, предназначенных для проката в стране. Предпочтение отдавалось приключенческим кинолентам, музыкальным фильмам и мелодрамам. Тем не менее даже в таких фильмах цензоры находили сцены и диалоги, не предназначенные для советских зрителей. Далее, путем дубляжа или субтитрирования, происходила дополнительная редакция фильма, в ходе которой неудобные советской идеологии реплики не переводились вовсе. Так, например, А. М. Василевский на совещании руководящих работников периферии по выполнению плана кинообслуживания в 1949 году отмечает, что «в 1949

году почти все заграничные фильмы будут дублированы на русский язык, ибо это делает их более доходчивыми, это дает возможность вносить более широко коррективы в диалог, в содержание фильмов, и в одно и то же время фильмы, дублируемые на русский язык, воспринимаются зрителями лучше, с большим интересом, следовательно, повышается и посещаемость этих фильмов» (цит. по Танис 2020: 32–33).

Хорошим примером иностранного художественного фильма, вышедшего на советские экраны несмотря на жесткую политику цензуры, стала дублированная версия американской комедии Билли Уайлдера «В джазе только девушки» (в оригинале *Some Like it Hot*), снятой в 1959 году, в которой сыграли знаменитые американские актеры Мэрилин Монро, Тони Кертис и Джек Леммон. Фильм рассказывает о приключениях двух незадачливых музыкантов, Джо и Джерри, которым в попытке скрыться от преследующих их гангстеров приходится переодеться в женщин и присоединиться к женскому джазовому оркестру. В СССР фильм вышел на экраны только в 1966 году, и работа цензоров началась с названия киноленты. В оригинальном названии фильма лексема *hot* несет в себе сексуальный подтекст; это подтверждает рекламный слоган, использованный для продвижения фильма в США, который звучал как *The movie too HOT for words* — намек на откровенные костюмы, сексуальные взаимоотношения персонажей и «горячую» музыку в стиле джаз (Filmsite Movie Review 1996–2021). Отношение Советского государства к откровенным темам, кажущимся сегодня вполне невинными, было однозначным: все сцены, диалоги и даже само название кинофильма, содержащие намек на сексуальную тематику, должны были быть вырезаны или подвергнуты серьезной цензуре. Таким образом, в наш культурный фонд фильм вошел под названием «В джазе только девушки», которое удачно создает комический эффект, ведь в джазе появляются двое мужчин, переодетых в женские платья и парики.

Другой запретной темой были азартные игры. Так как Джо, один из главных героев фильма, был большим любителем играть на собачьих бегах, в фильме есть фрагменты, содержащие обсуждение бегов, ставок, а также упоминание букмекеров. Либо все эти сцены были вырезаны полностью, либо соответствующие диалоги героев были серьезно отредактированы переводчиками. В результате перемонтажа и редактуры отдельных сцен фильм, который в оригинале длится 120 минут, в дубляже стал на 24 минуты короче.

«В джазе только девушки» был дублирован на киностудии им. М. Горького, и при подготовке русского синхронного текста аудиовизуальным переводчикам пришлось довольно серьезно потрудиться над ори-

гинальными диалогами, внося в них при переводе довольно существенные изменения. При упоминании азартных игр переводчики переписывали диалоги, соблюдая правила дубляжной укладки, и в результате вместо реплики (5) *I wonder, how much Sam the bookie will give us for our overcoats?* в фильме появляется реплика *Сколько можно получить за наши пальто, если отнести их в заклад?*. В данном примере сохраняется общий посыл реплики, обусловленный контекстом сцены, но пропадает упоминание букмекера, имеющего непосредственное отношение к индустрии азартных игр. Похожей стратегией переводчики воспользовались и при переводе диалогов в сцене в гараже, где гангстеры играли в покер. Несколько кадров, демонстрирующих начало игры, были вырезаны, но игра возобновилась во фрагменте, который не пострадал при перемонтаже и где мы отчетливо видим на экране людей, играющих в карты. Тем не менее при переводе реплики играющих были изменены таким образом, чтобы из них исчезли любые упоминания карточной игры. Например, фраза (6) *Aces bet* была генерализована до *Ладно, поехали дальше*.

Хорошим примером укладки реплик под полный липсинк (вид дубляжа, при котором речь актеров озвучивания должна быть фонетически полностью синхронизирована с движением губ актеров на экране) и соблюдения требований цензуры стал диалог Джо, притворившегося миллионером, с главной героиней Душечкой. Джо пригласил Душечку на «свою» яхту, и когда герои начали обмениваться страстными поцелуями, Джо заинтересовался, где Душечка так научилась целоваться. Она пояснила, что продавала поцелуи в поддержку «Молочного фонда» (*Milk Fund*), учрежденного в США в 1932 году с целью сбора средств для помощи нуждающимся. В результате Джо обещает перечислить в фонд деньги, оплатив каждый последующий поцелуй Душечки. Из советской дублированной версии фильма данная сцена была вырезана полностью, так как не соответствовала моральным ценностям того времени. Тем не менее тема «Молочного фонда» возникает еще раз в диалоге, который происходит на рассвете, когда герои прощаются крыльце гостиницы:

(7) — *How much do I owe the Milk Fund so far?*

— *850 thousand dollars.*

— *Let's make it an even million.*

Переводчикам удалось остаться в контексте сцены, в которой влюбленный Джо целует Душечку, при этом удалив из диалога любые намеки на продажу поцелуев. В результате диалог героев был полностью изменен с учетом необходимости осуществления укладки под полный липсинк:

— *Для меня ночь пролетела незаметно.*

— *И для меня тоже, дорогой.*

— *Я по-настоящему счастлив.*

Таким образом, герои, посредством дубляжа, превращаются в обычную молодую влюбленную пару. Такие взаимоотношения полностью соответствовали советской идеологии, и поэтому данная сцена осталась в дублированной версии фильма.

Еще одним преимуществом дубляжа для аудиовизуальных переводчиков, проистекающим от отсутствия оригинальной звуковой дорожки с диалогами в дублированном фильме, стала возможность безболезненной адаптации западных культурных реалий для советской аудитории. Владение культурным кодом зарубежных лингвокультурных сообществ, позволяющее переводчику распознавать в тексте знаки культуры (Барышев, Сдобников 2020: 19), является необязательным для зрителя. Поэтому то «чужое», с чем сталкивается переводчик — то, что не выражено в языке перевода (Разумовская, Валькова 2017: 111), требует от переводчика применения особых приемов передачи элементов культурного кода средствами языка перевода. Универсальной тактикой в таком случае стала прагматическая адаптация, позволившая переводчикам «обеспечить аналогичную реакцию (по крайней мере, максимально приближенную к ней) на воспроизводимую в тексте перевода информацию со стороны получателя перевода» (Шамилов, Кириллова 2021: 92). Так, например, в рассматриваемом фильме словосочетание (8) *playing golf* было заменено на *пойти в ресторан*, (9) *St. Valentine's dance* был генерализован до *танцевального вечера*, а сложные для понимания советским зрителем кулинарные реалии (10) *hot dogs* и *maraschino cherries* были заменены на понятные всем *селедку* и *что-то солененькое* соответственно. В данном случае достаточно сложно обосновать выбор подобных инвариантов перевода, но при просмотре дублированного фильма на русском языке у зрителей не возникает никаких вопросов, так как в кадре мы видим девушек, едущих в поезде и собирающих на стол все, что есть у них в запасе. Аналогичную стратегию доместикации переводчики использовали и для передачи имен собственных, например, фраза (11) *...with money like Rockefeller and shoulders like Johnny Weissmuller* в русском дубляже звучит *чтобы денег побольше, а родни поменьше*. Всего лишь несколько приведенных примеров демонстрируют, насколько творчески приходилось советским аудиовизуальным переводчикам подходить к процессу создания синхронного русского текста для дальнейшего дубляжа в стремлении обеспечить комфортный просмотр аудиовизуального произведения зрителем и оставаться в рамках контекста фильма, принимая во внимание ограничения, накладываемые органами цензуры.

3.3. Постсоветская эра аудиовизуального перевода в России

В начале 80-х годов XX века появилась принципиально новая модель потребления аудиовизуального контента: японская компания *JVC* выпустила свой первый компактный видеомэгнитофон, что ознаменовало начало эры *VHS* (*Video Home System*). Для того чтобы посмотреть фильм, зрителям не нужно было идти в кинотеатр — они могли купить или взять напрокат видеокассету и устроить домашний киносеанс. В Советском Союзе *VHS* стала отличной альтернативой традиционному телевидению, которое могло предложить всего два телеканала. Многие зрители, особенно проживавшие в провинции, не могли позволить себе приобрести видеомэгнитофон, в связи с этим появился новый культурный феномен — видеосалон. Первые видеосалоны организовывались на дому, когда любители иностранного кинематографа собирались для просмотра фильмов небольшими группами. Но уже в 1986 году Совет министров РСФСР издал распоряжение, позволяющее различным организациям предоставлять услуги по прокату «магнитофонных и видеокассет с записями лучших произведений классики, советского и зарубежного искусства» (Совет министров РСФСР. Распоряжение от 3 сентября 1986 г. № 1213-р). Вскоре в каждом кинотеатре, Доме культуры, зданиях вокзалов и спортивных центров появились собственные видеосалоны. Чаще всего они представляли собой небольшое помещение, где стояли телевизор, видеомэгнитофон и пара рядов стульев. Именно в таких видеосалонах советские дети впервые увидели приключения Тома и Джерри, подростки изучали боевые искусства по фильмам с участием Брюса Ли и Арнольда Шварценеггера, а взрослые смотрели фильмы ужасов и эротику. Огромная популярность видеосалонов способствовала повышению спроса и на услуги аудиовизуальных переводчиков.

Как пишет Р. Матасов, «западные картины, попадавшие в страну через “железный занавес” не всегда легальным путем, переводились ограниченным кругом синхронистов экстра-класса» (Матасов 2008: 25). Одним из таких легендарных переводчиков-синхронистов является Л. В. Володарский. По его словам, он начал свою карьеру аудиовизуального переводчика в качестве волонтера в Госфильмофонде, а затем стал переводить «пиратские» видео (Форум о кино «Киноклуб», 20.09.2014). За свою карьеру Л. В. Володарский перевел более 7000 иностранных фильмов. Иногда перевод осуществлялся синхронно без предварительного просмотра оригинала (там же). В. О. Горчаков, другой знаменитый переводчик эпохи *VHS*, начал свой путь в аудиовизуальном переводе в 1973 году с Московского кинофестиваля. Он перевел более 6000 фильмов, а также создал собственную компанию по производству видеокассет (РИА Новости, 28.12.2016).

Настоящим символом подпольного синхронного перевода видео стал А. Ю. Гаврилов, который перевел на русский язык такие культовые фильмы, как «Терминатор», «Криминальное чтиво», «Челюсти» и т. д. (Трофимова 2014). Все эти и многие другие аудиовизуальные переводчики-синхронисты (А. М. Михалев, Ю. В. Живов и др.) способствовали созданию новой разновидности аудиовизуального перевода, который сейчас называют «русским закадром».

Русский закадр, который Ф. Чауме также называет *Gavrilov translation* (Chaume 2013: 108), представляет собой авторский закадровый перевод с синхронным одноголосным озвучиванием фильма, которое записывалось поверх оригинальной звуковой дорожки. В этом случае переводчик параллельно был и актером озвучивания, и чаще всего рассказчиком, при этом практически не отыгрывая голосом эмоции персонажей. За счет того, что запись синхронного текста производилась не в специально оборудованной студии, а на частных квартирах и без использования профессионального звукозаписывающего оборудования, голос переводчиков звучал довольно непривычно. Зрители были уверены, что переводчики специально зажимали ноздри бельевой прищепкой, чтобы их голос было невозможно узнать.

По словам самих авторов переводов, работать приходилось быстро, некоторые из них переводили по 4–5 фильмов в день, часто без предварительного ознакомления с оригиналом. Все это сказывалось на качестве перевода: наличии орфоэпических, смысловых и иногда речевых ошибок, непоследовательности в передаче терминологии и ключевых имен и фраз, искажении логики изложения текста. Довольно часто переводчикам приходилось прибегать к приему компрессии, передавая только общее содержание диалогов, опуская подробности, которые могли быть принципиальными для понимания сюжета фильма. Безэмоциональная подача текста затрудняла понимание диалогов, так как зрителю не всегда было понятно, какой именно из персонажей произносит ту или иную реплику. Часто переводчик немного отставал от текста на языке оригинала, что было естественным для синхронного перевода, но вводило в заблуждение зрителя, так как в этих случаях русский закадровый текст не соответствовал видео-ряду. Более того, переводчикам приходилось импровизировать в тех случаях, когда в тексте фильма встречались незнакомые слова и термины либо когда качество звука оригинального аудиовизуального произведения не позволяло слышать голоса актеров. Несмотря на это, русский закадр стал настоящим явлением в культуре постсоветской России, так как был единственным способом познакомиться с мировым кинематографическим наследием. На фильмах, переведенных и озвученных в технике русского

закадра, выросло целое поколение зрителей, некоторые из которых до сих пор предпочитают смотреть кино в этом переводе, несмотря на то что большая часть этих фильмов позже была переведена под дубляж и озвучена профессиональными актерами.

В 1990-х годах русский закадр был вытеснен традиционным дубляжом. Даже документальные фильмы стали озвучиваться профессиональными дикторами. С распадом СССР, снижением идеологического давления и отменой цензуры в России появилась новая тенденция в аудиовизуальном переводе — пародийный перевод. От гипертрофированной морали аудиовизуальный перевод, как маятник, качнулся в сторону сатиры, обценной лексики и крушения прежних этических норм. Ф. Чауме называет такой вид перевода *Goblin translation* (Chaume 2013: 110), так как свою популярность пародийный аудиовизуальный перевод приобрел благодаря российскому переводчику, блогеру и автору Д. Ю. Пучкову, известному под псевдонимом «Гоблин». Первым и наиболее известным пародийным переводом в исполнении Гоблина стал перевод фильма П. Джексона *The Lord of the Rings: The Fellowship of the Ring*, который в пародийной версии получил название «Властелин колец: братва и кольцо».

В процессе перевода Д. Ю. Пучков использовал стратегию транскреации, заключающуюся в творческом переосмыслении отдельных элементов текста оригинала с последующим созданием нового текста средствами языка перевода с учётом полимодального и культурно-специфического контекста фильма, а также предполагаемой реакции реципиентов. Хорошим приемом подобного переосмысления с целью создания комического эффекта стал перевод имен персонажей фильма. Так, например, (12) мудрый волшебник *Gandalf* в пародийном переводе получает имя *Пендальф*, хоббит *Frodo Baggins* становится *Федором Сумкиным*, королевство *Gondor*, расположенное в Средиземье, превращается в *Гондурас*, а воин и наследник престола *Boromir* получает имя *Баралгин*. В данном случае процесс перевода превращается в игру с текстом, где при сохранении внутренней формы элемента оригинала или посредством подбора варианта, фонетически напоминающего имя персонажа в оригинале, у зрителя создается ощущение абсурдности текста перевода, что создает определенный комический эффект.

Иногда в пародийном переводе Гоблина производится транскреация целых диалогов, что полностью меняет контекст фильма при сохранении оригинального видеоряда. К примеру, в сцене, когда Гэндальф и Фродо впервые появляются на экране, они едут на повозке в Шир и обсуждают грядущее празднование дня рождения Бильбо Бэггинса. Переводчик полностью заменяет невинный диалог героев, и в переводе они интересуются,

заказаны ли на праздник девушки, и обсуждают отсутствие в Шире ресторанов «Макдоналдс». Вдобавок к созданию пародийного текста перевода Гоблин заменяет оригинальный саундтрек известными русскими песнями, которые соответствуют визуальному контексту. Например, когда на экране зритель видит Гэндальфа и Фродо, сидящих и курящих трубки, в переводной версии фильма фоном звучит песня «Иду. Курю» российской группы «Ноль». В некоторых диалогах звучат известные цитаты из советских фильмов, что также создает комический эффект.

Согласно Д. Ю. Пучкову, процесс создания подобных пародийных переводов довольно непрост и состоит из нескольких этапов. На первом этапе переводчик просматривает фильм на языке оригинала порядка десяти раз. Затем создается пародийный синхронный текст на языке перевода, который тщательно редактируется. Завершающим этапом является закадровое озвучивание фильма, которое затем анализируется на наличие ошибок в переводе (Воронов 2003). Перевод и озвучивание одного фильма занимают порядка двух месяцев. Необходимо отметить, что в профессиональной переводческой среде к пародийным переводам Гоблина сформировалось довольно неоднозначное отношение (Берди, Бузаджи, Ермолович, Загот, Ланчиков, Палажченко 2005). Несмотря на это, зрители любят фильмы с пародийными «гоблиновскими» переводами и с удовольствием пересматривают их по нескольку раз.

4. Заключение

Популярность аудиовизуального перевода в России с каждым годом растет. Связано это как с интересом к исследованию данного вида перевода, так и с постоянно увеличивающимися объемами контента на иностранных языках, который необходимо переводить на русский язык. Увеличение количества телевизионных каналов, рост популярности *OTT*-платформ (от английского *Over The Top* — технологии доставки видеоконтента посредством сети Интернет на любое устройство пользователя) и стриминговых сервисов существенно меняют традиции аудиовизуального перевода, сложившиеся в предыдущие годы. Несмотря на то, что Россия продолжает быть дубляжной страной, все больше молодых зрителей предпочитают смотреть фильмы в оригинале с русскими субтитрами. Растет сообщество аудиовизуальных переводчиков-любителей («фансабберов» и «фандабберов»), которые производят сотни часов аудиовизуального перевода в месяц и выкладывают свои работы в сеть Интернет. За последние 10–15 лет в России появилось множество любительских студий перевода и локализации аудиовизуального контента, которые постепенно переориентировались

на оказание профессиональных услуг в области аудиовизуального перевода и локализации.

Феномен активного развития фанатского аудиовизуального перевода может быть объяснен с точки зрения партисипативной культуры (культуры участия), которая основывается на желании зрителей не только потреблять аудиовизуальный контент, но и активно участвовать в процессе его создания и продвижения в рамках собственной культуры. А. Брунс называет таких людей «продюзерами» (*producers*), которые в новых условиях не только используют (*use*) контент, но и производят (*produce*) его самостоятельно (Bruns 2008). Сложно сказать, насколько фанатские переводы снижают или, наоборот, повышают общее качество российского аудиовизуального перевода. Некоторые из фанатов делают свою работу на очень высоком профессиональном уровне, другие не соблюдают правил и требований, предъявляемых к конкретному виду аудиовизуального перевода. Однако в любом случае фанатский перевод «намного менее догматичен и более креативен и индивидуален, чем тот перевод, который традиционно создается для показа по телевидению, в кинотеатрах или на DVD» (перевод мой. — *E. M.*) (Díaz Cintas, Sánchez 2006). По всей видимости, этот факт объясняет огромную популярность фанатского аудиовизуального перевода, особенно среди представителей молодежной аудитории.

Таким образом, за более чем сто лет развития аудиовизуальный перевод в СССР и России претерпел множество трансформаций: от дословного перевода интертитров к короткому периоду субтитрирования с переходом к дубляжу, русскому закадру, пародийным переводам и фанатскому переводу. Каждый период развития аудиовизуального перевода оставил уникальный отпечаток на традициях осуществления данного вида перевода, а также обусловил появление различных тактик и стратегий аудиовизуального перевода. Жесткая цензура советского государства заставила переводчиков развивать творческий подход к созданию русского синхронного текста к иностранным фильмам, период перестройки и гласности стал триггером для развития уникальной практики синхронного перевода аудиовизуальных произведений — русского закадра. Развал Советского Союза и демократизация общества дали старт началу экспериментов с аудиовизуальным переводом и появлению пародийных «гоблиновских» переводов. Партисипативная культура, появление сети Интернет и социальных сетей открыли двери в аудиовизуальный перевод для множества переводчиков-любителей, что привело к развитию фанатского аудиовизуального перевода. Представляется, что дальнейшие исследования истории аудиовизуального перевода смогут внести весомый вклад в понимание современного состояния данного вида перевода в России, позволят сформу-

ликовать стратегии и тактики аудиовизуального перевода в условиях новой реальности и дадут аудиовизуальным переводчикам возможность изучить весь накопленный опыт аудиовизуального перевода для того, чтобы лучшее из него применять в своей повседневной переводческой практике.

Список литературы / References

- Барышев Н. В., Сдобников В. В.* Культурный код в аспекте переводческой деятельности // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2020. Спецвыпуск. С. 18–31. [Baryshev, Nikolai V., Sdobnikov, Vadim V. (2020) *Kulturnyj kod v aspekte perevodcheskoj deyatelnosti* (The Cultural Code in Terms of Translation Activity). *LUNN Bulletin*. Special issue, 18–31. (In Russian)].
- Берди М., Бузаджи Д. М., Ермолович Д. И., Загот М. А., Ланчиков В. К., Палажченко П. Р.* Киноперевод: мало что от Бога, много чего от Гоблина («круглый стол» в редакции «Мостов») // Мосты. Журнал переводчиков. 2005. 4 (8). С. 52–62. [Berdi, Michel, Buzadzhi, Dmitry M., Ermolovich Dmitry I., Zagot, Mikhail A., Lanchikov, Viktor K., & Palazhchenko, Pavel R. (2005) *Kinoperevod: malo chto ot boga, mnogo chego ot goblin* (“kruglyj stol” v redakcii “Mostov”) (Film Translation: A Little from God, Much from Goblin (A Round Table in the Editors Office of “Bridges”)). *Bridges. Translator’s Journal*. 4 (8), 52–62. (In Russian)].
- Благотворительность // Большая советская энциклопедия, Т. 6. М.: Акционерное общество «Советская энциклопедия», 1927. С. 471. [Blagotvoritelnost’ (Charity) (1927) *Bol’shaya Sovetskaya Entsiklopediya* (The Great Soviet Encyclopedia). Vol. 6. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, p. 471. (In Russian)].
- Болтянский Г. М.* Ленин и кино. М.: Государственное издательство, 1925. [Boltyansky, Grigory M. (1925) *Lenin i kino* (Lenin and Cinema). Moscow: Gosudarstvennoye Izdatelstvo. (In Russian)].
- Василий Горчаков: «Крестного отца» я перевел сто раз. [Электронный ресурс] // РИА Новости, 28.12.2016. URL: <https://ria.ru/20161228/1484787640.html> (дата обращения: 13.08.2021). [Vasily Gorchakov: ‘Krestnogo Otza’ Ya Perevel Sto Raz (Vasily Gorchakov: I Translated ‘The Godfather’ Over a Hudred of Times) (2016) (2021, August 13). *RIA Novosti*, 28.12.2016. Retrieved from <https://ria.ru/20161228/1484787640.html> (In Russian)].
- Воронов А.* Новое толкование Толкиена [Электронный ресурс] // Коммерсант — деньги. 2003. № 39. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/417180> (дата обращения: 13.08.2021). [Voronov, Aleksandr. (2003) (2021, August 13) *Novoye Tolkovaniye Tolkiena* (New Interpretation of Tolkien). *Kommersant Dengi*, 39. Retrieved from <https://www.kommersant.ru/doc/417180> (In Russian)].
- В России назвали причину снижения доли российского кино в кинотеатрах [Электронный ресурс] // RNS, 03.01.2020. URL: <https://rns.online/it-and-media/V-Rossii-nazvali-prichinu-snizheniya-doli-rossiiskogo-kino-v-kinoteatrah-2020-01-03/> (дата обращения: 20.09.2020). [V Rossii nazvali prichinu snizheniya doli rossiiskogo kino s kinoteatrah (Russia Gives a Reason for Shrinking of Share of Russian Films in the Cinemas) (2020) (2020, September 20). RNS. Retrieved from <https://rns.online/it-and->

media/V-Rossii-nazvali-prichinu-snizheniya-doli-rossiiskogo-kino-v-kinoteatrah-2020-01-03/ (In Russian)].

Декрет о печати [Электронный ресурс] // Открытый текст: электронное периодическое издание. 27 октября 1917 г. URL:

<http://opentextnn.ru/old/censorship/russia/sov/law/snk/1917/index.html?id=455> (дата обращения: 26.01.2021). [Dekret o pečati (Decree on Publishing) (1917) (2021, January 26) Otkrytyi tekst: elektronnoe periodicheskoe izdanie. Retrieved from <http://opentextnn.ru/old/censorship/russia/sov/law/snk/1917/index.html?id=455> (In Russian)].

Демьянок А. Марк Донской. Искусство классика [Электронный ресурс] // Русская народная линия. 6 марта 2013 г. URL:

https://ruskline.ru/monitoring_smi/2013/03/07/mark_donskoj_iskusstvo_klassika (дата обращения: 13.08.2021). [Demjanok, Angelina. (2013) (2021, August 13) Mark Donskoy. Iskusstvo klassika (Mark Donskoy. Art of a Classic). *Russkaya Narodnaya Liniya*. Retrieved from http://ruskline.ru/monitoring_smi/2013/03/07/mark_donskoj_iskusstvo_klassika (In Russian)].

Жиromская В. Б., Киселев И. Н., Поляков Ю. А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. М.: Наука, 1996. [Zhiromskaya, Valentina B., Kiselev, Igor N., & Polyakov, Yury A. (1996) *Polveka pod grifom "sekretno": Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1937 goda* ("Classified" for Half a Century: Soviet population census of 1937). Moscow: Nauka. (In Russian)].

Записка министра культуры СССР Н. А. Михайлова с согласием секретарей ЦК КПСС о разрешении министерству самостоятельно решать вопрос о приобретении кинофильмов капиталистических стран [Электронный ресурс] // Документы XX века. 21 мая 1956 г. URL: <http://www.doc20vek.ru/node/1608> (дата обращения: 13.08.2021). [Dokumenty XX veka. *Zapiska Ministra Kultury SSSR N. A. Mihajlova s Soglasiem Sekretarej CK KPSS o Razreshenii Ministerstvu Samostoyatelno Reshat Vopros o Priobretenii Kinofilmov Kapitalisticheskikh Stran* (Note of N. A. Mikhailov, USSR Minister of Culture, with Agreement of the Secretaries of the CPSU Central Committee to Allow the Ministry to Make Independent Decisions on Purchasing Films of Capitalist Countries) (1956) (2021, August 13). Dokumenty XX veka. Retrieved from <http://www.doc20vek.ru/node/1608> (In Russian)].

Из истории Госфильмофонда // Киноведческие записки, 2008. № 86. 2008. С. 215–245. [Iz istorii Gosfilmofonda (From History of Gosfilmofond. (2008) *Kinovedcheskiye Zapiski*, 86, 215–245. (In Russian)].

Итоги конкурса научных работ [Электронный ресурс] // Евразийская лига субтитровщиков. 15 августа 2020 г. URL:

<https://easubtitlersleague.com/2020/08/15/%d0%b8%d1%82%d0%be%d0%b3%d0%b8-%d0%ba%d0%be%d0%bd%d0%ba%d1%83%d1%80%d1%81%d0%b0-%d0%bd%d0%b0%d1%83%d1%87%d0%bd%d1%8b%d1%85-%d1%80%d0%b0%d0%b1%d0%be%d1%82/> (дата обращения: 20.09.2020). [Itogi konkursa nauchnyh rabot (Results of the Research Contest) (2020) (2020, September 20) Eurasian Subtitlers' League. Retrieved from [https://easubtitlersleague.com/2020/08/15/%d0%b8%d1%82%d0%be%d0%b3%d0%b8-%d0%ba%d0%be%d0%bd%d0%ba%d1%83%d1%80%d1%81%d0%b0-](https://easubtitlersleague.com/2020/08/15/%d0%b8%d1%82%d0%be%d0%b3%d0%b8-%d0%ba%d0%be%d0%bd%d0%ba%d1%83%d1%80%d1%81%d0%b0-%d0%bd%d0%b0%d1%83%d1%87%d0%bd%d1%8b%d1%85-%d1%80%d0%b0%d0%b1%d0%be%d1%82/)

- %d0%bd%d0%b0%d1%83%d1%87%d0%bd%d1%8b%d1%85-%d1%80%d0%b0%d0%b1%d0%be%d1%82/ (In Russian)].
- Колосова Т. Ю., Коробова Н. В., Уханова О. А. Кинотекст как средство реализации (кино)дискурса // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2018. № 41. С. 39–47. [Kolosova, Tatiana Yu., Korobova, Natalia V., & Ukhanova, Olga A. (2018) Kinotekst kak sredstvo realizacii (kino)diskursa (Film Construct as Realization of Film Discourse). *Vestnik of Nizhny Novgorod Linguistics University*, 41, 39–47. (In Russian)].
- Лебедев Н. А. Очерки истории кино СССР. Немое кино: 1918–1934 годы. М.: Искусство, 1965. [Lebedev, Nikolai A. (1965) *Ocherki istorii Kiino SSSR. Nemoye kino: 1918–1934 gody*. (On History of Cinema in the USSR. Silent Movies: 1918–1934). Moscow: Iskusstvo. (In Russian)].
- Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Том 44. М.: Издательство политической литературы, 1970. [Lenin, Vladimir I. (1970) *Polnoe Sobraniye Sochineniy* [Complete Set of Works]. Vol. 44. Moscow: Izdatelstvo Politicheskoy Literatury. (In Russian)].
- Леонид Володарский. Интервью для журнала «Максим» [Электронный ресурс] // Форум о кино «Киноклуб», 20.09.2014. URL: <http://movie-club.ru/viewtopic.php?f=9&t=438> (дата обращения: 11.10.2020). [Leonid Volodarsky: Intervyu dlya zhurnala “Maksim” (Leonid Volodarsky. An Interview for “Maksim” Magazine) (2014) (2020, October 11). Forum o kino “Kinoklub” (Forum about cinema “Kinoklub”). Retrieved from <http://movie-club.ru/viewtopic.php?f=9&t=438> (In Russian)].
- Лихачев Б. С. Кино в России (1896–1926): материалы к истории русского кино. Ленинград: Academia, 1927. [Likhachev, Boris S. (1927) *Kino v Rossii: (1896–1926) materiali k istorii russkogo kino* (Cinema in Russia (1896–1926): Materials to the History of Russian Cinema). Leningrad: Academia. (In Russian)].
- Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин: Издательство «Ээсти Раамат», 1973. [Lotman, Yury M. (1973) *Semiotika kino i problemy kinoestetiki* (Semiotics of Cinema and Problems of Cinema Esthetics). Tallin: Izdatelstvo “Eesti Raamat”. (In Russian)].
- Лотман Ю. М., Цивьян Ю. Г. Диалог с экраном. Таллинн: Александра, 1994. [Lotman, Yury M., & Tzivyan, Yury G. (1994) *Dialog s ekranom* (Dialogue with the Screen). Tallin: Aleksandra. (In Russian)].
- Малёнова Е. Д. К определению понятия «аудиовизуальный перевод» // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2019. № 48. С. 64–74. [Malenova, Evgeniya D. (2019) K opredeleniyu poniatiya “audiovisualny perevod” (Defining Audiovisual Translation). *Vestnik of Nizhny Novgorod Linguistics University*. 48, 64–74. (In Russian)].
- Матасов Р. А. История кино/видео перевода // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2008. № 3. С. 3–27. [Matasov, Roman A. (2008) Istoriya kino/video perevoda (History of Film and Video Translation). *Herald of Moscow University. Ser. 22. Translation Theory*, 3, 3–27. (In Russian)].
- Разумовская В. А., Валькова Ю. Е. Доместикация, форенизация и остранение в переводе: исторический аспект // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2017. № 40. С. 111–123. [Razumovskaya, Veronika A., & Valkova, Yulia E. (2017) Domestikaciya, forenizaciya i ostranenie v perevode: istoricheskij aspekt (Domestication, Foreignization, and

- Estrangement in Translation: History of Application). *LUNN Bulletin*, 40, 111–123. (In Russian)].
- Ростовцев Ю. А. Виктор Астафьев. М.: Молодая гвардия, 2009. [Rostovtsev, Yury A. (2009) *Viktor Astafiev* (Viktor Astafiev). Moscow: Molodaya Gvardiya. (In Russian)].
- Сазонов А. Дубль два // Формула кино. Городовой, 2010. № 8. С. 50–53. [Sazonov, Anton. (2010) *Dubl' Dva* (Cut Two) *Formula Kino. Godovoy*, 8, 50–53. (In Russian)].
- Совет министров РСФСР. Распоряжение от 3 сентября 1986 г. № 1213-р. [Электронный ресурс] // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_13478.htm (дата обращения: 13.08.2021). [Sovet Ministrov RSFSR. Rasporyazhenie ot 3 sentyabrya 1986 g. № 1213-p (Council of Ministers of RSFSR. Regulation as of September 3, 1986. № 1213-p.) (2021, August 13) *Biblioteka normativno-pravovykh aktov Soyuzza Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik* (Library of regulatory legal acts of the Union of Soviet Socialist Republics). Retrieved from http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_13478.htm (In Russian)].
- Танис К. А. Трофейное кино в СССР в 1940–1950-е годы: история, идеология, рецепция: Дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. Москва, 2020. [Tanis, Kristina A. (2020) *Trofejnoe kino v SSSR v 1940-1950-e gody: istoriya, ideologiya, recepciya* (Trophy Films in USSR in 1940-1950s: History, Ideology, Reception). PhD Thesis (in Culture Studies). Moscow. (In Russian)].
- Трофимова Т. Полтора часа с прищепкой на носу: переводчик нелегального видео Андрей Гаврилов о кинопотокe 90-х и особенностях подпольного перевода. [Электронный ресурс] // Colta. 15 мая 2014 г. URL: <https://www.colta.ru/articles/90s/3188-poltora-chasa-s-prishepkoy-na-nosu> (дата обращения: 13.08.2021). [Trofimova, Tatiana. (2014) (2021, August 13) *Poltora chasa s prishepkoy na nosy. Pervodchik nelegalnogo video Andrey Gavrilov o kinopotoke 90-h i osobennostyah podpolnogo perevoda* (Hour and a Half with a Clothespin on the Nose. Translator of Pirate Video Andrey Gavrilov on Film Stock of the 90s and Peculiarities of Illegal Translation). *Colta*. Retrieved from <https://www.colta.ru/articles/90s/3188-poltora-chasa-s-prishepkoy-na-nosu> (In Russian)].
- Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Издательство «Наука», 1997. [Tynyanov, Yury N. (1977) *Poetika. Istoriya literatury. Kino* (Poetics. History of Literature. Cinema). Moscow: Izdatelstvo “Nauka”. (In Russian)].
- Федеральный закон № 34-ФЗ «О внесении изменений в статьи 8 и 9 Федерального закона «О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации». 28 марта 2017 г. [Электронный ресурс] // Гарант.ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71540102/> (дата обращения: 20.09.2020). [Federalny zakon No. 34-FZ “O vnesenii izmeneniy v statyi 8 i 9 Federalnogo Zakona “O gosudarstvennoy podderjke kinematografii Rossiiskoy Federatzii (Federal Law No. 34-FZ “Om Amendments to Articles 8 and 9 of Federal Law “On State Support of Cinematography in the Russian Federation”) (2020, September 20). Garant.ru (Retrieved from <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71540102/> (In Russian)].
- Шамилов Р. М., Кириллова А. В. К вопросу о типологизации прагматической адаптации в специальном переводе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2021. № 2 (54). С. 89–106.

- [Shamilov, Raviddin M., Kirillova, Arina V. (2021) К вопросу о типологизации прагматической адаптации в специальном переводе (On Typology of Pragmatic Adaptation in Specialized Translation). *LUNN Bulletin*, 2 (54), 89–106. (In Russian)].
- Эфрон Г. С. Дневники: в 2 т. Т. 1: 1940–1941 годы. М.: Вагриус, 2007. [Efron, Georgy S. (2007) *Dnevniki: v 2 t.* (Diaries: in 2 volumes. Vol. 1: 1940–1941). Moscow: Vagrius. (In Russian)].
- Bruns, Axel. (2008) (2021, August 13) The Future Is User-Led: The Path towards Widespread Prodsusage. *The Fibreculture Journal*, 11. Retrieved from <https://eprints.qut.edu.au/12902/1/12902.pdf>
- Chaume, Frederic. (2013) The Turn of Audiovisual Translation. New Audiences and New Technologies. *Translation Spaces*, 2, 105–123.
- Díaz Cintas, Jorge, & Muñoz Sánchez, Pablo. (2006) Fansubs: Audiovisual Translation in an Amateur Environment. *The Journal of Specialised Translation*, 6, 37–52.
- Díaz Cintas, Jorge. (2008) Audiovisual translation comes of age. In Chiaro, Delia, Heiss, Christine & Bucaria, Chiara (eds.) *Between Text and Image: Updating Research in Screen Translation*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Editors, 1–9. doi: 10.1075/btl.78.02dia.
- Filmsite Movie Review: Some Like It Hot (1959)*. *Filmsite* (1996–2021). Retrieved from <https://www.filmsite.org/some.html>
- Gottlieb, Henrik. (1997) Quality Revisited: The Rendering of English Idioms in Danish Subtitles vs. Printed Translations. In Trosborg, Anna (ed.) *Text Typology and Translation*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 309–338. doi: 10.1075/btl.26.22got.
- Szarkowska, Agnieszka. (2005) (2021, August 13) The Power of Film Translation. *Translation Journal*, 9 (2). Retrieved from <http://translationjournal.net/journal/32film.htm>

УДК 81'37

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2021-55-3-84-98

FIGURATIVE IDIOMS WITH EMBEDDED ETHNONYMS IN BRITISH MEDIA DISCOURSE

Svetlana Yu. Pavlina

N. A. Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia

The research examines the functioning of conventional idioms containing ethnonyms in modern British public discourse, featuring the way they are employed in newspaper articles. Ethnonyms are treated as nominations of ethnic communities that often represent some stereotypical treatment of an out-group that may seem inappropriate from political correctness perspective. The study is set in the critical discourse analysis framework and employs definitional and contextual analyses. The research shows that being incorporated in the semantic structure of figurative idioms ethnonyms can either connote some negative attitude or be devoid of any connotation. When used in media discourse the first type of idioms is involved in some play on their figurative and literal meanings, which creates the defeated expectancy effect. Instead of connoting some negative attitude to an ethnic group, they serve rhetorical purposes riveting and retaining the readers' attention thus enhancing the perception of the author's message. When non-connotative figurative idioms with embedded ethnonyms are used in the contexts, they undergo some transformations and develop new meanings. As a result the reference to a specific ethnic group becomes opaque. It is possible to conclude that the current usage of this group of figurative idioms is not affected by their "etymological memory". The research shows that the employment of conventional idioms containing ethnonyms in media discourse is a powerful rhetorical tool which helps to affect the readers' perception and convey the message in a laconic and expressive way without violating the rules of political correctness and inclusiveness.

Key words: ethnonym; media discourse; idiom; political correctness; ethnic stereotypes.

Этнонимосодержащие образные идиомы в британском медиадискурсе

С. Ю. Павлина

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

Работа посвящена исследованию функционирования конвенциональных образных идиом, содержащих этнонимы, в современном британском общественном дискурсе, в преломлении к тому, как данные языковые единицы используются в газетных статьях. Этнонимы рассматриваются как номинации этнических групп, которые часто выражают стереотипные представления по отношению к «чужим», что в настоящее время может выглядеть неприемлемым с точки зрения политической корректности. В основу работы положен критический дискурсивный анализ, кроме того, применяются дефиниционный

и контекстуальный методы исследования. Анализ материала показывает, что этнонимы, входящие в состав образных идиом, способны выразить негативное отношение к какой-либо этнической группе, в то же самое время часть исследуемых языковых единиц являются оценочно нейтральными. Первая группа идиом используется в медиадискурсе с целью создания экспрессивности, при этом обыгрывается их метафорическое и прямое значения, что создает эффект обманутого ожидания. Вместо того, чтобы транслировать негативное отношение к какому-либо этносу, этнонимосодержащие конвенциональные образные идиомы выступают как риторическое средство, призванное привлечь и удержать внимание читателей, что способствует адекватному восприятию авторского посыла. Анализ использования идиом с этнонимами, не выражающими этностереотипы, показывает, что данные образные языковые единицы подвергаются трансформации и развивают новые контекстуальные значения. В результате они утрачивают связь с обозначаемой этнонимом общностью, что позволяет утверждать, что в анализируемых контекстах «этимологическая память» данной группы образных идиом не сказывается на их контекстуальном употреблении. Исследование показывает, что использование этнонимосодержащих конвенциональных образных идиом в современном британском медиадискурсе является эффективным риторическим инструментом, воздействующим на восприятие текста и позволяющим лаконично и экспрессивно передать авторский замысел, не нарушая нормы политкорректности и инклюзивности.

Ключевые слова: этноним; медиадискурс; идиома; политкорректность; этнические стереотипы.

1. Introduction

The interrelation of language and culture has been a focal point of research in recent decades. One of its many facets deals with the linguistic representation of such complex social and cultural phenomena as race and ethnicity. The linguistic units denoting a certain ethnic group called ethnonyms mirror a linguistic community's world view (Shastina 2008; Pavlina 2018). The nature of ethnonyms and their linguistic status remain a contentious issue among scholars, as there is no consensus about their belonging to proper or common names. Another aspect that should be clarified is the types of entities described by ethnonyms (Koopman 2016). The Finnish scholar R. Grünthal observes that the definition of the term is not as clear-cut (cf. Greek *éthnos* 'people' + *ónoma* 'name') as it seems (Grünthal 1999). The author assumes that ethnonyms encompass not only the names of people, but also place names (Grünthal 1999). At the same time some researchers establish the difference between the names of ethnic groups and the nomination of inhabitants of a particular location. The former fall into the class of ethnonyms, the latter are called demonyms. According to Chesnokova and Radovic, 'demonyms universally represent linguistic devices for expressing territorial and regional identity' (Chesnokova & Radovic 2020: 1017). When the term *ethnonym* is treated broadly, it becomes synonymous to *realia* that include the names of some specific tools, artifacts and personal names (Teliya 1996). It is evident that the spheres to which the term *ethnonym* can be attributed remain blurred and require some clarification.

Another strand of ethnonym-related research concerns their idiomatic use. These linguistic units are involved in some metaphoric mapping and become a part of conventional idioms. Ethnonyms incorporated into figurative expressions are culture specific linguistic units that tend to reflect stereotypes about an out-group (Boyadzhieva 2010). A considerable body of research is focused on evaluative meanings of phraseological expressions containing ethnonyms (Kolshenskaya & Diakova 2015; Soboleva 2008; Archdeacon 1983). The scholars analyse the way such linguistic units reflect certain ethnic stereotypes. It is evident that nowadays the idea of stereotyping seems to be quite obsolete. Since the public perception of ethnicity and its linguistic representations have been evolving, it is important to reveal if the usage of figurative idioms with embedded ethnonyms is appropriate in modern public discourse from the political correctness perspective. The functioning of conventional idioms with embedded ethnonyms in public discourse remains an under-researched area. To fill this gap in modern idiomatic scholarship the analysis of English idioms containing ethnonyms was carried out and their functioning in British media discourse was investigated. The sample includes figurative expressions with such ethnonymic nominations as Dutch, Russian, Greek, Irish, Chinese, Indian, Ethiopian, Mexican and 143 contexts of their usage in British media discourse, singled out from The Guardian articles. The study addresses the following research questions:

1. What semantic features do figurative idioms with embedded ethnonyms possess?
2. Is the usage of ethnonym-containing idioms in media discourse consistent with the ruling social paradigm of political correctness and inclusiveness?

2. Literature review

Idioms are traditionally treated as linguistic units that encapsulate some information about basic codes of culture. The Russian scholar Teliya believes that such information is expressed in the cultural connotation of the phraseological units (Teliya 1993). The research by Kovshova distinguishes between the national specificity of phraseologisms and their cultural specificity and introduces the algorithm of their identification. According to the scholar, phraseologisms contain information about the history and culture of a language community that includes the knowledge of some common patterns of behavior and the set of values shared by the members of this community (Kovshova 2016). The cultural aspects of an idiomatic meaning are the centerpiece of the research conducted by Dobrovol'skiy and Piirainen. The scholars assume that it is necessary to analyse the cultural basis of idioms to understand their motivation, since various types of cultural knowledge are encoded in phraseologisms, in particular they are embedded in the semantics of symbolically motivated figurative units that employ

certain cultural conventions (Dobrovolskiy & Piirailen 2006). Some of such conventions are connected with the way the members of a linguistic community perceive themselves and others.

Idioms encode and transmit the information about the system of values relevant for the linguocultural community which includes some stereotypes about their own ethnic community as well as other ethnic groups. One of the means to draw a line between the in-group and the out-group is to create the image of your own ethnic group setting it in contrast to other ethnic communities. The stereotypical representations of the in-group are called *autostereotypes*, while the term *heterostereotypes* is used in reference to the out-group. Autostereotypes embedded in phraseological expressions, including proverbs, tend to connote some positive attributes that a certain ethnic group believes to possess, asserting national identity (Gorokhova 2016, 2017). For example, the paremiological system of the Polish language is characterized by the following autostereotypes: a Pole is courageous, noble, hardworking, patriotic, patient, pious, capable of standing up for himself (Raina & Shestakova-Stukun 2019).

The creation of stereotypes is based on the process of some complex phenomena simplification, when something complicated, heterogeneous and multifaceted is reduced to the form which is perceived as a cliché. The creation of ethno-specific stereotypes can be compared to the application of one and the same measuring stick to diverse representatives of a certain ethnic group, which actually discards their individuality in an attempt to reveal some archetypical features. The stereotypes that address ethnicity tend to be biased, so the linguistic units that reflect heterostereotypes connote a certain attitude to the given ethnic group which is reflected in their affective meaning. According to Kochetkov, the semantics of idioms that contain ethnonyms is determined by extralinguistic factors (Kochetkov 2002). One of its manifestations is a certain ethnocentricity that underpins evaluative representations of some out-groups. In fact the in-group is perceived as a model one, while the out-groups are placed below it on the scale of values. This hierarchy mirrors heterostereotypes that treat the out-group properties as unnatural or inappropriate (Kochetkov 2002).

One of the extreme manifestations of ethnocentricity in the language is the terms that are called ethnopaulisms, which are lexemes used as ethnic slurs to describe an out-group in hate speech (Roback 1979; Nuessel 2008; Mullen, Calogero & Leader 2007). Such units possess a strong pejorative connotation and are often marked as taboo or offensive terms in the dictionaries. According to Allen, such words provide linguistic evidence of some ethnic conflict (Allen 1983). Idioms that encapsulate stereotypes related to ethnicity do not normally contain such lexemes; nevertheless the meaning of the whole idiom can contain some judgmental information about a certain out-group which tends to be pejo-

rative. Some examples can be found in the phraseological system of the Russian language: *пьян, как поляк* (as drunk as a Pole), *незванный гость хуже татарина* (an uninvited guest is worse than a Tatar). The research exploring the English idioms with such ethnonyms as Greek, French, Irish, Chinese, Dutch, Indian, Turkish reveals that they often connote negative attitudes to the given ethnic groups (Kolshenskaya & Diakova 2015). The analysis of British and American idioms shows that similar negative qualities are ascribed to Indians and the Irish (Archdeacon 1983). The evidence of it can be found with such idioms as *to get one's Indian up* and *to get one's Irish up* that have a similar meaning: *to become angry or outraged*. The investigation of American idioms containing stereotypes based on ethnicity carried out by Soboleva shows that the out-group is represented in the negative light and is ascribed the following negative features: violent temper (*Indian powwow* — a noisy frolic or discussion, *to get one's Indian/Dutch/Irish up* — to become angry or outraged); bad manners (*Dutch treat* — entertainment in which each person pays for himself, *Indian gift* — a gift that is given and then asked for back); substance abuse (*Dutch courage* — false courage gained from drinking alcohol, *Indian grass* — marijuana); stupidity/clumsiness (*to play someone for a Chinaman* — to treat as a fool) (Soboleva 2008).

The derision targeted at other ethnic groups and expressed in the figurative idioms helps to cement the ethnic identity of the in-group and assert its own values (Soboleva 2008). Similar observations can be found in the work devoted to the idioms containing components Irish, Welsh and Scotch / Scottish authored by Kolesova (Kolesova 2019). The scholar assumes that figurative nominations with the ethnonym Irish express some negative attitude to this ethnic group, as the English used to perceive them as rivals, aggressive and uncultivated. Though in the course of time this stereotypical view has undergone some changes, it is still preserved in English conventional idioms (Kolesova 2019).

3. Material and Methods

The research is set in the Critical Discourse Analysis framework which aims at disclosing the link between discursive practices and texts and wider social and cultural structures, relations and processes (Fairclough 1995). The sample includes 27 conventional figurative idioms with ethnonymic components Dutch / Dutchman, Russian, Greek, Irish, Chinese / Chinaman, Indian, Ethiopian, Mexican, selected from the Oxford Dictionary of Idioms, Macmillan English Dictionary and the American Heritage Dictionary. The definition analysis was employed to reveal their connotations. In the study ethnonyms are understood as nominations of people, belonging to a certain ethnic group (Gerd 2005). The next stage of the research was based on the contextual analysis of the sample id-

ioms. To this end 143 contexts containing conventional figurative idioms with embedded ethnonyms were selected from the Guardian newspaper articles. To process the idiomatic meanings the basic principles of the Cognitive Theory of Metaphor (CTM) were applied which helped to reveal the metaphoric mapping in which the sample idioms are involved.

4. Results and Discussion

The analysis of the sample idioms semantics shows that these figurative items belong to two categories: connotative and non-connotative. The group of idioms that express certain ethnic stereotypes possesses some negative connotation. It can be exemplified by the following figurative idioms: *Irish lemons — a fake copy*; *Dutch blessing — scolding*, *Chinese ace — an inept pilot*. The peculiarities of out-groups are perceived as odd, unusual and distinctively different from the values shared by the ethnic community: *Chinese basket — a shot in basketball that enters the basket from the bottom of the cylinder before dropping back through*. If something is incomprehensible or strange, it is called *кумайская грамота* in the Russian phraseosystem and the expression *to be all Greek to someone* is used in the English language to convey the same idea.

However, it is evident that not all idioms with embedded ethnonyms connote negative attitudes to a certain ethnic group. Such linguistic items do not normally express any heterostereotypes. One of such figurative idioms is *Russian roulette* which means *an act of reckless bravado*. The phrase itself expresses disapproval of some risky actions, its initial meaning being *a stunt in which one spins the cylinder of a revolver loaded with only one bullet, aims the muzzle at one's head, and pulls the trigger*. The origin of the idiom is presumably related to the stunts practiced by Russian officers, but the quality of being reckless is not projected to the Russians as an ethnic group. So it is possible to conclude that no stereotypes are encoded in this figurative idiom. One more example is the expression *Can an Ethiopian change his skin or a leopard its spots?* It is commonly used in its shortened form *Can a leopard change its spots?* The idiom originates from the Bible: *Can an Ethiopian change his skin or a leopard its spots? Neither can you do good who are accustomed to doing evil*. The ethnonym *Ethiopian* is employed for rhetorical purposes to metaphorically express the idea of a quality that cannot be alienated from something or someone. The skin of an Ethiopian is not treated from the standpoint of its being good or bad, appropriate or inappropriate, so the ethnonym in the idiom does not have any negative connotation.

The idea of the interdependence of language and culture introduced by post-structuralists is widely accepted now (Lotman 2010; Karasik 2013). The norms and values shared by a community at one specific stage of its develop-

ment become outdated in the course of time which is reflected in the language. The seminal work of Leontovich “The Dynamics of Political Correctness, Inclusive Language and Freedom of Speech” demonstrates how modern social trends affect the English language banning the use of offensive terms connected with people’s identity. One of the manifestations of political correctness is the ‘avoidance of stereotypes and false semantic associations’ (Leontovich 2021: 194). It ensues that not only lexemes falling into the category of ethnic slur, but also figurative conventional idioms incorporating ethnopaulisms are no longer acceptable in public discourse. For example the idiom *a nigger in the fence / in the woodpile* which means *a hidden difficulty* can hardly be used in media discourse as the word *nigger* is perceived as a racial slur and is usually substituted for the euphemism *N-word*.

The transformative change in the public perception of linguistic items denoting stereotypes is supposed to entail some limitations to the usage of figurative idioms reflecting ethnic stereotypes. The judgmental attitude they express is viewed as a type of discrimination, verbal aggression and a lack of tolerance. The vexed issue of linguistic racism encompasses the references to the skin colour and the person’s ethnicity. Sometimes the interpretation of inclusive language goes too far when people try to ban any idiomatic expressions containing ethnonyms even though they do not express any stereotypes and are not targeted at a specific ethnic group. One of such cases is the idiom *Too many chiefs and not enough Indians* which caused discussion on the Quora platform: “*What is a non-racist way of saying ‘too many chiefs and not enough Indians’? This phrase has been used to describe group dynamics where cooperation is lacking because too many participants expect to lead and have others follow*”. Those who object to the usage of this idiom argue that the term *Indian* has some reference to the times when white Americans conquered the Western territories fighting with native tribes, so *Indian* is viewed as a disparaging term that should be substituted for the inclusive phrase *Native American*. At the same time The American Heritage Dictionary contains the following usage note: “However, the acceptance of *Native American* has not brought about the demise of *Indian*, despite persistent criticism. Unlike *Negro*, which was quickly stigmatized once *black* became preferred, *Indian* never fell out of favor with a large segment of the American population. The charge that *Indian* is an offensive term — hopelessly tainted by the ignorant or romantic stereotypes of popular American culture — can be answered, at least in part, by pointing to the continuing use of this term among American Indians themselves. Indeed, *Indian* authors and those sympathetic to *Indian* causes often prefer it for its unpretentious familiarity as well as its emotional impact” (American Heritage Dictionary 2000: 832).

To trace the modern tendencies in the usage of figurative idioms with embedded ethnonyms we analysed their functioning in British media discourse. To this end we examined two types of contexts: the one containing the idioms expressing ethnic heterostereotypes and the other with non-connotative ethnonyms, in other words, idioms with no encoded stereotypes.

It is important to establish if the figurative meaning of idioms that express some negative perception of a certain ethnic group is preserved in the newspaper articles. To this end let us consider some contexts with the conventional idiom *Dutch feast* which means *a party where the host gets drunk first*.

The idiom *Dutch feast* expresses quite a dated view on the Dutch and is not employed in its figurative meaning in the sample contexts. However, *Dutch feast* is used in its direct meaning in the articles that describe some gastronomic experience. The text entitled *A Dutch feast for the Queen's Day* describes the way two cooking enthusiasts arranged a feast for friends that happened to fall on the Netherlands Queen's Day and so the dishes were orange in colour to fit the occasion. When *Dutch feast* is used in the title, the figurative meaning is the first to enter the readers' minds, it creates some expectations of an event which went wrong because of the host's excessive alcohol consumption. However, the text disproves it keeping the readers intrigued. So the idiom serves its pragmatic purpose to arrest and retain the readers' attention, providing the basis for some play on direct and metaphorical meanings of the expression.

The conventional idiom *Dutch treat* actually means no treat at all as everyone pays his or her share. The sample contains no examples of the idiom usage in this meaning. At the same time it is employed as a pun in the article entitled *Norfolk travel tips: Dutch treat with pancakes and real ale in Wells*. The expression *Dutch treat* refers to some traditional meals served in the pub located onboard the Albatros, the old Dutch clipper. The play on its literal reading and figurative meaning serves as a device to rivet the addressees' attention. It is a manifestation of the so called defeated expectancy effect as the first meaning that enters the recipients' minds is figurative, but in fact the story has nothing to do with the stinginess of the Dutch. On the contrary, it portrays the romantic atmosphere of having a meal on board an old Dutch ship.

The phrase *to go Dutch* denotes going out, where a couple each pays for their own half of a restaurant bill. It has some negative implication of acting "cheap". The article *First dates and the unbearable awkwardness of Going Dutch* tackles the thorny issue of bill-splitting showing that the man's request for the woman to pay her own way can ruin relationships, no matter how pervasive the gender equality ideas are. The expression *to go Dutch* retains its negative connotation. However, when it is used in the context, it hardly ever conjures

up negative associations with the qualities of the Dutch people since the phrase has become a cliché and its etymology is opaque.

In other contexts different facets of the idiomatic meaning are played on. The article *Go Dutch? UK and EU may share Netherlands Covid vaccine supplies to ease tensions* describes the attempts to share vaccine supplies from Dutch AstraZeneca plant, so the idea of sharing limited resources that can be beneficial for the UK is emphasized. Applied to the pandemic relief measures context the figurative idiom connotes some cooperation and hope.

Another article has the title *Go Dutch and save yourself £50,000* which elucidates another aspect of *Going Dutch* implying that there is nothing bad about being economical. It refers to the cases when British students go to the Netherlands to earn a university degree, actually without paying any tuition fees. The pun employs two meanings: being thrifty and going to a Dutch university.

The analysis reveals that in media texts idioms, expressing ethnic stereotypes, are used in some new unexpected light, stimulating the readers' imagination, playing on direct and metaphorical meanings. Thus the figurative idioms tend to serve rhetorical purposes without compromising the political correctness principle.

The other type of figurative idioms with embedded ethnonyms does not express any stereotypes. They include such items as *Russian roulette* (reckless bravado), *Mexican wave* (an effect resembling a moving wave produced by successive sections of the crowd in a stadium standing up, raising their arms, lowering them, and sitting down again), *Chinese whisper* (a situation in which a piece of information is passed from one person to the next and is changed slightly each time it is told), *too many chiefs and not enough Indians* (too many managers and not enough people to do the work).

To explore the way these figurative idioms are used in media discourse their contextual meanings and transformations should be analysed. To begin with, let us consider the expression *too many chiefs and not enough Indians* that is characterized by bright imagery and has some clear motivation. One of its contextual applications refers to the rise and fall of a fashionable London restaurant ran by the modern British artist Damien Hirst, who explains the reason for the venue's failure in the following way: *There were too many chiefs and not enough Indians* (The Guardian 18 Sep 2004). The partners running the business couldn't come to agreement, each of them tried to assume the leading role, the metaphorical role of a chief. Meanwhile the staff was underpaid and started to quit, which resulted in the lack of metaphorical Indians. The metaphor underpinning the idiom helps to express complex cause-and-effect relationships in a concise and imaginative way. The idiom fits the business management context and enhances the pragmatic effect of the text.

In another context it is used to describe public services management: *Wasteful, too many chiefs: five myths about the NHS we need to dispel* (The Guardian 26 Jan 2016). The title of the article contains a shortened form of the idiom. The phrase *too many chiefs* is employed to describe the popular belief about the NHS management that the author aims at puncturing. In this context the idiom acquires the new meaning of an inappropriate allocation of resources, which seems to be wasteful. The public tends to criticize the disproportionately big number of managers in the sphere of health care, rather than the lack of medical practitioners. It accounts for the idiom contraction, as the part *not enough Indians* does not seem relevant for the situation the idiom presents metaphorically.

The figurative expression with the ethnonym *Indian* is also used in media discourse to describe sport events when coaches are featured as metaphorical chiefs, while athletes are presented as metaphorical Indians. A rugby match is analysed in the following way: *Lions and Maro Itoje too strong for Maori All Blacks on niggly night ... Too many Chiefs missing and not enough good Indians* (The Guardian 19 Jun 2017).

In this context the figurative idiom undergoes transformations that can be classified as expansion (Pavlina 2017). The insertion of the word *missing* into the first part of the idiom changes the initial meaning of redundancy to the opposite one. It underlines the importance of coaches, whose absence can lead to the team's failure. The second part of the idiom is also augmented. The introduction of the adjective *good* to describe team members shifts the emphasis from their quantitative to qualitative parameters. Thus the transformations of the initial idiom create an image that helps the readers to better understand the situation, bringing to the surface the factors that prevent rugby teams from achieving top results.

The analysis shows that the figurative idiom fits different contexts developing some new shades of meaning. So in the media discourse *Too many chief and not enough Indians* can express:

- The lack of agreement and coordination among managers and their subordinates' discontent.
- Wastefulness, the excessive number of managers.
- The lack of highly qualified people, managers and subordinates alike.

To fit a specific context the idioms undergo some transformation, which allows for highlighting a certain facet of the metaphorical image. The ethnonym embedded in the idiom acquires a symbolic meaning, and the link with the nomination of an ethnic community is quite opaque.

The pragmatic effect is enhanced considerably when two idioms with ethnonyms are juxtaposed in one sentence as is the case with the following news-

paper article title: *Playing Russian roulette with a Mexican wave of capital crimes* (The Guardian 7 December 2014). According to Macmillan Dictionary blog, the idiom “*Mexican wave* is a descriptive phrase that is derived from the motion of spectators who participate in the exercise of moving in near unison like an ocean wave. Most sports historians agree that it first came to international sport during the 1986 World Cup, which was held in Mexico”. When the movements of spectators at a stadium are compared to the movements of water, some metaphorical representation of reality takes place. In the context *Playing Russian roulette with a Mexican wave of capital crimes* the movement of spectators that underpins the idiomatic image serves as a source of a new metaphor. It is employed to describe the situation when something causes the effect which is unstoppable, giving a new name to the thing that is usually called *the domino effect*. The idiom *Mexican wave* does not have any evaluative meaning. However, in the context it connotes something undesirable and destructive as the linguistic items *Russian roulette* and *crimes* used in the same sentence have a negative connotation which is projected onto the figurative idiom *Mexican wave*. This example shows that being figurative nominations idioms with embedded ethnonyms are involved in metaphorical mapping and serve as source domains for new metaphors. The ethnonym *Mexican* does not express any biased perception of the ethnic group. Now the movements of spectators during football matches resembling waves are common across the globe and their idiomatic representation does not seem to have any clear connection with Mexicans as an ethnic group. It shows that the current usage of the figurative idiom is not affected by the “etymological memory” of this linguistic unit.

5. Concluding remarks

Summarising the result of the analysis, it is possible to say that idioms containing ethnonymic nominations with some pejorative connotation are banned from the media discourse as they violate the principle of inclusiveness. At the same time conventional figurative expressions with embedded ethnonyms that denote heterostereotypes about certain ethnic groups are used in newspaper articles as sources of pun. The journalists play on their direct and metaphorical meanings creating the so called defeated expectancy effect. One more group of idioms with ethnonyms does not contain any evaluation of an ethnic group, initially being non-connotative. When used in the contexts they undergo some transformations and develop new meanings, the reference to a specific ethnic group becomes opaque. The figurative idioms containing ethnonyms are involved in metaphorical mapping, serving as source domains for new images. It is possible to conclude that the employment of conventional figurative idioms with embedded ethnonyms in media discourse is a powerful rhetorical tool

which helps to affect the readers' perception and convey the message in a laconic and expressive way without violating the rules of political correctness and inclusiveness.

Список литературы / References

- Герд А. С.* Введение в этнолингвистику. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. [Gerd, Alexandr S. (2005) *Vvedeniye v etnolingvistiku* (Introduction to Ethnolinguistics). Saint Petersburg: Saint Petersburg university Publishing (In Russian)].
- Горохова А. М.* К вопросу о моделировании ядерных и периферийных компонентов британского национального характера (на материале паремиологического фонда английского языка) // Вестник НГЛУ. 2016. № 35. С. 11–23. [Gorokhova, Anna M. (2016) *K voprosy o modelirovaniy yadernykh I periferiynikh komponentov britanskogo natsionalnogo haraktera (na materiale paremiologicheskogo fonda angliyskogo yazyka)* (Towards Modeling Nuclear and Peripheral Components of the British National Character (Based on the Analysis of the English Language Paremiological Fund). *LUNN Bulletin*, 35, 11–23. (In Russian)].
- Горохова А. М.* Паремиио-семантическое картирование конструкта «свободолюбие» британского национального характера (на материале паремиологического фонда английского языка) // Вестник НГЛУ. 2017. № 38. С. 53–61. [Gorokhova, Anna M. (2017) *Paremio-semanticheskoe kartirovaniye konstrukta "svobodolubiye" britanskogo natsionalnogo haraktera (na materiale paremiologicheskogo fonda angliyskogo yazyka)* (Paremio-semantic Mapping of the British National Identity Construct "Freedom" (Based on the Analysis of the English Paremiological Fund)). *LUNN Bulletin*, 38, 53–61. (In Russian)].
- Леонтович О. А.* Политическая корректность, инклюзивный язык и свобода слова: динамика понятий // Russian Journal of Linguistics. 2021. Т. 25. № 1. С. 194–220. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-194-220 [Leontovich, Olga A. (2021) *Politicheskaya korrektnost', incluzivnyi yazyk I svoboda slova: dinamika poniatii* (The Dynamics of Political Correctness, Inclusive Language and Freedom of Speech). *Russian Journal of Linguistics*, 25 (1), 194–220. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-194-220 (In Russian)].
- Лотман Ю. М.* Непредсказуемые механизмы культуры. Таллинн: TLU Press, 2010. [Lotman, Yuryi M. (2010) *Nepredskazuiemyie mehanizmy kultury* (Unpredictable Mechanisms of Culture). Tallin: TLU Press. (In Russian)].
- Карасик В. И.* Языковая матрица культуры. М.: Гнозис, 2013 [Karasik, Vladimir I. (2013) *Yazykovaya matrica kultury* (Language Matrix of Culture). Moscow: Gnozis. (In Russian)].
- Ковшова М. Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М.: ЛЕНАНД, 2016. [Kovshova, Mariya L. (2016) *Lingvokulturologicheskiiy metod vo frazeologii: Kodi kulturi* (Linguocultural Method in Phraseology: Codes of Culture). Moscow: Lenand. (In Russian)].
- Колесова К. В.* Особенности коннотативных значений номинативных единиц, обозначающих этносы Великобритании // Вестник НГЛУ. 2019. № 45. С. 28–35. [Kolesova, Kira V. (2019) *Osobennosti konnotativnih znachenii nominativnih edinits oboznachayushih etnosy Velikobritanii* (Connotational Peculiarities of Ethnic Nominations within the UK). *LUNN Bulletin*, 45, 28–35. (In Russian)].

- Колшенская Е. С., Дьякова А. А. Этнонимосодержащие фразеологизмы и этнические гетеростереотипы в контексте взаимосвязи языка и культуры [Электронный ресурс] // Гуманитарные научные исследования: электронный научный журнал 2015. № 4 (1). URL: <https://human.snauka.ru/2015/04/10613> (дата обращения: 01.08.2021). [Kolshenskaya, Ekaterina S., Diakova, Anastasiya A. (2015) (2021, August 01) Etonimosoderzashiye frazeologizmi i etnicheskiye stereotipi v kontekste vzaimodeistviya yazyka i kuluri (Idioms with Ethnonyms and Ethnic Heterostereotypes in the Context of Language and Culture Interrelation). *Electronic scientific & practical journal "Humanities scientific researches"*, 4 (1). Retrieved from <https://human.snauka.ru/2015/04/10613> (In Russian)].
- Кочетков В. В. Психология межкультурных различий. М.: ПЕР СЭ, 2002. [Kochetkov, Vladimir V. (2002) *Psihologiya mezhkulturnykh razlichiy* (Cultural Differences Psychology). Moscow: Per Se. (In Russian)].
- Павлина С. Ю. Вариативность фразеологизмов и их модификации в англоязычном политическом дискурсе // Вестник НГЛУ. 2017. № 37. С. 63–71. [Pavlina, Svetlana Yu. (2017) *Variativnost' frazeologizmov i ih modifikatsii v angloyazychnom politicheskom discurse* (Variations and Modifications of Idioms in British and American Political Discourse). *LUNN Bulletin*, 37, 67–71. (In Russian)].
- Павлина С. Ю. Экспликация национальных стереотипов в британском медиадискурсе // Иностранные языки в аспекте межкультурной коммуникации: материалы докладов X Международной конференции. Саратов: Саратовский источник, 2018. С. 185–190. [Pavlina, Svetlana Yu. (2018) *Eksplikatsiya natsional'nykh stereotipov v britanskom mediadiskurse* (National Stereotypes Explication in British Media Discourse). *Inostrannye yazyki v aspekte mezhkul'turnoy kommunikatsii: materialy dokladov X Mezhdunarodnoy konferentsii* (Foreign Languages from the Intercultural Communication Perspective: X International conference proceedings). Saratov: Saratovskiy istochnik, 185–190. (In Russian)].
- Соболева Е. Ю. Образ чужого во фразеологизмах американского варианта английского языка с компонентом этнонимом // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2008. № 6. 274–277. [Soboleva, Ekaterina Yu. (2008) *Obraz chuzhogo vo frazeolizmah amerikanskogo varianta anglijskogo yazuka s komponentom etnonimom* (The Image of a Stranger in American Phraseologisms with an Ethnonymic Component). *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod*, 6, 274–277. (In Russian)].
- Телия В. Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от мировидения к пониманию) // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. М.: Наука, 1993. С. 302–314. [Teliya, Veronica N. (1993) *Kul'turno-natsional'nye konnotatsii frazeologizmov (ot mirovideniya k ponimaniyu)* (Culture-specific Connotations of Phraseologisms (from World View Shaping to Understanding)). *Slavyanskoe yazykoznanie. XI Mezhdunarodny syezd slavistov* (Slavic Studies. XI International Slavistic Congress). Moscow: Nauka, 302–314. (In Russian)].
- Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. [Teliya, Veronika N. (1996) *Russkaya frazeologiya: semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokulturologicheskij aspekty* (Russian Phraseology: Semantic, Pragmatic and Linguokultural Aspects). Moscow: Yazyki russkoy kultury. (In Russian)].

- Шастина И. А. Актуализация опыта говорящего и реализация его коммуникативного намерения в формировании значений этнонимов китайцев и японцев // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: материалы XIII международной конференции. Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2008. С. 293–307. [Shastina, Irina A. (2008) Aktualizaciya opyta govoryaschego i realizaciya ego kommunikativnogo namereniya v formirovanii znachenij etnonimov kitaicev i yaponcev (The Speaker's Experience Actualization and His Communicative Intention Realization in Forming Chinese and Japanese Ethnonymic Meanings). *Lingvisticheskie paradigmy i lingvodidaktika: materialy XIII mezhdunarodnoy konferentsii* (Linguistic Paradigms and Linguodidactics: XIII International Conference Proceedings). Irkutsk: Izd-vo IGLU, 293–307. (In Russian)].
- Allen, Irving L. (1983) *The Language of Ethnic Conflict: Social Organization and Lexical Culture*. New York: Columbia University Press.
- Archdeacon, Thomas J. (1983) *Becoming American: an Ethnic History*. N.Y.: The Free Press.
- Boyadzhieva, Ellie. (2010) (2021, August 14) Reflections of Social Stereotypes in Modern Bulgarian and English Phraseology. In *TRANS. Internet-Zeitschrift für Kulturwissenschaft*. Retrieved from http://www.inst.at/trans/17Nr/2-12/2-12_boyadzhieva17.htm.
- Chesnokova, Olga S., Marija Radović. (2020) Demyonyms in the Pacific Alliance Countries: Morphological and Semantic Variation. *Russian Journal of Linguistics*, 24 (4), 1017–1048. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-1017-1048
- Dobrovolskiy, Dmitriy, Piirainen, Elisabeth. (2006) Cultural Knowledge and Idioms. *International Journal of English Studies*, 6 (1), 27–41.
- Grünthal, Riho M. V. (1999) Analyzing the Finnic Ethnonyms. *Folia Uralica Debrececiensia*, 6, 39–56.
- Fairclough, Norman. (1995) *Critical Discourse Analysis*. London: Longman.
- Koopman, Adrian. (2016) Ethnonyms. *The Oxford Handbook of Names and Naming* / Ed. Carole Hough. Oxford: Oxford University Press, 251–262.
- Mullen, Brian, Calogero, Rachel M., Leader, Tirza I. (2007) A Social Psychological Study of Ethnonyms: Cognitive Representation of the In-group and Intergroup Hostility. *Journal of Personality and Social Psychology*, 92 (4), 612–630. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.92.4.612>
- Nuessel, Frank. (2008) A Note on Ethnophaulisms and Hate Speech. *Names*, 56:1, 29–31, DOI: 10.1179/175622708X282929.
- Raina, Olga V., Shestakova-Stuk, Alena S. (2019) Ethnic Stereotypes in Polish and Czech Proverbs. *Bohemistyka*, 1, 19–32. <https://doi.org/10.14746/bo.2019.1.2>
- Roback, Abraham. (1944) *Dictionary of Ethnic Slurs (Ethnophaulisms)*. Cambridge, MA: Scitart Publishers [reprinted in 1979 by Maledicta Press, Waukesha, WI].

Словари / Dictionaries

- American Heritage Dictionary of the English Language. Forth Edition. Houghton Mifflin, 2000.
- Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Oxford, 2002.
- Oxford Dictionary of Idioms. Second Edition. Oxford: Oxford University Press, 2004.

Источники языкового материала / Language material resources

The Guardian (2021, August 15). Retrieved from <https://www.theguardian.com/international>.

Quora (2021, August 10). Retrieved from <https://www.quora.com/What-is-a-non-racist-way-of-saying-too-many-chiefs-and-not-enough-Indians>.

Macmillan dictionary blog (2021, August 11). Retrieved from <https://www.macmillandictionaryblog.com/mexican-wave>.

УДК 811.161.1'37

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2021-55-3-99-110

ДЕРИВАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ЭКСПЛИКАЦИИ КОНЦЕПТОВ «ЧЕЛОВЕК» И «ЛЮДИ» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Т. П. Померанцева

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

В статье представлен очередной этап комплексного лингвокогнитивного анализа концептов «человек» и «люди» с точки зрения общеязыковой картины мира и функционирования их в художественной речи писателя В. Шаламова. Цель данной работы — анализ языковой объективации названных концептов в деривационных отношениях их слов-репрезентантов. Материалом исследования являются данные словообразовательных и толковых словарей русского языка. Методология исследования основана на принципах антропоцентрического подхода к анализу данных языка, языковой концептуализации мира и языковой картины мира. Анализ концептов «человек» и «люди» выполняется по методике концептуального анализа нижегородской научной школы, включающей обзор экстралингвистического наполнения понятия в философии, психологии, религии, социологии и т. д., анализ лексического значения слов – репрезентантов концептов и их этимологии, исследование их парадигматических, синтагматических и деривационных особенностей, а также фразеологических и паремиологических отношений слов. Новизна исследования состоит в рассмотрении концептов «человек» и «люди» в русской языковой картине мира в плане словообразовательных связей и отношений как двух самостоятельных концептов, а не грамматических форм выражения одного концепта. Практическая значимость работы состоит в возможности использования её результатов при составлении лингвокультурологических словарей и в преподавании лингвокультурологических дисциплин. В ходе анализа словообразовательных гнезд слов *человек* и *люди* выявлено преобладание для дериватов слова *человек* семантики, относящейся к темам нравственности, гуманизма, соответствия моральным нормам. Для дериватов же слова *люди* самыми частотными оказались семантика степени и процесса заполнения пространства людьми и социальная семантика. Анализ деривационных особенностей слов *человек* и *люди* подтвердил заявленное на более ранних этапах анализа противопоставление концептов по смысловому параметру «индивидуальность / коллективность». Результаты концептуального анализа позволяют сделать вывод о существенном различии в смысловом наполнении концептов «человек» и «люди», что подтверждает заявленную гипотезу об их функционировании в русской языковой картине мира как двух разных концептов.

Ключевые слова: концепты «человек» и «люди»; дериваты; языковая экспликация; лингвокультурология; русский язык.

Derivational Features of the Linguistic Explication of the Concepts “Chelovek” (*Man*) and “L’udi” (*Men*) in the Russian Language Picture of the World

Tatyana P. Pomerantseva

N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

The article presents the next stage of a comprehensive linguo-cognitive analysis of the Russian cultural concepts of “chelovek” (man) and “l’udi” (men) from the point of view of the general linguistic picture of the world and in terms of how they function in the fiction of writer Varlam Shalamov. The primary goal of this study is to analyze the linguistic objectification of these concepts in derivational relations of their representative words. The research material is the data of Russian derivational and explanatory dictionaries. The research methodology is based on the principles of the anthropocentric approach to analyzing language data, linguistic conceptualization of the world, and the linguistic picture of the world. The analysis of the concepts of “chelovek” (man) and “l’udi” (men) follows the method of conceptual analysis developed by the Nizhny Novgorod scientific school and includes a review of the extralinguistic content of each concept in philosophy, psychology, religion, sociology, etc., its derivational features, as well as phraseological and paremiological relations of their representative words. The novelty of the research lies in considering “chelovek” (man) and “l’udi” (men) in the Russian linguistic picture of the world in terms of their word-formation connections and relations as two separate concepts and not only two grammatical forms of expressing the same concept. The practical significance of the work lies in the possibility of using its results in compiling linguoculturological dictionaries and in teaching linguoculturological disciplines. Analysis of word-formative nests of the words “chelovek” (man) and “l’udi” (men) demonstrated that in the derivatives of the word “chelovek” (man) predominant semantics were related to themes of morality, humanism, and compliance with moral norms. In contrast, for the derivatives of the word “l’udi” (men) the most frequent were the semantics of the degree and process of filling space with people as well as social semantics. Further analysis of the derivational features of the words “chelovek” (man) and “l’udi” (men) confirmed the opposition of these concepts in terms of the semantic parameter “individuality – collectivity,” which manifested itself at an early stage of the study. The results of the conceptual analysis allow us to conclude that there is a significant difference in the semantic content of the concepts “chelovek” (man) and “l’udi” (men), which confirms the original hypothesis about their functioning in the Russian linguistic picture of the world as two different concepts.

Key words: concepts of “chelovek” (*man*) and “l’udi” (*men*); derivatives; language explication; linguo-culturology; Russian language.

1. Введение

Статья представляет собой один из этапов комплексного сопоставительного анализа концептов «человек» и «люди» в русской языковой картине мира и в художественном мире В. Шаламова.

Цель работы — определить деривационные особенности языковой объективации вышеобозначенных концептов.

На предварительном этапе анализа была сформулирована исходная гипотеза исследования, в соответствии с которой, несмотря на то что в

русском языке слова *человек* и *люди* являются формами одного слова, в русской языковой картине мира это разные концепты, имеющие сходную область содержания, но отличающиеся по параметрам «индивидуальность / коллективность».

Интерес к изучению концепта «человек» возник ещё на заре формирования лингвокультурологии как самостоятельной научной дисциплины. О расхождении в лексических значениях слов *человек* и *люди* говорится в книге В. В. Колесова «Мир человека в слове Древней Руси». По мнению В. В. Колесова, слово *люди* отличается от слова *человек* характеристикой социальной стороны существования человека, не подразумевая физической характеристики (Колесов 1986).

Словарь-концептуарий под ред. В. И. Карасика и И. А. Стернина «Антология концептов» предлагает версию рассмотрения концепта «человек» на материале произведений А. Камю, предложенную Е. А. Ядрихинской. В данном исследовании объективация макроконцепта «человек» происходит через микроконцепты «человек трагический», «человек мыслящий», «человек абсолютно свободный», «человек выбирающий / отказывающийся от выбора», «человек сущностный / отказывающийся от сущности», причём микроконцепт «человек выбирающий / отказывающийся от выбора» фокусирует в себе основные онтологические, социальные и психологические аспекты концептосферы произведения (Антология концептов 2011).

Тенденции развития концепта «человек» в философии и культуре рассматривает В. А. Медведев в статье «Концепт человека в истории европейской философии и культуры». На данном историческом этапе концепт человека рассматривается в качестве не равного самому себе единства всеобщего, особенного и единичного (Медведев 2011). Интерпретации отдельных образов – концептов человека в русской языковой картине мира были представлены в коллективной монографии «Языковой образ-концепт “человек” в русской языковой картине мира» (Языковой образ-концепт 2011). Также в ряде исследований был проведён сравнительный анализ содержания концепта «человек» в русском и китайском, в русском и английском языках (Беляева, Лэй Тэн 2016; Игошева 2018; Шеина 2011). Однако в интересующем нас аспекте лингвокультурологическое описание особенностей словообразовательной репрезентации концептов «человек» и «люди» в науке о языке еще не проводилось.

Новизна данного исследования, таким образом, обусловлена тем, что впервые концептуальное содержание и языковая объективация концептов «человек» и «люди» в русской языковой картине мира исследуется в ас-

пекте словообразовательных связей и отношений между словами — репрезентантами указанных концептов.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования её результатов при составлении лингвокультурологических словарей и в преподавании дисциплин лингвокультурологической направленности как на уровне вуза, так и на школьном уровне (например, в сравнительно новой учебной дисциплине «Русский родной язык», носящей культурологический характер).

2. Характеристика материала и методов исследования

Материал изучения — состав и структура словообразовательных гнезд с вершинами «человек» и «люди» по данным «Словообразовательного словаря русского языка» А. Н. Тихонова (ССРЯ 1985).

Работа основана на актуальном в настоящее время лингвокультурологическом подходе к изучению национального языка, который подразумевает связь между национальным языком и мировоззрением народа — носителя языка (Language, Thought and Reality 1956; Уорф 1960; Коул, Скрибнер 1977; Серебнников, Кубрянов, Постовалова и др. 1988; Сепир 1993; Булыгина, Шмелёв 1997; Вежбицкая 1997; Гумбольдт 2000; Карасик 2002; Язык и национальное сознание 2002; Корнилов 2003; Вайсгербер 2004; Колесов 2004; Зализняк 2005; Радбиль 2017).

Анализ концептов проведён с опорой на методику концептуального анализа нижегородской научной школы (Радбиль 2012; Радбиль, Маринова, Рацибурская, Самыличева, Шумилова, Щеникова, и др. 2014; Новые тенденции 2014; Лингвокогнитивные аспекты 2020), предусматривающую следующие этапы рассмотрения лингвокультурологического концепта:

1. Обзор экстралингвистического наполнения понятия в философии, психологии, религии, социологии и т. д.
2. Анализ лексического значения слов — репрезентантов концепта с точки зрения этимологических и толковых словарей.
3. Рассмотрение языковой объективации концепта в парадигматических, синтагматических и деривационных связях и отношениях между словами — репрезентантами концептов.
4. Исследование особенностей репрезентации концепта во фразеологии и паремиологии.

3. Результаты исследования и их обсуждение

На предварительном этапе анализа в соответствии с принятой концепцией исследования были описаны когнитивные признаки концептов «человек» и «люди» по данным основных толковых и историко-

этимологических словарей русского языка. В результате выявлено 25 когнитивных признаков для концепта «человек» и 24 когнитивных признака для концепта «люди», из которых совпадают лишь 15 (Померанцева 2020а, 2020б). В данной работе представлен следующий этап предпринятого нами комплексного сопоставительного описания концептов «человек» и «люди», а именно — особенности словообразовательной объективации указанных концептов.

Словообразовательное гнездо существительного *человек* по материалам «Словообразовательного словаря русского языка» А. Н. Тихонова состоит из 41 существительного, 18 прилагательных, 12 наречий и 7 глаголов (ССРЯ 1985).

В субстантивном блоке дериватов наиболее частотны именованья человека с различной семантико-стилевой окраской: шутливой, уменьшительно-ласкательной, пренебрежительной (*человечище, человек, челове-чишка* и др.).

Широко представлены абстрактные существительные со значением качества, оценки человека, событий с точки зрения гуманности и соответствия высоким моральным стандартам (*человечность, бесчеловечие* и т. д.). К этой группе можно отчасти отнести и ряд субстантивированных прилагательных (*человеческое* и пр.).

Следующую группу дериватов составляют существительные со значением того или иного отношения к человеку и человечеству и носителей данного отношения (*человеколюбие, человеконенавистник* и т. д.). Также многочисленна группа существительных со значением единицы измерения (*человеко-день, человеко-доза* и пр.).

Менее обширны группы существительных со значением процесса обретения человеческого образа, обретения или утраты одушевленности и одухотворенности (*вочеловечение, очеловечение, обезчеловечивание*), со значением знания человеческой сути, души (*человековедение, человекознание*), со значением процесса и исполнителя уничтожения человека (*человекоубийство, человекоубийца*), со значением реальных и вымышленных существ, схожих с человеком (*обезьяночеловек, человек-амфибия*), со значением физической или сущностной неполноты (*полчеловека, полчеловек*), со значением человеческого мяса (*человечина, человечинка*).

Единично представлены значения собирательности для представителей человеческого рода (*человечество*) и человекоуправляемого оружия (*человеко-торпеда*).

В адъективном блоке дериватов самая обширная группа совмещает 2 значения: ‘относящийся к человеку, принадлежащий человеку’ и ‘достойный человека, гуманный’ (*человеческий, человечный* и т. д.). Что характер-

но, отрицательные приставки в сочетании с корнем *-человек-* дают значение не столько отрицания отношения к человеку как некому материальному объекту, сколько отрицания неких отвлеченных категорий морально-этического характера (*бесчеловечный*) или предела возможностей (*нечеловеческий*).

Меньшее количество прилагательных — со значениями ‘похожий на человека’ (*человекообразный* и т. д.), ‘относящийся ко всем людям’ (*общечеловеческий* и пр.), ‘имеющий эмоционально окрашенное отношение к человечеству и его представителям’ (*человеколюбивый* и др.) и ‘уничтожающий людей’ (*человекоубийственный*).

Значение практически всех производных наречий совпадает со значением самой большой группы производных прилагательных: ‘относящийся к человеку, принадлежащий человеку’ и ‘достойный человека, гуманный’ (*человечье, по-человечески* и т. д.).

Производные глаголы выражают значения принятия или утраты кем-либо или чем-либо не столько внешнего подобия человеку, сколько соответствия высокому уровню морально-этических качеств (*обесчеловечить, вочеловечиться* и пр.).

Словообразовательное гнездо слова *люди* по материалам «Словообразовательного словаря русского языка» А. Н. Тихонова состоит из 29 существительных, 10 прилагательных, 8 наречий и 8 глаголов (ССРЯ 1985).

Самая обширная смысловая группа производных существительных отражает количественные отношения, степень наполненности пространства людьми (*безлюдье, малолюдность, многолюдье* и т. д.).

Менее представлены группы существительных с общим значением низкого социального положения (*простолюдье, простолюдим, простолюдин, простолюдинка* и пр.) и необщительности (*нелюдимость, нелюдим* и др.).

Небольшая группа существительных объединена значением поедания человеческого мяса (*людоедство, людоед, людоедка*).

Единично представлены существительные, обозначающие плохих людей (*нелюди*), схожих с человеком существ (*обезьянолюди*), помещение для прислуги (*людская*), способ сбора дани (*полюдье*), а также собирательное для группы человек (*люд*) и пренебрежительное наименование людей (*людишки*).

«Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова приводит ещё существительное *страхолюдина* со значением ‘урод, страшилище’ (СО 2006).

Производные прилагательные в основном выражают степень наполненности некоего пространства людьми (*безлюдный, многолюдный* и т. д.)

Кроме того, единичными прилагательными представлены значения ‘относящийся к людям, принадлежащий людям’ (*людской*), ‘необщительный’ (*нелюдимый*), ‘относящийся к людоедам’ (*людоедский*), ‘страшный, неприятный по виду’ (*страхолоудный*), ‘иноплемённый’ (*чужелюдный*).

Основная группа производных наречий также выражает степень наполненности некоего пространства людьми (*людно*, *безлюдно* и т. д.). Наречие *нелюдимо* имеет значения как безлюдности, так и хмурости, необщительности.

Наречия, имеющие значение ‘так, как свойственно людям’, имеют также оценочное значение ‘как полагается, правильно’ (*по-людски*, *по-людскому*).

Производные глаголы выражают значение заполнения пространства людьми или, наоборот, опустошения (*люднить*, *обезлюдеть* и т. д.).

Результаты анализа словообразовательных гнезд слов *человек* и *люди* демонстрируют совпадение в них значений ‘похожие на человека, людей существа’ и наличия собирательных слов для групп людей.

Группы дериватов оценочного характера есть в обоих словообразовательных гнездах, но образования от *человек* показывают более широкий спектр вариантов отношения к человеку, как положительного, так и отрицательного, и в большинстве случаев подразумевается гуманность, соответствие моральным нормам. Оценочные дериваты от *люди* в основном имеют негативный характер. Положительное оценочное значение соответствия моральным нормам содержится лишь в небольшой группе наречий.

Слова, характеризующие человека / людей как продукт питания, есть в обоих словообразовательных гнездах.

Среди дериватов от *человек* часто семантика одухотворённости, одушевлённости.

Если в словообразовательном гнезде слова *человек* наиболее широко реализован оттенок значения ‘гуманизм, соответствие моральным нормам’, то для дериватов слова *люди* самое частое значение — ‘заполнение, степень наполненности пространства людьми’. Кроме того, отмечены элементы значения ‘необщительность’, ‘низкое социальное положение’, ‘социальное подчинение’, ‘прислуга’, ‘иноплемённость’. Анализ словообразовательного гнезда для *люди* демонстрирует преобладание социальной семантики по сравнению со словообразовательным гнездом для *человек*, где преобладает нравственная семантика. В концептах «человек» и «люди» на уровне анализа словообразовательных связей подтверждается противопоставление по смысловому параметру «индивидуальность / коллективность».

Таким образом, анализ словообразовательных связей и отношений слов – репрезентантов концепта «человек» подтвердил следующие когнитивные признаки, выявленные на предыдущих этапах концептуального анализа:

1. Существо, обладающее душой, т. е. внутренним психическим миром.
2. Существо, обладающее духом, т. е. сознанием.
3. Существо телесное, связанное с миром природы.
4. Существо потенциально изменчивое, способное к развитию.
5. Существо, руководствующееся нравственными принципами.
6. Существо, превосходящее другие формы жизни и в известном смысле противопоставленное им.
7. Интеллектуально и морально состоятельный человек, в каком-то смысле образцовый (позитивно-оценочное).

8. Эталон меры и оценки.

Для концепта «люди» были подтверждены когнитивные признаки:

1. Общественные существа.
2. Социально подчиненные существа.
3. Коллектив, объединённый неким общим признаком.
4. Существа, руководствующиеся нравственными принципами.
5. Носители некой социальной нормы.

Кроме того, были выявлены новые когнитивные признаки:

1. Своего рода заполнители пространства, противопоставленные пустоте.
2. Своё племя.

Найденный на этапе этимологического анализа слова *люди* когнитивный признак ‘разбойники’ трансформируется в когнитивный признак ‘внешний источник опасности’.

4. Выводы

Анализ деривационных особенностей языковой объективации концептов «человек» и «люди» при очевидном и закономерном совпадении части когнитивных признаков показывает существенные различия в их смысловом наполнении. Из 8 подтверждённых на данном этапе анализа КП для концепта «человек» и 8 же для концепта «люди» общим является лишь 1 КП. Наиболее частотные элементы значения дериватов от слова *человек* — высокие моральные требования, одушевлённость, одухотворённость. Производные же от слова *люди* характеризуют степень заполненности пространства и процесс его заполнения, некую социальную норму и низкое социальное положение. Оценочные дериваты от слова *человек* де-

монстрируют более широкий спектр отношений, в оценочных дериватах от слова *люди* преобладает негативное отношение. Результаты концептуального анализа позволяют подтвердить высказанную ранее гипотезу о функционировании в русском языке двух близких, но самостоятельных концептов «человек» и «люди».

Полученные результаты дают возможность наметить дальнейшие перспективы исследования, которые, в соответствии с принятой концепцией исследования, связаны с описанием особенностей языковой реализации концептов «человек» и «люди» в художественной речи прозы В. Шаламова в сопоставлении с концептуальным содержанием и языковой объективацией данных концептов в русской языковой картине мира.

Список литературы / References

- Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Том 8. Волгоград: Парадигма, 2011. [Karasik, Vladimir I., & Sternin, Iosif A. (eds.) (2011) *Antologiya konceptov* (Anthology of Concepts). Vol. 8. Volgograd: Paradigma. (In Russian)].
- Беляева Е. В., Лэй Тэн. Репрезентация концепта «человек» в русском и китайском языках // Филология и лингвистика в современном обществе: материалы IV Международ. науч. конф. (г. Москва, июнь 2016 г.). М.: Буки-Веди, 2016. С. 63–65. [Belyaeva, Elena V., & Lej, Ten. (2016) *Reprezentaciya koncepta «chelovek» v russkom i kitajskom yazykah* (Representation of the Concept “Man” in Russian and Chinese). *Filologiya i lingvistika v sovremennom obshchestve: materialy IV Mezhdunar. nauch. konf.* (Philology and Linguistics in the Modern Society: Proceedings of the IV International Scientific Conference) (Moscow, June 2016). Moscow: Buki-Vedi, 63–65. (In Russian)].
- Булыгина Т. В., Шмелёв А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. [Bulygina, Tatyana V., & Shmelyov, Aleksej D. (1997) *Yazykovaya konceptualizaciya mira (na materiale russkoj grammatiki)* (Linguistic Conceptualization of the World (Based on the Russian Grammar). Moscow: Shkola «Yazyki russkoj kul'tury». (In Russian)].
- Вайсгербер Й. Л. Родной язык и формирование духа. М.: Едиториал УРСС, 2004. [Vajsgerber, Johann Leo (2004) *Rodnoj yazyk i formirovanie duha* (Native Language and Formation of Spirit). Moscow: Editorial URSS. (In Russian)].
- Вежбицкая А. Язык, культура, познание / пер. с англ.; отв. ред. М. А. Кронгауз. М.: Русские Словари, 1997. [Vezhbickaya, Anna (1997) *Yazyk, kul'tura, poznanie* (Language, Culture, Cognition) / translated from English. In Krongauz, Maksim A. (ed.). Moscow: Russkie Slovarei. (In Russian)].
- Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000. [Gumbol'dt, Wilhelm. (2000) *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu* (Selected Works on Linguistics). Moscow: Progress. (In Russian)].
- Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. [Zaliznyak, Anna A., Levontina, Irina B., & Shmelev, Alexey D. (2005) *Klyuchevye idei russkoj yazykovoi*

- kartiny mira* (Key Ideas of the Russian Linguistic Worldview): Collection of Papers. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russian)].
- Игошева О. Ф. Сопоставительное исследование содержания концепта «человек» в русской и китайской языковых картинах мира в дореволюционный период // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2018. № 3. С. 46–56. [Igosheva, Olesya F. (2018) Sopostavitel'noe issledovanie sodержaniya koncepta "chelovek" v russkoj i kitajskoj yazykovyh kartinah mira v dorevolucionnyj period (A Comparative Study of the Content of the Concept "Human" in the Russian and Chinese Language World Views in the Pre-revolutionary Period). *PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*, 3, 46–56. (In Russian)].
- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография. Волгоград: Перемена, 2002. [Karasik, Vladimir I. (2002) *Yazykovoï krug: lichnost', kontsepty, diskurs* (Language Circle: Personality, Concepts, Discourse). Volgograd: Peremena. (In Russian)].
- Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. [Kolesov, Vladimir V. (1986) *Mir cheloveka v slove Drevnej Rusi* (Human World in the Words of the Ancient Rus'). Leningrad: Izd-vo LGU. (In Russian)].
- Колесов В. В. Язык и ментальность = Language and mentality. СПб.: Петерб. Востоковедение, 2004. [Kolesov, Vladimir V. (2004) *Yazyk i mental'nost' = Language and mentality*. Saint Petersburg: Peterb. Vostokovedenie. (In Russian)].
- Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов: монография. М.: ЧеРо, 2003. [Kornilov, Oleg A. (2003) *Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye nacional'ny'kh mentalitetov* (Linguistic Pictures of the World as the Derivatives of National Mentalities): monograph. Moscow: CheRo, 2003. (In Russian)].
- Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. Психологический очерк / пер. с англ. П. Тульвисте; под ред. А. Р. Лурия. М.: Прогресс, 1977. [Koul, Michael, & Skribner, Sylvia. (1977) *Kul'tura i myshlenie. Psihologicheskij ocherk* (Culture and Thought. A Psychological Essay). In Tulviste, Peeter (trans. from English), Luria, Aleksandr R. (ed.). Moscow: Progress. (In Russian)].
- Лингвокогнитивные аспекты изучения национальных концептосфер в синхронии и диахронии: коллективная монография / под ред. Л. В. Рацибурской. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2020. [Raciburskaya, Larisa V. (ed.) (2020) *Lingvokognitivnye aspekty izucheniya nacional'nyh konceptosfer v sinhronii i diahronii* (Linguocognitive Aspects of Studying National Conceptospheres in Synchrony and Diachrony): collective monograph. Nizhny Novgorod: Izd-vo NNGU im. N. I. Lobachevskogo. (In Russian)].
- Медведев В. А. Концепт человека в истории европейской философии и культуры // Антиномии. 2011. № 11. С. 23–39. [Medvedev, Vyacheslav A. (2011) *Koncept cheloveka v istorii evropejskoj filosofii i kul'tury* (The Concept of Man in the History of European Philosophy and Culture). *Antinomii*, 11, 23–39. (In Russian)].
- Новые тенденции в русском языке начала XXI века: кол. мон. / под ред. Л. В. Рацибурской. М.: Флинта; Наука, 2014. [Raciburskaya, Larisa V. (ed.) (2014) *Novye tendentsii v russkom yazyke nachala XXI veka* (New Tendencies in Russian Language at the Beginning of the 21st Century). Moscow: Flinta; Nauka. (In Russian)].
- Померанцева Т. П. История и этимология слов человек и люди // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение: материалы IV Международной научно-практической конференции. Орёл: ОГУ им. И. С. Тургенева, 2020. С. 90–95.

- [Pomerantseva, Tatyana P. (2020a) *Istoriya i etimologiya slov chelovek i lyudi* (History and Etymology of the Words “Chelovek” (Man) and “L’udi” (Men)). *Yazyk. Kul’tura. Kommunikaciya: izuchenie i obuchenie: materialy IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (Language. Culture, Communication: Study and Teaching: Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference). Orel: OGU imeni I. S. Turgeneva, 90–95. (In Russian)].
- Померанцева Т. П. Комплексное лингвокогнитивное описание концептов человек и люди в русской языковой картине мира // Вопросы филологии и переводоведения: направления и перспективы современных исследований: сб. науч. ст. / отв. ред. Н. В. Кормилина, Н. Ю. Шугаева. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2020. С. 339–345. [Pomerantseva, Tatyana P. (2020b) *Kompleksnoe lingvo-kognitivnoe opisanie konceptov chelovek i lyudi v russkoj yazykovoj kartine mira* (A Complex Linguocognitive Description of the Concepts “Chelovek” (Man) and “L’udi” (Men) in the Russian Linguistic Worldview). *Voprosy filologii i perevodovedeniya: napravleniya i perspektivy sovremennyh issledovanij: sb. nauch. tr. / отв. red. N. V. Kormilina, & N. Yu. Shugaeva* (In Kormilina, Nataliya V., & Shugaeva, Natal’ya Yu. (eds.) *Issues in Philology and Translation Studies: Trends and Perspectives of the Modern Researches: collection of scientific papers*). Cheboksary: Chuvash. gos. ped. un-t, 339–345. (In Russian)].
- Радбиль Т. Б. Основы изучения языкового менталитета. М.: Флинта; Наука, 2012. [Radbil’, Timur B. (2012) *Osnovy izucheniya yazykovogo mentaliteta* (Basics of Language Mentality Studies). Moscow: Flinta; Nauka. (In Russian)].
- Радбиль Т. Б. Язык и мир: парадоксы взаимоотражения. М.: Издательский дом ЯСК, 2017. [Radbil’, Timur B. (2017) *Yazyk i mir: paradoksy vzaimootrazheniya* (Language and World: Paradoxes of Interreflection). Moscow: Izdatel’skij dom YaSK. (In Russian)].
- Радбиль Т. Б., Маринова Е. В., Рацибурская Л. В., Самыличева Н. А., Шумилова А. В., Щеникова Е. В., и др. Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст: коллективная монография. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2014. [Radbil’, Timur B., Marinova, Elena V., Raciburskaya, Larisa V., Samylicheva, Nadezhda A., Shumilova, Anna V., Shhenikova, Elena V., et al. (2014) *Russkij yazyk nachala XXI veka: leksika, slovoobrazovanie, grammatika, tekst: kollektivnaya monografiya* (The Russian Language at the Beginning of the XXI Century: Vocabulary, Word Formation, Grammar, Text: collective monograph). Nizhny Novgorod: Izd-vo NNGU im. N. I. Lobachevskogo. (In Russian)].
- Серебренников Б. А., Кубрякова Е. С., Постовалова В. И., и др. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. [Serebrennikov, Boris A., Kubryakova, Elena S., Postovalova, Valentina I., et al. (1988) *Rol’ chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira* (Role of the Human Factor in Language: Language and Worldview). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / пер. с англ; под ред. и с предисл. А. Е. Кибрика. М.: Прогресс: Изд. группа «Универс», 1993. [Sepir, Edward. (1993) *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu i kul’turologii* (Selected Works on Linguistics and Culture Studies) / Translated from English. In Kibrik, Aleksandr E. (ed. and foreword). Moscow: Progress: Izd. gruppa «Univers». (In Russian)].

- Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике / под ред. В. А. Звегинцева. Вып. 1. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. [Uorf, Benjamin L. (1960) *Otnoshenie norm povedeniya i myshleniya k yazyku* (Relation of Behavioural Etiquettes and Way of Thinking to Language). In Zvegintsev, Vladimir A. (ed.) *Novoe v lingvistike* (New in Linguistics), 1. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury. (In Russian)].
- Шейна И. М. Концепт «Человек» в русской и английской языковых картинах мира // Русистика. 2011. № 3. С. 60–68. [Sheina, Irina M. (2011) *Koncept «Chelovek» v russkoj i anglijskoj yazykovyh kartinah mira* (The Concept “Chelovek” (Man) in the Russian and English Linguistic Worldviews). *Rusistika*, 3, 60–68. (In Russian)].
- Язык и национальное сознание: вопр. теории и методологии: науч. изд.: монография / Бабушкин А. П. и др.; науч. ред.: З. Д. Попова, И. А. Стернин. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2002. [Babushkin, Anatolij P. et al. (2002) *Yazyk i nacional'noe soznanie: vopr. teorii i metodologii: nauch. izd.: monografiya* (Language and National Consciousness: Theory and Methodology: scientific publ.; monograph). In Popova, Zinaida D., & Sternin, Iosif A. (science eds.). Voronezh: Voronezh. gos. un-t. (In Russian)].
- Языковой образ-концепт «человек» в русской языковой картине мира: Ипостаси, параметры, семантические и семантико-синтаксические категории, модели и субмодели, коммуникативно-прагматические реализации: монография / под ред. О. В. Коротун, Н. Д. Федяевой. Омск: Вариант-Омск, 2011. [Korotun, Ol'ga V., & Fedyaeva, Natal'ya D. (eds.) (2011) *Yazykovoj obraz-koncept «chelovek» v russkoj yazykovoj kartine mira: Ipostasi, parametry, semanticheskie i semantiko-sintaksicheskie kategorii, modeli i submodeli, kommunikativno-pragmaticheskie realizacii* (Language Image-concept “Chelovek” (Man) in the Russian Linguistic Worldview: Guises, Parameters, Semantic and Syntactic Categories, Models and Submodels, Communicative and Pragmatic Realizations). Омск: Variant-Omsk. (In Russian)].
- Carroll, John B. (ed.) (1956) *Language, Thought and Reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf*. Cambridge: Technology Press of Massachusetts Institute of Technology (The MIT Press).

Словари / Dictionaries

- ССРЯ — Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка в двух томах: Ок 145000 слов. Т 2. М.: Русский язык, 1985. [Tikhonov, Aleksandr N. (1985) *Slovoobrazovatel'nyy slovar' russkogo yazyka v dvukh tomakh: Ok. 145000 slov*. (Derivational Dictionary of the Russian Language in Two Volumes: Circa 145000 words), Vol. 2, Moscow: Russkiy yazyk. (In Russian)].
- СО — Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М.: А ТЕМП, 2006. [Ozhegov, Sergey I., & Shvedova, Nataliya Yu. (2006) *Tolkovy slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy* (Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80000 words and phraseological units). Moscow: A TEMP. (In Russian)].

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР

УДК 821.133.1

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2021-55-3-111-119

ПРИРОДА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА В ТВОРЧЕСТВЕ ЖЮЛЯ РЕНАРА

А. Н. Таганов

Ивановский государственный университет, Иваново, Россия

Рассматриваются особенности художественного образа в творчестве Жюль Ренара (1864–1910) — французского писателя, достаточно известного, но не слишком избалованного вниманием читающей публики и исследователей ни во Франции, ни в России. Французское и российское литературоведение постоянно пытались определить место Ренара в истории национальной литературы. Сделать это не просто в силу специфики его творчества. Весь творческий путь писателя представляет собой поиск художественного языка, способного правдиво отображать действительность. В связи с этим в данной работе изучаются основы его эстетических взглядов. Констатируется, что, отвергая теоретические положения существующих литературных направлений, Ренар с недоверием относится к произведениям, основанным на воображении, уводящем писателя от реальности. Стремление найти адекватные приемы отражения действительности, поиски правды в искусстве приобретают для Ренара мучительные и трагические формы. Развитие творчества Ренара идет от подражания произведениям искусства (то есть от мимесиса мимесиса) к подражанию жизни и природе. Ренар хочет «очистить» от искусственности изображение персонажей, природы, животных. Литература, по его убеждению, должна освободиться от литературности. «Охота» за естественным образом становится основанием художественной системы Ренара. Важно, что, будучи одержимым поисками точного отображения действительности, Ренар раньше многих обнаруживает «болевы́е точки» в развитии словесного творчества, которые во многом определяют специфику литературного процесса в XX веке.

Ключевые слова: литература Франции; литературное направление; «рыжий стиль» художественный образ; художественная условность; «эра подозрения».

The Nature of Fictional Image in the Works by Jules Renard

Aleksandr N. Taganov
Ivanovo State University, Ivanovo, Russia

The article examines the characteristic features of fictional images in the works of Jules Renard (1864–1910), a French writer who is fairly well known but at the same time not overly spoiled by attention from literary critics and the reading public either in France or in Russia.

French and Russian literary studies have repeatedly tried to determine Renard's place in the history of French national literature but haven't found it easy to do because of certain unique features of his work. His entire creative path is a search for an artistic language that can truly reflect reality, and for Renard this desire to find adequate methods of reflecting reality, the search for truth in art often takes on painful and tragic forms. In its discussion of Renard's aesthetic views, this article emphasizes that, while rejecting theoretical positions of existing literary trends, Renard remained suspicious of works based on imagination, believing that it led the writer away from reality. The development of Renard's creativity goes from imitation of works of art (i.e. from mimesis of mimesis) to imitation of life and nature. Renard wants to "cleanse" images of his characters, of nature and animals from all artificiality. Literature, in his opinion, should be freed from literature. This "hunt" for the natural image becomes the basis of Renard's artistic system. It is important to note that, in his obsession with the search for an accurate representation of reality, Renard is the first to discover the "tender spots" or "painful points" in the development of verbal creativity which largely determine the specifics of the literary process in the 20th century.

Key words: French literature; literary direction; "red style"; fictional image; artistic convention; "era of suspicion".

Жюль Ренар (1864–1910) — писатель достаточно известный, но вместе с тем не слишком избалованный вниманием литературоведов и читающей публики как во Франции, так и в России. Вплоть до настоящего времени отечественные читатели имеют возможность познакомиться лишь с ограниченным числом его произведений, переведенных на русский язык. Между тем в творчестве Ренара можно найти много моментов, весьма важных для понимания процессов, обусловивших развитие литературы не только в эпоху, к которой принадлежал писатель, но и в последующее время.

Французское и российское литературоведение постоянно пытались определить место Ренара в истории национальной литературы. Сделать это не просто в силу специфики его творчества. Ренар входит в литературу в очень динамичный период литературного процесса. Для этого времени характерно сосуществование и противоборство многих школ и направлений, переосмысление традиций, идеалов, направлений, эстетик. Во Франции 1880–1890-е годы, по замечанию П. Ситти, проходят под знаком модернизма — движения от Бодлера к натурализму и к его отрицанию через символизм и декаданс (Citti 2015).

Произведения Ренара довольно многочисленны и представляют разные жанры, однако собственный стиль писатель находит не сразу. Его творческий дебют связан со стихотворными опытами, результатом которых стала публикация в 1886 году двух поэтических текстов: «Розы» (*Les Roses*) и «Кровавые пузыри» (*Les Bulles de sang*). Правда, позднее он сам иронично замечал, что занялся поэзией, чтобы войти в литературные круги, и что поэтический язык, в принципе, далек от его творческих задач и

устремлений. Обратившись к прозе в конце 1880-х годов, Ренар работает над романом «Мокрицы» (*Les Cloportes*), но отказывается публиковать его, очевидно осознавая, что в нем много подражательного. Действительно, как правило, исследователи отмечают в этом произведении влияние Мопассана, Доде, Жорж Санд и других. То же, впрочем, ощущается и в сборнике рассказов «Преступление в деревне» (*Crime de village*, 1888). Этот опыт показывает, с одной стороны, что Ренар обладал необходимой художественной техникой для реализации своего творческого потенциала и способностью усваивать и применять достижения других в соответствии со своим замыслом, а с другой — что у писателя достаточно рано рождаются сомнения в плодотворности традиционных форм художественной условности.

Свой стиль Ренар находит в последующих произведениях. Своеобразным началом расчета с прошлым становится роман «Паразит» (*L'Ecornifleur*, 1892), где иронично представлен образ писателя, исповедующего искусственность в искусстве. Начиная с этого произведения у Ренара возникает устойчивое недоверие к существующим художественным принципам. Настоящий успех писателю приносит прежде всего повесть «Рыжик» (*Poil de carotte*, 1894), в которой в полной мере проявилась самобытность его творческой личности.

При оценке творчества Ренара литературоведами возникают различные точки зрения. Так, М. Рэмон, характеризуя его произведения, употребляет термин «супернатурализм» (*supernaturalism*) (Raimond 1967: 60). М. Политцер, отмечая связи писателя с натуралистами и поздними символистами, тем не менее не причисляет автора ни к одному из направлений, подчеркивая самобытность его творчества (Pollitzer 1956).

Ж.-П. Сартр, связывая творчество Ренара с реалистической традицией, видит в принадлежности к ней главную причину неудачи его писательской деятельности: «Так как этот реалист является пессимистом, он не видит в мире ничего, кроме уродливости и беспорядка <...> Этот нигилистический реализм приводит Ренара, как перед ним Флобера, к формальной концепции красоты» (перевод мой. — *A. T.*) (Sartre 1948: 311). Стремление к поиску правды, с точки зрения Сартра, приводит в конце концов Ренара к «литературе молчания» (Sartre 1948: 294).

В советском литературоведении, как правило, особо подчеркивалась увлеченность Ренара социалистическими идеями, антибуржуазная направленность его творчества, внимание писателя к повседневной жизни человека из народа. Для Б. Песиса Ренар — реалист, создатель «новой правды», который решительно рвал с декадентством и добивался преодоления натурализма. Однако исследователь считает, что его реализм развивался в ту-

пиковом направлении, поскольку писатель так и не смог преодолеть противопоставления натуралистического «наблюдения» реалистическому «обобщению»: «Иступленные поиски “истинной правды” были отравлены нигилистическими страхами. Ренар начинал в самом искусстве, в метафоре, в образе видеть ложь» (Ренар 1946: 444).

Принимая во внимание особенности литературного процесса в XX веке, можно отметить, что попытки заключить творчество Ренара в рамки какой-либо эстетической нормы, ограниченной тем или иным литературным направлением, не являются определяющими для понимания специфики его художественной системы. В этой связи стоит прислушаться к словам П. де Буадеффра: «Жюль Ренар при его жизни остается одиночкой. Он идет против течения в то время, когда наблюдается спиритуалистический ренессанс, о чем свидетельствуют такие писатели, как Пеги, Клодель, Баррес второй манеры» (перевод мой. — А. Т.) (Boisdeffre 1979: 14–15). Слова исследователя подтверждаются тем, что Ренар, действительно, не признавал никаких школ и направлений: «Я никогда не понимал, что это такое: никчемность, без сомнения, — всего лишь предлог для того, чтобы впоследствии написать соответствующие главы в истории литературы. Литературные школы порождают лишь приемы. Талант всегда индивидуален» (перевод мой. — А. Т.) (Цит. по: Guichard 1961: 270).

В этой связи особый интерес представляет серия новелл Ренара под названием «Элуа — человек пера» (*Éloi, homme de plume*) из сборника «Потайной фонарь» (*La Lanterne soured*, 1893), в которых образ главного героя — своего рода альтер эго писателя и в то же время посредник между автором и читателем. Образ Элуа у Ренара универсален. В «Дневнике» он замечает: «Мой Элуа: нечто вроде комнатного Дон-Кихота» (Ренар 1998: 117). Он трансформируется по воле автора, выступая в роли то критикующего, то критикуемого. Элуа помогает представить галерею современных Ренару литературных направлений, к которым он относится одинаково негативно. Так, зло высмеивая натурализм, Ренар, по сути, создает карикатуру, представляющую последователей этого направления. Писатель-натуралист в восприятии Ренара — тот, кто скрупулезно собирает мельчайшие, зачастую весьма странные, факты частной жизни: «Не переодевайте рубашку перед ним, иначе через восемь дней вы обнаружите в одном из его текстов описание вашего торса, подробнейшее воспроизведение рельефа ваших лопаток. А особенно ни в коем случае не оставляйте его одного в вашей неубранной комнате, поскольку он начнет собирать окурки сигар, остатки горелых спичек, будет подбирать оставшиеся на подушке волосы и волоски бороды» (перевод мой. — А. Т.) (Renard 1893: 83). Особая удача — если попадется искусственный зуб. Такой писатель будет рас-

смаatrивать гребни, щетки, развешенные штаны, стоптанный башмак, «изучать мочу, считать плевки» (Renard 1893: 84), полагая, что на основании подобных наблюдений вполне возможно судить о людях, при этом будучи уверенным в истинности своих выводов.

В другом тексте сборника «Потайной фонарь», озаглавленном «Ожесточенный символист» (*Le Symboliste exaspéré*), Элуа представлен в роли писателя, который сознательно стремится к созданию непонятных текстов: «Если ему сказать: “Я Вас не понимаю”, он непроизвольно начинает потирать руки, но если ему случается понять самого себя, он теряет свою гордость» (перевод мой. — *A. T.*) (Renard 1893: 95). Миниатюрная драматическая сценка в рамках рассматриваемого текста помогает Ренару завершить образ Элуа-символиста. Однажды он застаёт свою возлюбленную в слезах: «Да, — говорит она, — я должна открыть тебе мое сердце. Я очень огорчена. Я читаю все, что ты пишешь, и перечитываю все снова тайком с моим словарем Ларусса на коленях. Я тружусь так, что часто моя голова раскалывается. Но мои труды оказываются напрасными. Невозможно перевести ни одной строчки. Неужели я такая глупая! Я готова кричать от этого, я была бы так счастлива понять что-то. Я так тебя люблю!». Героиня принимается плакать, а Элуа, проявляя показную галантность, «целует ей руки и, почти побежденный, кладет свою голову на плечо подруги», но через мгновение поднимает ее «с гордостью и вызовом» (Renard 1893: 96): «Он до смерти не забудет эту минуту, в которую он из-за своей милой подруги чуть не утратил в одно мгновение весь свой талант писать не на французском языке» (перевод мой. — *A. T.*) (Renard 1893: 97).

Для Ренара важен художественный образ, очищенный от искусственности, то есть свободный от эстетических и тем более идеологических стереотипов. В этом плане интерес представляет его новелла «Прядь волос» (*La Mèche de cheveux*) из сборника «Сдержанные улыбки» (*Sourires pincés*, 1890). Главный герой новеллы получает от своей возлюбленной конверт, в котором обнаруживает прядь ее волос, очевидно предназначенную для того, чтобы быть хранимой в качестве дорогого талисмана. Случайно волосы высыпаются на раскрытый томик стихов Бодлера, лежащий на столе. Это обстоятельство приобретает особое значение, поскольку на страницах, куда упала прядь, оказывается знаменитое стихотворение «Волосы», которое, как известно, в соответствии с особенностями эстетики Бодлера наполняется сложным символическим содержанием, обусловленным авторским воображением. Герой Ренара вместо бодлеровского экстаза и восторга испытывает лишь недоумение по поводу поступка своей возлюбленной. Ее волосы, так же как у Бодлера, вызывают у него реминисценции и ассоциации, но они носят явно сниженный характер. Вместо то-

го, чтобы вообразить «грациозные движения любимой, обрезающей прядь волос», «прекрасную улыбку на ее губах», «блеск ее глаз» и т. п., персонаж Ренара может вообразить только «грязный халат парикмахера», на который с каждым движением ножниц падают, свертываясь в агонии, волосы (Renard 1890: 37). Он вспоминает, как, будучи в коллеже, посылал в паке- тиках свои остриженные ногти однокашнику, который имел привычку грызть собственные. Затем ему в голову приходит мысль, что из этих волос можно было бы смастерить кисточку для клея. В конце концов он сдувает волосы в окно, прекрасно сознавая, что они были предназначены скорее всего для медальона, который нужно носить на груди подобно героям мно- гих романов.

На протяжении всего творчества Ренар решает важнейшую для него проблему соотношения реальности и искусства. В этой связи он раньше многих начинает осознать вопросы, касающиеся проблем миметического плана. Весь творческий путь Ренара — последовательный процесс поиска художественных принципов, позволяющих предельно правдиво отобра- жать жизненные реалии. В одной из записей «Дневника» (12 декабря 1904) он признается: «Реальность убила во мне воображение, которое было vro- де красивой и богатой дамы. Сама же реальность до того бедна, что я буду вынужден зарабатывать себе на хлеб» (Ренар 1998: 330).

Из недоверия к существующим литературным школам у Ренара рож- дается необходимость обретения собственного художественного языка: «Писатель должен сам создать себе язык, а не пользоваться языком соседа. Надо, чтобы твой стиль рос у тебя на глазах» (Ренар 1998: 281).

Поиск истины в искусстве ведет его от искусственного к естествен- ному, к природному. Отсюда особое внимание Ренара к крестьянской жизни и к крестьянам, «свирепым братьям», как он их называл, отсюда же его интерес к животному миру, результатом которого стал сборник «Есте- ственные истории» (*Histoires naturelles*, 1894). Так формируется особый стиль Ренара, который соединяет в себе беспощадную верность факту и в то же время его субъективное переживание, включающее сложную гамму чувств — от трагически-серьезного до саркастического отношения к явле- ниям жизни. Пытаясь определить свой стиль, Ренар, видимо, по ассоциа- ции с названием собственной знаменитой повести, прибегает к цветовому обозначению: «Если бы литературные произведения могли иметь цвет, я представляю себе: мой был бы рыжий» (Ренар 1998: 149).

«Рыжему стилю» (*un style roux*) у Ренара соответствует, как считали многие, «злой», «циничный» дух (*un esprit rosse*). По мнению Ю. Лароша, «рыжая литература» (*la littérature rousse*) Ренара противостоит «розовой литературе» (*la littérature rose*), популярной в его время, а «рыжий стиль» у

него выполняет двойственную функцию: с одной стороны, помогает ему оставаться самим собой, непохожим ни на кого, оставаться вне школ, а с другой — в силу своей направленности против всех других стилей, недоверия к слову, навязчивого, маниакального поиска своего точного слова он «угрожает ему стерильностью» (Laroche 2011: 200).

Стремление найти адекватные приемы отражения действительности, поиски правды в искусстве приобретают для Ренара мучительные и трагические формы. Смысл всех устремлений Ренара в искусстве можно обозначить его же словами из «Дневника» (7 мая 1902): «Правда не всегда искусство. Искусство не всегда правда, но правда и искусство имеют точки соприкосновения: их-то я и ищу» (Ренар 1998: 276). Развитие творчества Ренара идет от подражания произведениям искусства, от мимесиса мимесиса, к подражанию жизни и природе. Ренар хочет «очистить» от искусственности изображение персонажей, природы, животных. Литература, по его убеждению, должна освободиться от литературности.

Подобные убеждения Ренара определяют специфику его образа. Р. де Гурмон писал о Ренаре: «Человек встает рано утром и бредет по лесным дорогам и тропинкам. Он не боится ни росы, ни шипов, ни сердитых веток изгороди. Он смотрит, слушает, нюхает воздух. Его манят птицы, цветы и ветер. Не спеша, спокойно старается он настичь природу врасплох, в самом ее жилище, потому что слух ее необыкновенно остер» (Гурмон 1996: 46). Эта характеристика навеяна самим Ренаром, который в новелле, открывающей сборник «Естественные истории», представляет своего автопортрет, выводя себя в качестве охотника за образами: «Он поднимается с постели ранним утром, на рассвете и выходит в путь, только если мысли его чисты, сердце открыто. А тело легкое, как летняя одежда. Он не берет с собой еду. В дороге он будет пить свежий воздух и вдыхать благотворные ароматы. Он оставляет дома свое оружие и довольствуется открытыми глазами. Глаза будут сетью, в которую попадутся окружающие его картины» (Ренар 2003: 7).

Главная цель писателя-охотника — образ «дикий», естественный, не затронутый эстетическим облагораживанием, не осененный прикосновением прекрасного, как, например, у Бодлера, который считает искусство выше природы. Как правило, охота предполагает выслеживание, поиск и убийство. В писательской «охоте» главное для Ренара — «выследить» образ, но при этом не «убить» его искусственностью. «Я хотел бы сделать хоть шагжок к живой литературе, к жизни в литературе» (Ренар 1998: 149).

Буадеффр писал: «Автор “Естественных историй” провозгласил на свой лад “эру подозрения”, в которую вступит полвека спустя французский роман» (Boisdeffre 1979: 15). Словно предчувствуя споры о романе, кото-

рые с особой силой разгорятся в середине XX века благодаря новороманистам, провозгласившим кризис традиционных романских форм, Ренар пишет: «Кто из нас решится написать роман, в котором будут лишившиеся смысла слова “люблю тебя” и “любовь”? Мы способны только сочинить книгу, то есть исписать тетрадь и опустошить чернильницу ради умственной гигиены» (Ренар 1998: 119).

Художественные устремления Ренара предвосхищают подозрения новороманистов, которые они испытывают по поводу таких художественных условностей, как всезнающий рассказчик, сюжет (история), персонаж (характер). Ренар относится с недоверием к психологизму Бурже, к историям из «Розовой библиотеки», к сюжетам, выстроенным по законам общепринятой художественной условности. Его повествование стремится к правде факта, сводится зачастую к фиксации события, жеста, детали. Повествовательная линия постоянно перебивается фрагментами драматическими по своей сути, которые переводят повествование в сценические картины, устраняя посредничество автора между героем и читателем, переводя событийный ряд в рамки настоящего времени. Ренар извлекает образ из действительности, стараясь не слишком отдаляться от нее. «Я запряг Пегаса в плуг. Напрасно он бил копытом: пусть идет медленно, шагом и обрабатывает мое поле. <...> Он хотел умчаться в небеса, но лемех плуга глупо ушел в землю и удержал Пегаса» (Ренар 1998: 122).

Будучи одержимым поиском правдивого отображения действительности, отгалкиваясь от реалистической традиции, он идет к ограничению сферы правдивого до объективной фактической данности, которая постигается эмпирически через ощущения и чувства, отказываясь от повествования, основанного на художественном вымысле и непрерывности, от сюжетности, персонажа (характера), то есть — до субъективного опыта, который не исключает и воображения.

Трудно сказать, чем бы завершились поиски Ренара: смерть довольно рано оборвала его творческий путь. Важно, что Ренар раньше многих обнаружил «болевы́е точки» литературного творчества, с которыми неизбежно должны были столкнуться писатели последующих поколений.

Список литературы / References

- Гурмон Р. де. Книга масок. Томск: Водолей, 1996. [Gourmont, Remy de. (1996) *Kniga masok* (The Book of Masks). Tomsk: Vodolej. (In Russian)].
- Ренар Ж. Избранное. М.: Огиз, 1946. [Renard, Jules. (1946) *Izbrannoe* (Selected Works). Moscow: Ogiz (In Russian)].
- Ренар Ж. Дневник. Калининград: Янтарный сказ, 1998. [Renard, Jules. (1998) *Dnevnik* (Diary). Kaliningrad: Jantarnij skaz. (In Russian)].

- Ренар Ж. Естественные истории. М.: Юность, 2003. [Renard, Jules. (2003) *Estestvennie istorii* (Natural Stories). Moscow: Junost'. (In Russian)].
- Boisdeffre, Pierre. de. (1979) *Le roman francais depuis 1900*. Paris: PUF. (In French).
- Citti, Pierre. (2015) Renard, les «Décadents» et la decadence. *Europe*, 1039–1040, 119–128. (In French).
- Guichard, Léon. (1961) *Jules Renard*. Paris: Gallimard. (In French).
- Laroche, Hugues. (2011) Poil de Carrotte: initiation à la littérature rousse. In *Jules Renard, un oeil clair pour notre temps. Actes du Colloque 26 et 27 mars 2010 à la Bibliothèque Nationale et à l'Université Paris-Diderot*. Chitry-les-Mines: Les Amis de Jules Renard, 195–205. (In French).
- Pollitzer, Marcel. (1956) *Jules Renard, 1864–1910: Sa vie — son oeuvre*. Paris: La Colombe. (In French).
- Raimond, Michel. (1967) *La crise du roman: Des lendemains du naturalisme aux années vingt*. Paris: Librairie Corti. (In French).
- Renard, Jules. (1890) *Sourires pincés*. Paris: Alphonse Lemerre. (In French).
- Renard, Jules. (1893) *La Lanterne sourde*. Paris: Paul Ollendorff. (In French).
- Sartre, Jean-Paul. (1948) L'homme ligoté. Notes sur le Journal de Jules Renard. In *Situation I*. Paris: Gallimard, 294–313. (In French).

УДК 1751

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2021-55-3-120-127

ФРАНСУА МОРИАК И АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН: ОСНОВАНИЯ ДИАЛОГА

Чериф Абдельмаджид

Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики», Нижний Новгород, Россия

Творческий диалог Франсуа Мориака (1885–1970) и А. И. Солженицына (1918–2008) — прежде всего диалог Запада и Востока о духовной жизни человека и его нравственности. Сходство их художественных миров опирается на следующие основы: человек и вера, свобода и совесть, справедливость и милосердие, власть и человеческая природа. События, происходившие в России того времени, волновали Мориака, крайне озабоченного угасанием христианской веры на Западе. Творчество его русских современников — Б. Л. Пастернака, А. А. Ахматовой, А. И. Солженицына — представлялось залогом сохранения русской культуры.

Ключевые слова: творчество; совесть; человек; духовная жизнь; техника; поэтика; Нобелевская премия; вера; роман.

François Mauriac and Alexander Solzhenitsyn: Foundations of Their Creative Dialogue

Cherif Abdelmajjid

National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod, Russia,

The creative dialogue between François Mauriac (1885–1970) and Alexander I. Solzhenitsyn (1918–2008) is primarily a dialogue between the West and the East about the spiritual life of man and his morality. The similarity of their artistic worlds is based on the following foundations: man and faith, freedom and conscience, justice and mercy, and power and human nature. Various events that took place in Russia at that time worried Mauriac, who was extremely concerned about the fading of the Christian faith in the West. The work of his Russian contemporaries, B. L. Pasternak, A. A. Akhmatova, and A. I. Solzhenitsyn, seemed to him to be the key for the preservation of Russian culture.

Key words: creativity; conscience; man; spiritual life; technology; poetics; Nobel Prize; faith; novel.

1. Введение

Франсуа Мориак (1885–1970), французский писатель-католик, и Александр Исаевич Солженицын (1918–2008), советский человек и в то же время один из самых непримиримых борцов против Советского государства, на первый взгляд, имеют мало общего.

Тем не менее оба вошли в мировую литературу благодаря всемирности тематики творчества: человек и вера, свобода и совесть, справедливость и милосердие, власть и человеческая природа, добро и зло.

Начиная с 1927 года советскому / русскому читателю становятся известны основные романские произведения французского классика: «Тереза Дескейру» (1927), «Клубок змей» (1934), «Конец ночи» (1936), «Мартышка» (1955), «Дороги в никуда» (1957), «Пустыня любви» (1970), «Прародительница» / «Мать» (1971), «Подросток былых времен» (1970), «Агнец» (1983), сборник эссе «Непокоряться ночи» («В начале жизни», «Бордо, или Отрочество», «В направлении Пруста», «Молодой человек», «Черная тетрадь», «Мои великие», «Новые внутренние мемуары») (1986), «Жизнь Жана Расина» (1988), «Жизнь Иисуса» (1991), «Тереза у врача» (1996), «Тереза в гостинице» (1996), «Тайна Фронтенаков» (2002).

Впервые переведенные на русский язык в 2003 году романы Мориака были изданы в трех томах собрания сочинений. Тем не менее стоит отметить, что известные русскоязычному читателю произведения составляют лишь треть от всего романного наследия французского классика. Остаются неизвестны поэзия, литературные эссе, театральные пьесы, публицистика и мемуары Мориака. Русский «мориаковский» корпус текстов еще не сложился в пространстве русской культуры. Однако у Франсуа Мориака сложился свой круг читателей в России. Можно предположить, что А. И. Солженицын был среди них. Прямых свидетельств того, что русский писатель читал произведения Мориака, пока не обнаружено.

2. Цели и методы исследования

Цель исследования состоит в попытке соотнесения взглядов выдающихся писателей XX века на суть словесного творчества и направления всемирной литературы, одним из непеременимых условий которого оказывается диалог культур. В ходе исследования используются культурно-исторический, компаративный методы, метод пристального чтения (*close reading*).

3. Характеристика материалов и методов

В поисках поэтологического материала были изучены публицистические произведения Мориака в совокупности с корпусом его художественных прозаических произведений на французском и русском языках, а также Нобелевская речь Солженицына в окружении сопутствующих ей исторических и литературоведческих комментариев.

4. Результаты исследования и их обсуждение

Будущий диалог Мориака и Солженицына начинается в 1927 году, когда ключевой роман французского классика «Тереза Дескейру» был издан на русском языке (Кирнозе 2009). Мориак не сомневался в потенциальности диалога между французским писателем и советским читателем, который суть новый человек, выживающий между техникой и верой:

*La lecture de nos romans psychologiques, on se présente assez mal ce qu'elle éveillerait chez un jeune ouvrier russe d'aujourd'hui. S'il arrivait à pénétrer dans l'oeuvre de Proust, par exemple, il croirait lire la description de moeurs d'insectes bizarres et monstrueux. Mais Proust lui-même, sans doute eût-il éprouvé la même difficulté à comprendre ce lyrisme de la production et du rendement qui anime certaines oeuvres soviétiques. Que reste-t-il de l'homme ancien dans l'homme nouveau? De nouvelles conditions économiques transforment-elles l'être humain au point qu'il ne possède plus rien en commun avec les hommes du vieux monde? Ce serait absurde de le penser. Le fond du coeur ne change pas. Ce qui change, c'est l'importance accordée, ici à la métaphysique, là à l'économique; c'est le regard tourné vers le dedans, l'oreille attentive au débat intérieur, ou au contraire un certain mépris des questions pour lesquelles il n'y a pas de solution précise, et l'obéissance à la supplication de Zarathoustra: **Mes frères, restez fidèles à la terre!** (Mauriac 1945)*

«Затруднительно представить, что пробудит в современном молодом русском рабочем чтение наших психологических романов. Если бы ему удалось проникнуть в творчество Пруста, например, он подумал бы, что читает описание нравов из жизни странных и ужасных насекомых. Но и сам Пруст, без сомнения, испытал бы затруднение в понимании лирики производственного процесса и производительности труда в некоторых советских произведениях. Что остается от старого человека в человеке новом? Меняют ли новые экономические условия человека так, что он не имеет ничего общего с людьми старого мира? Было бы абсурдным так думать. Глубины сердца не меняются. Изменяется важность, уделяемая прежде метафизике, теперь экономике; прежде — взгляд за пределы, внимательный слух к внутренней борьбе, или наоборот — некоторое презрение к вопросам, которые не имеют точного разрешения и подчинение мольбе Заратустры: **“Братья мои, оставайтесь верными земле!”**» (Здесь и далее перевод наш. — А. Ч.)

Мориак был прав — «глубины сердца не изменяются». Поэтому творчество Мориака сразу вызвало большой интерес в СССР, писатель привлек внимание прежде всего как резкий критик буржуазного общества и в то же время как тонкий знаток человеческой души.

Иван Бунин (1870–1953), тоже лауреат Нобелевской премии, написавший предисловие к русскому переводу романа «Прародительница», изданного в Париже под названием «Волчица», считал Мориака самым выдающимся французским романистом XX века. Это мнение Бунина объединило два мира русской культуры — старый и новый.

Размышляя о диалоге Мориака и Солженицына, возникает вопрос — к какой традиции русской литературы отсылает их художественный мир? Что в поэтическом мире французского писателя могло тронуть русского читателя? Где та русская струна, которую задел Мориак?

С юности французский романист открывал Россию через литературу:

Un peuple sans romanciers est un peuple inconnu. Le «général Dourakine» nous avait dès l'enfance, ouvert la vieille Russie. Il nous en avait proposé une image d'Épinal bariolée, naïve, et si vraie qu'à la sortie du collège, pénétrant dans le monde fourmillant de «Guerre et Paix» de Tolstoï, les êtres et les gens nous y étaient déjà familiers. <...> C'est l'éminente dignité du roman <...> que seul il nous livre l'âme d'un pays. <...> grâce à Gogol, à Tourguenev, à Tolstoï, à Tchekov, à Gorki, nous a ouvert le coeur de la Sainte Russie» (Mauriac 1962).

«Народ без писателей — неизвестный народ. “Генерал Дуракин” открыл нам еще в детстве старую Россию. Он предложил нам разноцветную лубочную картинку, наивную, но такую правдивую, что по выходе из колледжа, проникая в необъятную вселенную “Войны и мира” Толстого, мы легко узнавали описываемых им персонажей. Только это высокое достоинство романа <...> может открыть нам душу страны <...> благодаря Гоголю, Тургеневу, Толстому, Чехову, Горькому нам открыто сердце Святой России» (Мориак 1986: 34).

Но особенно Достоевский! Мориак открывает это имя *à l'age (...) de quinze ans* (Mauriac 1993: 195) (в возрасте пятнадцати лет). «Достоевский будет прославлен Мориаком, — пишет Софи Оливье, — затем несколько оставлен в стороне и наконец вновь открыт в 50-е годы с публикацией “Легенды о Великом Инквизиторе” и других религиозных текстов» (Ollivier 1997: 190).

Произведения русского писателя представляют для Мориака одновременно феномен этический и эстетический, ибо Достоевский для него *fût sans doute, en dehors de la véritable Eglise, le plus passionné chrétien du XIX siècle* (Mauriac 1990: 56) / «был, без сомнения, вне истинной Церкви, самым страстным христианином в XIX веке».

«Вне истинной Церкви» указывает на мориаковскую перспективу понимания творчества Достоевского и русской культуры в целом. Эта перспектива определена у Мориака *la cause catholique / dans les «Pensées» de*

Pascal demeure la plus haute expression, qui ne finira jamais de ramener les âmes au Christ: elle est la mise en lumière, entre le coeur de l'homme et les dogmes chrétiennes d'une étonnante conformité (Mauriac 1979: 770) / «католической причиной, наивысшим выражением которой остаются «Мысли» Паскаля, которая не прекратит никогда приводить человека к Христу: именно через нее складывается между сердцем человека и христианскими догматами удивительное согласие».

Апологетический посыл «Мыслей» Паскаля помогает Мориаку выстраивать, сочетать сообразно гению своего народа, оставаться писателем порядка и ясности. В то же время влияние русского гения ощутимо в творчестве Мориака прежде всего в намеренности романиста *ne pas intervenir arbitrairement dans les destinées des personnages, ... de laisser aux héros l'illogisme, l'indétermination, la complexité des être vivants* (Mauriac 1979: 765) / «не вмешиваться в судьбы персонажей, ... оставить героям алогичность, неопределенность, сложность живых существ», и в позиции автора, «похожего на Бога» по отношению к своим персонажам. Его *porter à rechercher Dieu, l'ordre par dialogues* / «посыл к поиску Бога, посредством диалога», заимствованный у Паскаля и Достоевского, суть эстетики его творчества.

Творчество как путь к самому себе, к Христу раскрывается по-разному, в зависимости от литературных традиций и истории страны. Однако разность путей показывает сходства в онтологии поисков.

Романы Мориака появились в России в советский период русской культуры, когда, по характеристике Солженицына, «литература прерывается вмешательством силы» (Солженицын 1990: 294). Неслучайно в 1934 году Мориак опубликовал статью *Le Proust russe attendu* («Ожидаемый русский Пруст»), где указывал на то, что *Les bolchevistes recréent l'éternelle confusion entre la valeur morale et sociale des êtres et l'intérêt humain qu'ils présentent pour le romancier* (Mauriac 1934) / «большевики перевоссоздают вечное несоответствие между моральными и социальными ценностями и человеческий интерес, которые они представляют для писателя».

По Мориаку ... *toutes créature humaine, par le seul fait qu'elle est au monde, qu'elle respire, qu'elle souffre, qu'elle aime, qu'elle hait ; que ce soit sous de l'hôtel Guermantes, dans la chambre de cocotte d'Odette Swann, au fond de la cuisine des Grandet ou dans la pauvre maison d'Yonville où se consume Emme Bovary, peut susciter et a suscité des chefs-d'oeuvre. C'est affreux de penser que nous vivons dans un temps où il importe de rappeler chaque jour ces vérités premières* (Mauriac 1934).

«Каждый человек, единственно фактом своего присутствия в мире, своего дыхания, своего страдания, своей любви, своей ненависти; будь то в

отеле Германтов, в комнате кокотки Одетты Сван, в глубине кухни Гранде или в бедном доме Ионвиля, где прозябает Эмма Бовари, может вызывать и вызывал к жизни шедевры. Страшно подумать, что мы живем во времена, когда нужно каждый день повторять эти простые истины».

Мориак сочувствует последствиям, вызванным строительством нового мира в стране, *dans le pays où le Christa été aimé, adoré et servi durant les siècles* (Mauriac 1954: 98) / «где Христа так любили, восхваляли и служили [Ему] на протяжении столетий».

Он уверен, что *on ne recrée pas l'homme. Une révolution politique et sociale le modifie, elle ne le recrée pas* / «нельзя пересоздать человека. Политическая и социальная революция его изменяет, но не переделывает», и поэтому он *salue d'avance ce Proust inconnu qui peut-être aujourd'hui, dans quelque ville perdue de la Russie, étudie de l'intérieur cette humanité dont nous ne savons rien, sinon qu'elle souffre atrocement. Pour ce Proust, tout est intéressant, sauf ce qui est officiel et convenu. Rien n'est trop bas pour lui; aucun type humain ne lui semble médiocre; toute aventure est digne d'être rapportée dans la mesure où elle est révélatrice; <...> et il rendra un jour à la Russie soviétique ce que la Russie soviétique, sans l'avoir voulu, lui aura prêté. Il en proposera au monde le vrai visage. Non, rien de ce qui est spontané ne demeure étranger à ce romancier qui va naître. Il ne méprise que les mots d'ordre. Les attitudes l'intéressent en tant qu'attitudes, les masques en tant que masques* (Mauriac 1954: 98) / «заранее приветствует этого незнакомого Пруста, который, возможно, сегодня, в каком-то затерянном городе России, изнутри изучает этот человеческий мир, о котором мы ничего не знаем, даже если он [мир] жестоко страдает. Для этого Пруста интересно все, кроме того, что официально и подходяще. Ничто не унижает его интереса; ни один человеческий типаж не представляется ему посредственным; всякое происшествие достойно рассказа в той мере, в какой оно является преобладающим; <...> и однажды он вернет советской России то, что советская Россия, не желая того, одолжит ему. Он предложит миру истинное изображение. Нет, ничто живое не будет чуждым романисту, который родится. Он презреет только слова порядка. Отношения будут его интересоваться как отношения, маски как маски».

Мориаку удалось приветствовать при жизни русского писателя, о котором он проповеднически рассуждал в газетной статье. В 1970 году он предложил кандидатуру Александра Солженицына Нобелевскому комитету. В свою очередь русский писатель, отдавая дань французскому коллеге, признался в Нобелевской речи: «В опасные для меня недели исключения из писательского союза — стена защиты, выдвинутая видными писателями мира, предохранила меня от худших гонений, а норвежские писатели и ху-

дожники на случай грозившего мне изгнания с родины гостеприимно готовили мне кров. Наконец, и само выдвижение меня на Нобелевскую премию возбуждено не в той стране, где я живу и пишу, но — Франсуа Мориаком и его коллегами. И, еще позже того, целые национальные писательские объединения выразили поддержку мне. Так я понял и ощутил на себе: мировая литература — уже не отвлеченная огибающая, уже не обобщение, созданное литературоведами. Но некое общее тело и общий дух. Живое сердечное единство, в котором отражается растущее духовное единство человечества» (Солженицын 1990: 299).

Солженицын откликается и принимает эстафету Мориака в утверждении «жизни не по лжи» и пути к Абсолюту.

Католицизм Мориака и православие Солженицына исходят из одного общего христианского источника. Бог и совесть неотделимы, они суть главные опоры существования и противления злу.

Список литературы / References

- Кирнозе З. И., Фомин С. М. Франсуа Мориак на русском языке. // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2009. № 4. С. 152–162. [Kirnoze, Zoya I., & Fomin, Sergey M. (2009) Fransua Moriak na russkom yazyke (François Mauriac in Russian). *LUNN Bulletin*, 4, 152–162. (In Russian)].
- Мориак Ф. Не покоряться ночи. М.: Прогресс, 1986. [Mauriac, François. (1986) *Ne pokoriatsya nochii* (Do Not Surrender to Night). Moscow: Progress. (In Russian)].
- Солженицын А. И. Нобелевская лекция // Солженицын А. И. Рассказы. М.: Современник, 1990. С. 294–310. [Solzhenitsyn, Aleksandr I. (1990) Nobelevskaia lekcia (Nobel Prize Acceptance Speech). In Solzhenitsyn, A. I. *Rasskazy* (Stories). Moscow: Sovremennik, 294–310. (In Russian)].
- Mauriac, François. (1934) Le Proust russe attendu. *Les Nouvelles littéraires*, 634. (In French).
- Mauriac, François. (1945) La technique et la foi. *Le Bâillon dénoué, après quatre ans de silence*. Paris: B. Grasset, 110–111. (In French).
- Mauriac, François. (1954) Un auteur et son oeuvre. Texte du discours prononcé le 10 décembre 1952 à Stockholm, lors d'un banquet donné à l'hôtel de ville. *Paroles catholiques*. Paris: Plon, 98–110. (In French).
- Mauriac François. (1962) La Russie inconnue Les chefs-d'oeuvre de François Mauriac. *Le Bâillon dénoué, après quatre ans de silence*. Tome XIII, 106–107. (In Russian).
- Mauriac, François. (1979) Le Roman. In Mauriac, François. *Oeuvres complètes*. T. II (Bibliothèque de la Pléiade). Paris: Gallimard, 765–785. (In French).
- Mauriac, François. (1990) La vie et la mort d'un poète. Examen de conscience. In Mauriac, François. *Oeuvres autobiographiques*, 56–105. (Edition établie par François Durand. Bibliothèque de la Pléiade). (In French).
- Mauriac, François. (1993) *Bloc-notes*. In Touzot, Jean (ed.). T. II. Paris: Seuil, collection «Points». (In French).

Ollivier, Sophie. (1997) Le chemin de l'aventure chez Mauriac et Dostoievski. *Nouveaux Cahiers François Mauriac*, 5, 190–210. (In French).

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 378

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2021-55-3-128-141

РАЗВИТИЕ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ УЧАЩИХСЯ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИВАЮЩЕГО ПОДХОДА К ОБУЧЕНИЮ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

М. А. Ариян

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

Статья посвящена проблеме развития критического мышления у учащихся в свете развивающего подхода к обучению иностранным языкам. Современная образовательная парадигма предполагает необходимость обеспечения возможности самореализации личности, повышения мотивации, развития социально ценных качеств личности. В статье систематизируются современные подходы к формированию и развитию умений критического мышления у школьников. Мыслительная деятельность осуществляется при помощи ряда умственных операций: анализ, синтез, сравнение, обобщение, конкретизация и систематизация информации, способность видеть внутренние связи и закономерности. Они определяют способность личности к самообразованию. Интерес к последнему приводит исследователей к изучению понятия «рефлексия». В ряду технологий, направленных на развитие рефлексивных механизмов, особое место занимает технология развития критического мышления, которое связано со способностью личности управлять собственной мыслительной деятельностью, высказывать обоснованные, логичные и продуманные суждения, формировать собственное отношение к суждениям других людей, критически их переосмысливать. В статье рассмотрены приёмы развития критического мышления, дана характеристика различным заданиям, имеющим смыслообразующий характер, описана система контроля, способствующая формированию умений критического мышления. Утверждается, что особое место должны занимать приёмы, связанные с открытием смыслов, например, перекодирование информации, полученной из текста для чтения или воспринятой на слух, в иную модальность и т. п. Проведённое исследование показало, что развитию критического мышления в ходе обучения продуктивным видам речевой деятельности способствует использование социально заострённых речевых ситуаций.

Ключевые слова: критическое мышление; развивающий подход; образовательная парадигма; самообразование; рефлексия; открытие смыслов; социально заострённые речевые ситуации.

Developing Critical Thinking in Students within the Context of the Developmental Approach to Foreign Language Teaching

Margarita A. Ariyan

N. A. Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

The article examines the problem of developing critical thinking in students in the light of the developmental approach to teaching foreign languages and systematizes modern approaches to the formation and development of critical thinking skills in schoolchildren. The modern educational paradigm presupposes the need to ensure opportunities for self-realization, increased motivation, and development of socially valuable personality traits. Cognitive activity is carried out with the help of a number of mental operations: analysis, synthesis, comparison, generalization, systematization of information, and the ability to see internal connections. All these determine a person's capability for self-education, and it's the current interest in this ability that leads researchers to study the concept of "reflection". Among the technologies aimed at developing reflexive mechanisms, the technology for the development of critical thinking occupies a special place. It is associated with the ability to control one's own mental activity, to express reasonable, logical and well thought out judgments, to form one's own attitude to the judgments of other people and to critically rethink them. The article discusses various methods of developing critical thinking, gives a detailed description of various tasks of meaning-forming nature, and describes the kind of assessment that contributes to the formation of critical thinking skills. It is argued that a special place should be given to techniques associated with discovery of meanings — for example, recoding information obtained from a text into a different modality. The study shows that the development of critical thinking in the course of teaching productive types of speech activity is facilitated by the use of socially acute speech situations.

Key words: critical thinking; developmental approach; educational paradigm; self-education; reflection; discovery of meaning; socially acute speech situations.

1. Введение

Повышение внимания к проблеме развития учащихся средствами иностранного языка справедливо связывают с переходом на антропоцентрическую парадигму и сформулированным в ФГОС новым пониманием ожидаемых результатов лингвистического образования.

Термин «развивающее обучение», введённый в терминологическое поле отечественной науки В. В. Давыдовым и исследованный в трудах многих отечественных и зарубежных учёных (Божович 1995; Занков 1975; Шиянов, Котова 1999; Kennedy 2006), получил различные трактовки. Однако всеми признаются его ключевые характеристики: оно находится в смысловом поле личностно ориентированного, деятельностного, когнитивного и компетентностного подходов, являющихся концептуальным ядром образовательных стандартов последних поколений. Он в полной мере соответствует современной образовательной парадигме, которая предполагает нацеленность на созидание личности обучающегося (Павлова 2015;

Ариян 2020), необходимость обеспечения возможности самореализации личности (Дмитриева, Гненик 2019), повышения личностной мотивации (Фурманова, Смирнова 2019; Шамов 2013), развития социально ценных качеств личности — коммуникативной состоятельности, социальной ответственности, стремления к познанию и самосовершенствованию. С позиции развивающего подхода обучающийся является полноценным субъектом общения и познания, которому понятны цели, известны стратегии их достижения, регуляции и оценки деятельности. Также признаётся, что развивающее обучение фокусируется на нравственном, эстетическом, умственном, социальном, культурном развитии обучающихся, совершенствовании их эмоциональной и мотивационной сфер (Linton 1936; Мерлин 1971; Lindsay 1974; Бобнева 1980; Мудрик 1990; Мильруд 1992 и др.).

Известно, что процесс развития личности в ходе овладения иностранным языком не происходит стихийно. Требуется соблюдение ряда условий, в частности такая организация образовательного процесса, которая стимулирует мышление и воображение школьников, обогащает их опытом разнообразной деятельности, познания и самопознания, решения коммуникативных, нравственных, познавательных проблем. Тесно связанные между собой коммуникативные и когнитивные функции языка успешно реализуются в ситуации эмоционального подъёма и личностной вовлечённости школьников в коммуникативно-познавательную, поисковую, мыслительную деятельность.

2. Характеристика материалов и методов исследования

Как известно, развитие мыслительных умений рассматривается в настоящее время как наиболее существенная часть содержания образования. Обучающийся должен быть готов не только добывать информацию (в настоящее время это не представляет особой трудности), сколько уместно и разумно её применить. Мыслительная деятельность осуществляется при помощи ряда умственных операций: анализ, синтез, сравнение, обобщение, конкретизация и систематизация информации, способность вскрывать внутренние связи и видеть внутренние закономерности. Способность человека к мыслительной деятельности во многом определяется таким его качеством, как интеллект. Б. Р. Мандель определяет интеллект как общую умственную способность к осуществлению процесса познания и эффективному решению проблем, в частности — при овладении новым кругом жизненных задач (Мандель 2015: 135). Интеллект способствует успешному усвоению знаний и умственных умений. Развитый интеллект означает способность формулировать цель своей деятельности, выбирать адекватные стратегии для её достижения, анализировать, делать выводы, прогно-

зировать результаты. Понятие «интеллект» включает весь спектр познавательных способностей человека (воображение, память, мышление и т. п.) и может являться условием, стимулом, а также результатом самообразования.

Интерес к проблеме самообразования привел исследователей к изучению понятия «рефлексия», которое определяется как «мышление о мышлении» (Lipman 2003; Mirsky, Wachtel 2008; Муштавинская 2009). Рефлексия, в основе которой лежат метакогнитивные умения, является механизмом саморегуляции учебно-познавательной деятельности, то есть обеспечивает возможность самообразования личности. Современные образовательные технологии, среди которых наибольшее распространение получили дебаты, кейс-метод, портфолио, метод проектов, справедливо относят к метакогнитивным технологиям, направленным, в частности, на обучение мышлению (Ю. Н. Кулюткин, И. В. Муштавинская). По мнению исследователей, особое место в ряду технологий, направленных на развитие рефлексивных механизмов, занимает технология развития критического мышления.

Целью статьи является систематизация обозначившихся подходов к формированию и развитию умений критического мышления у школьников в контексте развивающей парадигмы с учётом долгосрочной перспективы (обучение через всю жизнь). В ходе исследования используются методы теоретического анализа отечественной и зарубежной психолого-педагогической и методической научной литературы по проблеме, методическое прогнозирование, педагогическое наблюдение, беседы и интервью с педагогами.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Как известно, технология развития критического мышления разработана в США в конце XX века как надпредметная и синтезирует идеи развивающего обучения. Понятие «критическое мышление» сформулировано в исследованиях многих отечественных и зарубежных учёных (Norris, & Ennis 1989; Elder, & Paul 1994; Богатенкова 2001; Муштавинская 2009; Гураль 2011; Kusaka, 2012). Все авторы связывают критическое мышление со способностью личности управлять собственной мыслительной деятельностью, высказывать обоснованные, логичные и продуманные суждения, формировать собственное отношение к суждениям других людей, критически их переосмысливать, опираясь на проверенные факты. Отмечается, что критическое мышление позволяет выходить за рамки своих представлений о человеке или объекте, формировать в сознании новые представления, основанные на более полной и точной информации. Оно

также оказывает существенное влияние на формирование умений социального характера, позволяет приобретать социально ценные качества личности и совершенствует коммуникативные умения обучающихся.

В методику преподавания иностранных языков данное понятие было введено в связи с повышением интереса к самообразованию обучающихся, которое невозможно без развитой способности к управлению собственной мыслительной деятельностью, сформированных метакогнитивных умений, креативного мышления. В широко известной таксономии Б. Блума эти умения отнесены к умениям высшего порядка (*higher-order thinking skills*) (Chamot 1995). Критическое мышление рассматривается как ключевое умение в XXI веке, поскольку обеспечивает способность адаптироваться к жизни в современном меняющемся и непредсказуемом мире, расширяет социальный опыт личности, её коммуникативную состоятельность (Liaw 2007).

Многочисленные исследования показывают, что обучающиеся, которые в ходе овладения иностранным языком приобретали умения критического мышления, значительно легче справлялись с заданиями повышенной сложности (Mahyuddin, Lope Pihie, Elias, Konting 2004). Умение мыслить широко и творчески позволяло им ставить и решать проблемы на иностранном языке, формулировать цели деятельности и определять наиболее эффективные стратегии их достижения, самостоятельно принимать решения относительно маршрутов самообразования. Такие обучающиеся отличались развитой эмоциональной и мотивационной сферой.

Несмотря на единство мнений о значимости развития умений критического мышления в процессе обучения иностранным языкам, сформулирована точка зрения, в соответствии с которой умения, необходимые для овладения языком, и мыслительные умения рассматриваются как не связанные друг с другом. Другими словами, в традиционной методике преподавания иностранных языков интеграция речевых и мыслительных умений осуществляется на периферии сознания. Отмечается, что даже коммуникативное обучение иностранным языкам не обеспечивает в полной мере развития критического мышления у обучающихся (Kabilian 2000).

Однако преимущества, связанные с развитием у обучающихся критического мышления, которые отмечают исследователи и учителями-практиками, позволили разработчикам отечественных образовательных стандартов в формулировке результатов языкового образования зафиксировать не только предметную, но также личностную и метапредметную области. Реализация последних напрямую связана с развитием умений критического мышления. Разработчики педагогической технологии «кри-

тическое мышление» отмечают значимость следования трём фазам: *evocation* (вызов), *realization* (осмысление информации), *reflection* (рефлексия).

Целью первой фазы является пробуждение интереса обучающихся к проблемам, которые возникают внутри изучаемой темы. Стимулируется когнитивная деятельность школьников, основанная на стремлении к познанию и самосовершенствованию. Собирается дополнительная информация, формулируются проблемные вопросы. Среди видов познавательной деятельности, развиваемых на данном этапе, особое место занимает обращение к собственному опыту, имеющимся знаниям по теме, даже если они весьма незначительны. Демонстрация имеющихся знаний себе и партнёрам предполагает активизацию мыслительной деятельности, направляет мышление обучающегося в нужное русло. На этом этапе также формируются механизмы целеполагания.

Вторую фазу критического мышления связывают со сбором и осмыслением новой информации, которая может быть предъявлена педагогом или добыта самостоятельно. Соотнося новые знания с возникшими ранее вопросами, группируя и категоризируя их, школьник учится самостоятельно и активно работать с информацией.

Третья стадия обеспечивает обратную связь, происходит анализ новых данных по теме, обсуждение и обмен мнениями, формулируется собственная точка зрения.

В научной литературе описано множество приёмов развития критического мышления школьников и студентов, направленных на интеллектуальное развитие и позволяющих учиться самостоятельно, оценивать результаты своего труда, рефлексировать по поводу прочитанного, прослушанного, собственных мыслей и действий, брать на себя ответственность за результаты учебной работы, то есть становиться автономными обучающимися. Рефлексия базируется на метакогнитивных умениях, позволяющих регулировать процесс переработки информации: способности к целеполаганию и планированию своей учебной деятельности, предвосхищению, выбору стратегии обучения.

Конкретные технологические приёмы структурируются в соответствии с базовой моделью (вызов, осмысление, рефлексия) и связываются главным образом с развитием чтения и письма на иностранном языке. Например, в работе С. И. Заир-Бека и И. В. Муштавинской (Заир-Бек, Муштавинская 2004) находим приём «Выглядит как... Звучит как...». Учащиеся вписывают в соответствующие разделы таблицы зрительные и слуховые ассоциации, возникающие в связи с конкретным словом или понятием.

Известен приём INSERT, позволяющий обучающимся анализировать и категоризировать информацию, содержащуюся в тексте для чтения. Прочитав текст, учащиеся при помощи заранее оговоренных символов маркируют его, обозначая известную им информацию, новые факты, противоречивые сведения, неизвестную или непонятную информацию. При необходимости текст прочитывается повторно. Далее каждый раздел таблицы обсуждается в парах или группах.

Работая с текстами для чтения и прослушивания, обучающиеся анализируют, группируют факты, сравнивают, выстраивают последовательность действий героев, вскрывают причинно-следственные связи, делают суждения об отношении автора художественного текста к его персонажам, обсуждают и формулируют главную мысль автора, которую он хотел донести до читателей (*message*). В ходе работы формируются умения догадываться о теме текста по заголовку, иллюстрациям, маргинальному словарю; понять общую идею текста; ориентироваться в иерархии предикатов; использовать контекст для догадки о значении слов; находить в тексте ответы на предварительно поставленные вопросы; находить соответствия и различия между разными текстами, близкими по смыслу; составлять план, аннотацию, реферировать текст.

При работе с лексическим материалом используется группировка слов в соответствии с предложенным учителем принципом или любым принципом (принципами), выбранным самими обучающимися. При ознакомлении с грамматической структурой, аналог которой имеется в родном языке обучающихся, используется так называемая «индуктивная беседа», которая позволяет школьникам в ответ на наводящие вопросы учителя самостоятельно сформулировать правило употребления структуры в речи и правило её образования.

В последние годы в практике преподавания иностранных языков приобрёл популярность так называемый «перевернутый класс» (*flipped class*), технология, которая погружает обучающихся в самостоятельную исследовательскую домашнюю работу, результаты которой обсуждаются на уроке, используются для дальнейшей тренировки и более глубокого изучения темы.

Важнейшее место в системе приёмов развития критического мышления занимает так называемый метод проектов, который позволяет «вплести» речевую деятельность в эмоционально-интеллектуальный контекст иной, неречевой деятельности (Зимняя, Сахарова 1991). Работая над проектом, учащиеся совершенствуют креативное мышление, умение сотрудничать с одноклассниками для достижения результата, совместно создавать конечный продукт и оценивать эффективность своей работы.

Большое значение для развития критического мышления обучающихся имеет также способ контроля и оценивания их успехов в овладении иностранным языком. Объекты контроля, как известно, совпадают с объектами обучения. В условиях коммуникативного, личностно-ориентированного подхода к обучению иностранным языкам объектами контроля выступают интегрированные речевые и мыслительные умения.

Развитию критического мышления в ходе контроля и оценки речемыслительной деятельности обучающихся, по мнению ряда исследователей, способствуют следующие приёмы:

– текущий контроль должен быть постоянным и непрерывным, что позволит реализоваться таким его функциям, как обучающая, диагностическая, корректировочная, управленческая, оценочная, функция стимулирования. Текущий (следящий) контроль позволяет учителю держать в фокусе внимания значительный круг умений, включая умения критического мышления;

– оценивание должно носить критериальный характер, что не предполагает сравнения успехов обучающихся между собой и исключает ситуацию соперничества внутри академической группы или класса. Это позволяет в большей мере концентрировать внимание на решении речемыслительных задач, развивать умения критического мышления (Shirkhani, & Fahim 2011);

– система контроля должна включать задания, которые ориентируют обучающихся на осмысление базовых целей обучения иностранным языкам, включая развитие умений критического мышления. Это должны быть задания, которые предполагают значительное мыслительное усилие, сотрудничество, способность понять мысль автора, спрятанную между строк, логически выстроить развёрнутое устное высказывание и т. п.;

– характер обратной связи в процессе контроля должен быть таким, чтобы подчеркнуть значимость и ценность мыслительных усилий обучающихся. Формальный контроль должен носить планомерный характер, однако для обучающихся важны и неформальные оценочные суждения учителя, в которых высоко оцениваются творчество, нестандартность мышления, полет фантазии.

В контексте развивающего подхода особую значимость приобрели задания проблемного характера, в ходе выполнения которых школьники учатся самостоятельно или в сотрудничестве со сверстниками добывать новые знания. Проблемные задания выполняются уже на младшей ступени обучения, ориентируясь на зону ближайшего развития школьников (Л. С. Выготский) и приобретают особую значимость на последующих ступенях обучения.

Как известно, одной из важных целей языкового образования является открытие смыслов, которые сопровождают человека в течение всей его жизни и реализуются в процессе решения личностных и профессиональных задач.

Нахождение смыслов в ходе учебного процесса по иностранным языкам предполагает, в частности, перекодирование информации, полученной из текста для чтения или восприятия и понимания на слух, в иную модальность, а также овладение новыми способами деятельности и расширение репертуара деятельностей самого обучающегося. В таксономии Б. Блума, обучающиеся выходят на новый уровень знаний (применение, анализ, синтез), когда на смену заданиям типа «прочитайте», «перескажите», «назовите», «перечислите» и т. п. приходят задания, связанные с применением знаний в новых ситуациях, выявление скрытых предположений, установление связей между фактами и следствиями, оценивание логики построения материала и т. п.

Смыслообразующее изучение иностранного языка (Сохранов-Преображенский 2018) предполагает действия перекодировки: ознакомившись с текстом, обучающиеся переводят извлечённую информацию на язык образов (визуализация смыслов). Формирование когнитивных умений осуществляется в ходе формулирования соответствующих словесных понятий, придумывания метафор, которые, в свою очередь, далее разворачиваются в новые тексты, включающие аналогичный смысловой посыл. Далее возможен переход к развитию метакогнитивных умений, в основе которых лежат умения предвосхищать, планировать, оценивать, выбирать стратегию работы с текстом, осуществлять самоанализ и самооценку. В дальнейшем эти умения обеспечивают учащимся способность к самообразованию.

Описываемая смысловая модель во многом базируется на системе междисциплинарных связей, возникающих в процессе овладения различными учебными дисциплинами. Междисциплинарный подход предполагает «перевод» учебных умений, в частности умений критического мышления, полученных из одних учебных дисциплин на язык других. Это позволяет обучающимся открывать новые смыслы, обогащая собственную смысловую сферу.

В контексте междисциплинарного подхода интеллектуальные способности ученика направлены на взаимосогласованное использование моделей и методов, представлений и образов различных учебных дисциплин для решения учебно-познавательных задач средствами иностранного языка. Тематическая синхронизация различных учебных дисциплин создаёт условия для формирования и развития способности креативно и критиче-

ски мыслить, проектировать и создавать новые учебные продукты. Результатом языкового образования закономерно становится способность формулировать и решать проблемы в новых ситуациях, опираясь, в частности, на умения критического мышления. Смыслы связывают все формы деятельности, предметы и знания в единую картину мира. Самостоятельно добытое и отрефлексированное знание становится ценным и личностно значимым. Исследования показывают, что дефицит смысла приводит, напротив, к возникновению ощущения излишней загруженности независимо от объёма получаемой информации. Учебная деятельность представляется бесцельной, ненужной, не способной активизировать интеллектуальную сферу обучающихся.

Смыслообразующее изучение иностранного языка предполагает соблюдение целого ряда требований со стороны субъектов образовательного процесса:

- обучение иностранным языкам с самых ранних этапов должно предполагать активизацию мыслительной деятельности учащихся, решение проблемных задач;
- учащимся необходимо предоставлять достаточно времени для обдумывания ответов при работе индивидуально, в парах или группах;
- учителю следует чаще задавать учащимся вопросы открытого характера и приветствовать такие вопросы со стороны обучающихся;
- предлагаемые учащимся задания должны быть сформулированы таким образом, чтобы позволять им опираться на свой опыт и высказывать собственные мнения;
- следует помогать учащимся формулировать собственные идеи и приветствовать фантазию и творчество во всех их проявлениях;
- необходимо стимулировать поиск новой информации по теме не только в учебниках, но в различных доступных учащимся источниках: Интернет, книги, научные журналы, словари и т. д.
- следует приветствовать применение знаний и умений, полученных в иных учебных дисциплинах, на уроках иностранного языка, и наоборот: в учебном процессе по иностранному языку — обогащать школьников информацией из различных наук и сфер деятельности;
- учителю следует воспитывать в себе интеллектуальную эмпатию, что предполагает умение поставить себя на место обучающегося, понять его мысли и помочь их сформулировать.

4. Заключение

Проведённое исследование показало, что развитию критического мышления в ходе обучения продуктивным видам речевой деятельности

способствует использование в учебном процессе социально заостренных речевых ситуаций. Общаясь внутри таких ситуаций, участвуя в спорах и дискуссиях, школьники приобретают собственные смысловые ориентиры. Превращению обучающегося в «критического мыслителя» (И. В. Муштавинская) способствует формирование таких умений, как настойчивость в решении проблем, открытость для других людей, умение слушать и слышать собеседника, сотрудничать, активно воспринимать информацию, видеть связи между явлениями, оценивать собственные чувства и мысли, ставить перед собой обдуманые цели, строить прогнозы и т. п. Социально заостренные речевые ситуации порождают у школьников психическое состояние интеллектуального затруднения и таким образом активизируют критическое мышление, интерактивное, творческое, рефлексивное по своей сути.

Известно, что широко и эффективно мыслящая, всесторонне развитая личность выступает как цель и результат образовательного процесса по иностранным языкам. Поэтому в структуре развивающего обучения критическое мышление занимает особое место. Оно формирует способность анализировать, сравнивать, обобщать и систематизировать информацию, делать обоснованные выводы и, следовательно, позволяет эффективно действовать в личной, социальной и иных сферах. Реализация такого подхода связана с выполнением целого ряда требований:

Таким образом, среди стратегий, которыми должны овладеть обучающиеся, особое место принадлежит той, которая позволяет выходить далеко за рамки получаемой информации и приобретать умения критически и креативно мыслить. Представляется, что приоритетное значение должны получить те умения, которые позволяют использовать информацию в различных контекстах и нацелены на открытие смыслов.

В процессе овладения иностранным языком, по мере выполнения заданий, направленных на овладение когнитивными и коммуникативными умениями, обучающиеся совершенствуют свой интеллект, приобретают новые компетенции, овладевают более сложными способами выполнения действий и расширяют опыт творческой деятельности. Формируется смысловой стержень как стимул для развития критически и креативно мыслящей личности, способной изменить себя и окружающий мир.

Список литературы / References

- Ариян М. А.* Реализация индивидуального стиля учителя в учебном процессе по иностранным языкам // Вестник НГЛУ. 2020. Вып. 49. С. 165–172. [Ariyan, Margarita A. (2020) Realizatsiya individual'nogo stilya uchitelya v uchebnom protsesse po in-

- ostrannym yazykam (Realization of a Teacher's Individual Style in a Foreign Language Teaching and Learning Process). *LUNN Bulletin*, 49, 165–172. (In Russian)].
- Бобнева М. И. Социальное развитие личности: психологическая проблема // Общественные науки. № 1. 1980. С. 89–101. [Bobneva, Margarita. I. (1980) *Sotsial'noe razvitiye lichnosti: psihologicheskaya problema* (A Social Development of a Personality: Psychological Problem). *Obshchestvennyye nauki*, 1, 89–101. (In Russian)].
- Богатенкова Н. В., Муштавинская И. В. Технология развития критического мышления на уроках истории и краеведения. СПб.: СПб ГУПМ, 2001. [Bogatenkova, Natalya V., & Mushtavinskaya, Irina V. (2001) *Tehnologiya razvitiya kriticheskogo myshleniya na urokakh istorii i kraevedeniya* (Technology of Critical Thinking Development in History and Local History Lessons). Saint-Petersburg: SPb GUMP. (In Russian)].
- Божович Л. И. Проблемы формирования личности: избранные психологические труды / под ред. Д. И. Фельдштейна. Москва; Воронеж: Ин-т практической психологии, 1995. [Bozhovich, Lidiya I. (1995) *Problemy formirovaniya lichnosti: izbrannyye psihologicheskie trudy* (Personality Formation Problems: Selected Psychological Works). In Fel'dshteyn, David I. (ed.) Moscow; Voronezh: In-t prakticheskoy psikhologii. (In Russian)].
- Гураль С. К. Дискурс-анализ в свете синергетического видения // Международный журнал экспериментального образования. 2011. № 12. С. 67–68. [Gural, Svetlana K. (2011) *Diskurs-analiz v svete sinergeticheskogo videniya* (Discourse Analysis in Terms of Synergetic Approach). *Mezhdunarodniy zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya* (International Journal of Experimental Education), 12, 67–68. (In Russian)].
- Дмитриева Е. Н., Гненик М. Е. Обеспечение психологической безопасности в процессе обучения иностранным языкам в вузе // Вестник НГЛУ. 2019. Вып. 48. С. 193–201. [Dmitrieva, Elena N., & Gnenik, Marina E. (2019) *Obespecheniye psihologicheskoy bezopasnosti v protsesse obucheniya inostrannym yazykam v vyze* (Ensuring Psychological Security in the Process of Teaching a Foreign Language at the University). *LUNN Bulletin*, 48, 193–201. (In Russian)].
- Заир-Бек С. И., Муштавинская И. В. Развитие критического мышления на уроке. М.: Просвещение, 2004. С. 62–63. [Zair-Bek, Sergey I., & Mushtavinskaya, Irina V. (2004) *Razvitiye kriticheskogo myshleniya na uroke* (Developing Critical Thinking at Lesson). Moscow: Prosvesheniye. (In Russian)].
- Занков Л. В. Обучение и развитие. М.: Педагогика, 1975. [Zankov, Leonid V. (1975) *Obucheniye i razvitiye* (Teaching and Development). M.: Pedagogika. (In Russian)].
- Зимняя И. А., Сахарова Т. Е. Проектная методика обучения иностранному языку // Иностранные языки в школе. 1991. № 3. С. 12–19. [Zimnyaya, Irina A., & Saharova, Tatiana E. (1991) *Proektnaya metodika obucheniya inostrannomu yazyku* (Project Methods of Teaching a Foreign Language). *Innostrannyye yazyki v shkole* (Foreign Languages at School), 3, 12–19. (In Russian)].
- Мандель Б. Р. Дифференциальная психология. Модульный курс: учеб. пособие для вузов. М.: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2015. [Mandel, Boris R. (2015) *Differentsial'naya psihologiya. Modulniy kurs: ucheb. posobie dlya vuzov* (Differential Psychology. Modular Course: Training Book for Universities). M.: Vuzovskiy uchebnik: INFRA-M. (In Russian)].
- Мерлин В. С. Лекции по психологии мотивов человека: учеб. пособие для спецкурса. Пермь: Пермский гос. пед. институт, 1971. [Merlin, Vol'f S. (1971) *Lektsii po psihologii*

- hologii motivov cheloveka: ucheb. posobie dlya spetskursa* (Lectures on Psychology of Human Motives: training book for special course). Perm: Perm. gos. ped. institut. (In Russian)].
- Мильруд Р. П. Развивающее обучение средствами иностранного языка в средней школе: Дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.02. М., 1992. [Milrud, Radislav P. (1992) *Razvivayushee obucheniye sredstvami inostrannogo yazyka v sredney shkole* (Development-Focused Teaching by means of a Foreign Language at Secondary School): Doctorate Thesis (in Pedagogical Sciences). Moscow. (In Russian)].
- Мудрик А. В. Социализация и воспитание подрастающих поколений. М.: Знание. 1990. [Mudrik, Anatoly V. (1990) *Sotsializatsiya i vospitaniye podrastayushih pokoleniy* (Socialization and Education of Rising Generations). Moscow: Znanie. (In Russian)].
- Муштавинская И. В. Технология развития критического мышления на уроке и в системе подготовки учителя: учеб. метод. пособие. Санкт-Петербург: КАРО, 2009. [Mushtavinskaya, Irina V. (2009) *Tehnologiya razvitiya kriticheskogo myshleniya na uroke v sisteme podgotovki uchitelya* (Technology of Developing Critical Thinking at Lesson and in the System of Teacher Training: training book). Saint-Petersburg: KARO. (In Russian)].
- Павлова Л. В. Гуманитарно-развивающее обучение иностранным языкам в высшей школе. М.: ФЛИНТА, 2015. [Pavlova, Lyubov' V. (2015) *Gumanitarno-razvivayushee obucheniye inostrannym yazykam v vysshey shkole* (Humanitarian and Development-Focused Instruction of Foreign Languages at School of Higher Education). Moscow: FLINTA. (In Russian)].
- Смирнова И. Ю. Принципы формирования лингвистической самостоятельности как показатель лингвистической компетенции при обучении иностранным языкам в вузах системы МВД России // Вестник НГЛУ. 2019. Вып. 48. С. 230–240. [Smirnova, Irina Yu. (2019) Printsipy formirovaniya lingvisticheskoy samostoyatel'nosti kak pokazatel lingvisticheskoy kompetentsii pri obuchenii inostrannym yazykam v vuzakh sistemy MVD Rossii (Principles of Developing Linguistic-Cultural Autonomy as an Indicator of Linguistic-Cultural Competence in English Instruction at MOIA Universities). *LUNN Bulletin*, 48, 230–240. (In Russian)].
- Сохранов-Преображенский В. В., Нужина Е. Н. Формирование эффективной личностной позиции студентов технического вуза в процессе смыслообразующего изучения иностранного языка // Вестник НГЛУ. 2018. Вып. 43. С.121–132. [Sohranov-Preobrazhenskiy, Vladimir V., & Nuzhina, Elena N. (2018) Formirovaniye effektivnoy lichnostnoy pozitsii studentov tehničeskogo vuza v protsesse smysloobrazuyushogo izucheniya inostrannogo yazyka (Shaping an Effective Personal Position in Technical University Students through a Meaning-making Process of Learning a Foreign Language). *LUNN Bulletin*, 43, 121–132. (In Russian)].
- Фурманова В. П., Шамов А. Н. Мотивация как основа успешного овладения иностранным языком в школе // Вестник НГЛУ. Вып. 18. 2013. 177–189. [Furmanova, Valentina P., & Shamov, Aleksandr N. (2013) Motsivatsiya kak osnova uspeshnogo ovladeniya inostrannim yazykom v shkole (Motivation as Foundation for Successful Foreign Language Learning in Secondary Schools). *LUNN Bulletin*, 18, 177–189. (In Russian)].
- Шиянов Е. Н., Котова И. Б. Развитие личности в обучении. Учеб. пособие для студ. пед. вузов. М.: Изд. центр «Академия», 1999. [Shiyanov, Evgeniy N., & Kotova,

- Izabella B. (1999) *Razvitiye lichnosti v obuchenii. Ucheb.posobiye dlya studentov ped.vuzov* (Developing a Personality in Teaching: Training book for students of pedagogical universities). Moscow: Izd. tsentr «Akademiya». (In Russian)].
- Chamot, Anna. (1995) Creating a Community of Thinkers in the ESL/EFL Classroom. *TESOL Matters*, 5 (5), 1–16.
- Elder, Linda, & Paul, Richard. (1994) Critical Thinking: Why We Must Transform Our Teaching. *Journal of Developmental education*, 18 (1), 34–35.
- Kabilian, Kamarul M. (2000) Creative and Critical Thinking in Language Classroom. *Internet TESL Journal*, 6/6. Retrieved from <http://iteslj.org/Techniques/Kabilian-CriticalThinking.html>.
- Kennedy, Teresa J. (2006) Language Learning and Its Impact on the Brain: Connecting Language Learning with the Mind through Content-based Instruction. *Foreign Language Annals*, 39 (3), 471–486.
- Kusaka, Laura L., & Robertson, Martha. (2012) Beyond Language: Creating Opportunities for Authentic Communication and Critical Thinking. *愛知大学 言語と文化*, 14, 21–38.
- Liaw, Meei L. (2007) Content-based Reading and Writing for Critical Thinking Skills in an EFL Context. *English Teaching and Learning*, 31 (2), 45–87.
- Lindsay, Paul. (1974) The Use of Drama in TEFL. *English Language Teaching Journal*, 1, Vol. 29, 55–59.
- Linton, Ralph. (1936) *The Study of Man*. New York: Appleton Century.
- Lipman, Matthew. (2003) *Thinking in Education*. New York: CUP.
- Mahyuddin, Rahil, Lope, Pihie Z., Elias, Habibah, & Konting, Majid M. (2004) The Incorporation of Thinking Skills in the School Curriculum. *Kajian Malaysia, Jld*, 22 (2), 23–33.
- Norris, Stephen P., & Ennis, Robert. (1989) *Evaluating Critical Thinking*. Pacific Grove, California: Critical Thinking Press and Software.
- Shirkhani, Servat, & Fahim, Mansour. (2011) Enhancing Critical Thinking in Foreign Language Learners. *Procedia. Social and Behavioral Sciences*, 29, 111–115.
- Wachtel, Ted, & Mirsky, Laura (eds.). (2008) *Restorative Practices in Education*. Bethlehem, PA: International Institute for Restorative Practices.

РЕЦЕНЗИИ

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2021-55-3-142-148

БАНКОВСКИЕ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ НЕРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ: УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ VS НАЦИОНАЛЬНО ОБУСЛОВЛЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ

Т. Н. Федуленкова

Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых,
Владимир, Россия

Рецензия на работу: *Федорова А. В. Английская и русская терминологические системы банковской сферы: Дис. ... канд. филол. наук по специальности 10.02.20 — сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание. Тверь, 2016. 193 с.*

В связи с процессом глобализации мировой экономики в начале XXI века активизировались усилия лингвистов в изучении деловой фразеологии, особенно фразеологической терминологии в той или иной специальной сфере: юриспруденции, медицине, социологии и т. п. (Пыж 2009; Сардалова 2018; Katamadze 2018).

Диссертационное исследование А. В. Федоровой, посвященное изучению английской и русской терминологических систем банковской сферы, привлекает внимание специалиста прежде всего своим полипарадигмальным подходом (Маслова 2008: 16): работа находится на пересечении таких наук, как терминоведение, антрополингвистика и социоллингвистика.

В современной лингвистической парадигме одним из приоритетных направлений считается познание человека через язык. Именно интенсификация антрополингвистического подхода к изучению структуры и семантики терминоединиц позволяет автору по-новому рассматривать те явления, которые уже неоднократно исследовались в рамках традиционной лингвистической науки. Поэтому несомненна актуальность данного исследования, которая обусловлена рядом причин. Во-первых, недостаточно изучена субъективная составляющая терминологической системы, включающая эмоционально-оценочный и информационно-когнитивный компоненты. Во-вторых, приобретает особую значимость и нуждается в дополнительном рассмотрении вопрос об экстралингвистическом знании данной отраслевой терминологической системы в антрополингвистической науке.

В-третьих, назрела необходимость решения лингвистических задач, нацеленных на унификацию и инвентаризацию терминов банковской сферы.

Вполне очевидна актуальность междисциплинарного, интегративного характера данного исследования. Впечатляет глубина авторской трактовки ключевых понятий и анализа проблем классического и современного терминоведения, антропоцентрической лингвистики, а также социолингвистики. В настоящее время исследования в области изучения профессиональной лексики невозможны без междисциплинарного аспекта, позволяющего, в частности, разработать новые методы анализа специальной лексики.

Характеризуя диссертационную работу в целом, отметим, что она написана хорошим научным языком, доказательна, правильно структурирована и оформлена. Удачная композиция текста диссертационного сочинения и уверенное оперирование эмпирическим материалом приводят к несомненному выводу об оригинальности и самостоятельности работы А. В. Федоровой.

Цель исследования определяется автором многомерно как изучение банковских терминосистем английского и русского языков, описание и анализ терминологических процессов во взаимосвязи с человеком, с его деятельностью и мышлением, а также изучение путей и способов терминологической номинации в рамках определённого исторического периода, а именно финансово-экономического кризиса 2008 г. В связи с поставленной целью автор последовательно решает такие четко сформулированные и важные для исследования задачи, как а) краткое описание основных параметров терминологического стандарта для последующего изучения термина как единицы научно-профессионального знания; б) представление информационно-коммуникативного пространства термина; в) сравнение особенностей функционирования банковских терминосистем английского и русского языков; г) анализ банковского дискурсоцентризма сквозь призму информационно-коммуникативного поля; д) построение разноаспектных классификаций терминов банковской сферы на основе языкового и внеязыкового признаков, а также их предметно-логической структуры; е) рассмотрение антропологической природы термина; ж) разработка принципов формирования профессиональной языковой личности сотрудника финансово-кредитной организации; з) анализ влияния экстралингвистических факторов на образование терминосистем.

Исследование отличается солидной теоретической базой, формированию которой автор уделяет особое внимание, включая в основу своей работы наиболее интересные труды отечественных и зарубежных учёных по теории терминоведения, по проблемам термина и терминообразования,

работы, посвящённые основным положениям антропоцентрического направления в современном языкознании, работы по насущным проблемам языка и культуры в профессиональной коммуникации. Помимо этого, А. В. Федорова анализирует новейшие английские и отечественные лексикографические источники по банковской терминологии, учебники, статьи (в печатном и электронном форматах) и научные публикации по различным финансовым направлениям. Тщательная подборка фактического материала в полной мере способствует достижению поставленной цели и решению сопутствующих задач научного анализа и, что особенно важно, говорит об исследовательской интуиции автора и неординарном лингвистическом мышлении.

В первой главе диссертации представлены основные этапы развития терминоведения как науки, изучающей специальную лексику, в данном случае — терминологическую. Автор обращается к сущности термина, которая раскрывается через изучение его ключевых признаков, особенностей, функций. А. В. Федорова, ссылаясь на труды известных учёных-терминоведов (Г. О. Винокур, Б. Н. Головин, С. В. Гринев-Гриневиц, В. П. Даниленко, В. М. Лейчик, Д. С. Лотте и др.), освещает их взгляды на такие проблемы, как упорядочение терминосистем, вариативность терминов, их субъективный характер и т. д. Глубокий критический анализ отечественных работ по терминоведению позволяет А. В. Федоровой констатировать, что на протяжении всей истории развития данной науки учёные находятся в поиске единого определения термина. При этом автор, демонстрируя на то все основания, предлагает своё определение термина банковской сферы.

Рассматривая термин прежде всего как источник информации, А. В. Федорова поднимает в своем исследовании вопрос создания терминном информационно-коммуникативного пространства, которое предполагает не только структурные отношения и коммуникативные связи, но и языковую основу (термины, профессионализмы, жаргонизмы и т. п.), номинирующую реалии социально-культурного исторического контекста. Автор исследования считает, что в процессе коммуникации передача научно-профессиональных знаний представляет собой своеобразную цепь, состоящую из семантического, прагматического и не менее важного когнитивного звеньев. В то же время, исследуя информационно-коммуникативное пространство термина, А. В. Федорова успешно вычленяет ряд определённых принципов построения этого пространства. Во-первых, по мнению автора, в социальном плане информация без коммуникации не имеет смысла. Во-вторых, информативно-коммуникативное пространство имеет тенденцию глобализировать. В-третьих, коммуникативный акт или коммуникативное событие будут расценены как нечто новое,

значимое в случае наличия у них внушительной и «когнитивно-удобной лингвосемиотической “упаковки”».

Во второй главе освещены истоки развития банка как финансово-кредитной организации, проведен сравнительно-сопоставительный анализ, в основе которого лежат предъявляемые к «идеальному» термину требования. Вызывает особый интерес исследование информационно-коммуникативной среды банковского дискурса. Рассматриваемый в работе дискурс-анализ представляется автором в виде многопланового явления, которое раскрывается через такие категории, как факторы влияния, задачи и инструменты воздействия. Особое место в работе уделяется инструментам воздействия, реализация которого происходит через маркетинговые стратегии.

Важное прикладное значение имеют приведённые в работе классификации банковской терминосистемы, в частности классификация по тематической принадлежности к определённой категории. Такое группирование терминов единиц банковской сферы позволяет выявить исторические и национальные особенности страны, развития её экономики, способов регулирования денежного обращения и т. д.

Наиболее интересным результатом исследования в рамках данной главы является анализ терминологических процессов во взаимосвязи с человеком, с его эмоционально-оценочной деятельностью. Детальный анализ публицистических текстов позволил автору выявить, в какой мере антропоцентрическая природа специальной лексики обусловлена личностными смыслами индивидуума, в какой степени субъективно-эмоциональный характер банковской лексики определяет вектор развития значения банковского термина.

Памятуя о том, что одно из ключевых системообразующих понятий антропологической парадигмы — это «языковая личность», автор считает необходимым рассмотреть в рамках своего исследования профессиональную языковую личность сотрудника банка. А. В. Федорова показывает, что реализация профессиональной языковой личности сотрудника банка происходит через профессиональный тезаурус, который обусловлен рядом единиц вербально-ассоциативной сети, идеями, концептами, складывающимися в единую систему ценностей, значениями, которые передаются в процессе коммуникации людей.

В третьей главе автор исследует современные подходы к проблеме внеязыковых факторов развития специальной лексики. Порядок изложения материала основан на главной идее: резкое ухудшение экономического состояния страны рассматривается как условие, которое вынуждает участников рынка вводить и применять новые понятия, а также вспоминать давно

забытые термины. Исследование практического материала из научных публикаций, учебников в сфере финансов и экономики, а также анализ экспериментальных данных позволяют автору выделить термины кризисной ситуации и разгруппировать их по таким терминологическим полям, как типы банковского обслуживания, меры по борьбе с кризисом, формы межбанковского взаимодействия, законодательные акты.

Проведённый анализ научно-публицистических материалов позволил автору выявить универсальные характеристики и национально обусловленное своеобразие банковских терминосистем неродственных языков — английского и русского. А. В. Федорова приходит к ряду обоснованных и интересных выводов: различия в английской и русской банковских терминосистемах обуславливаются, во-первых, экстралингвистическими факторами развития банковской системы; во-вторых, организацией государственной системы (особой системы контроля коммерческих банков, накопления капитала, формирования класса собственников); в-третьих, преобладанием определённых способов терминообразования; наконец, концептуализацией мира, категорий и форм родного языка.

Новаторство работы проявляется и в подаче исследованного материала, которая позволяет выявить дополнительные возможности проблематики диссертации. Автор не только старается расставить точки на *i*, но и предлагает продолжить обсуждение дискутируемых в научной среде, но еще не получивших решения проблем, как то: причины и способы проявления в семантике термина оценочно-эмоциональных смыслов, количественное и качественное соотношение синонимии специальной лексики английского и русского языков в обоих языках, степень и характер взаимосвязанности понятий «коммуникационная стратегия» и «культура мышления».

Инновационным и принципиально важным в диссертации является изучение английской и русской банковской лексики не просто в отраслевом формате, а с позиции социолингвистического аспекта антропоцентрической терминологической лингвистики.

Новаторский личный вклад А. В. Федоровой в теорию терминологической фразеологии состоит в том, что критически рассмотрен и обобщён опыт научных работ о терминах, предложено собственное определение банковского термина, представлена модель информационно-коммуникативной среды банковского дискурса, предложена авторская (предметно-логическая) классификация терминологической лексики банковской сферы. Диссертационное исследование вносит вклад в развитие общей теории антрополингвистической науки: сухой язык денег исследован с позиции проявления им образности, экспрессивности, эмоционально-

сти. Лексикографически важным является предложенная автором инновационная идея словаря терминов кризисной ситуации, который включён в приложение к рецензируемой работе.

Наряду с теоретическими находками главная ценность исследования заключается в его прикладной направленности. В работе проводится анализ терминов, широко использовавшихся в период кризиса 2008–2011 гг., с целью установления их семантико-грамматических особенностей. Представленные положения указывают на наиболее значимые достижения настоящего исследования.

Важным, на наш взгляд, является тот факт, что автором обеспечивается единство теории и практики: анализ практического материала и экспериментальных данных проводится на основе систематизации теоретических предпосылок исследования и его методологической базы.

В заключение отметим, что данная работа в течение четырех лет служит мощным мотивационным стимулом для начинающих исследователей деловой фразеологии, работающих под руководством ученых-лингвистов в Школе молодого филолога Владимирского государственного университета, опубликовавших ряд статей в рецензируемых журналах и выступивших на международных лингвистических конференциях на темы структуры, семантики и дискурсивной ценности английской фразеологии из сферы менеджмента, маркетинга, аудита и др. (Федуленкова, Волкова 2020; Федуленкова, Малышева 2019; Федуленкова, Спицына 2020; Ivanova 2021; Malysheva, Volkova 2021; Valueva, & Skotnikova 2021).

Рецензируемое диссертационное исследование, как показывает вузовская практика, может с успехом применяться в студенческой аудитории при изучении фразеологии, терминологии, стилистики.

Список литературы / References

- Маслова В. А.* Современные направления в лингвистике. М.: Академия, 2008. [Maslova, Valentina A. (2008) *Sovremennye napravleniya v lingvistike* (Modern Trends in Linguistics). Moscow: Akademiya. (In Russian)].
- Пыж А. М.* Идиоматика в сфере английской юридической терминологии // Фразеология и терминология: Грани пересечения: коллективная монография. Архангельск: Поморский ун-т, 2009. С. 86–95. [Pyzh, Anna M. (2009) *Idiomatika v sfere anglijskoj juridicheskoj terminologii* (Idioms in the Field of English Legal Terminology). *Frazeologiya i terminologiya: Grani peresecheniya: kolektivnaya monografiya* (Phraseology and Terminology: Faces of Intersection: Collective Monograph). Arhangel'sk: Pomorskij un-t, 86–95. (In Russian)].
- Сардалова Л. Р.* Функциональные особенности фразеологических единиц в англоязычном научно-популярном медико-оздоровительном дискурсе: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Пятигорск, 2018. [Sardalova, Luiza R. (2018) *Funkcional'nye osobennosti frazeologicheskikh edinic v angloyazychnom nauchno-populyarnom*

- mediko-ozdorovitel'nom diskurse* (Functional Features of Phraseological Units in the English-language Popular Scientific Medical and Health-improving Discourse): PhD Thesis (In Philology). Pyatigorsk. (In Russian)].
- Федуленкова Т. Н., Волкова С. А. Рецензия на монографию Н. В. Баско «Фразеологизмы в языке современных российских СМИ» // Теоретическая и прикладная лингвистика: науч. журнал Амурского гос. университета, № 6 (3), 2020, с. 211–216. [Fedulenkova, Tatiana N., & Volkova, Sofiya A. (2020) Recenziya na monografiyu N. V. Basko «Frazеologizmy v yazyke sovremennyh rossijskih SMI» (Review of the Monograph by N. V. Basko “Phraseologisms in the Language of Modern Russian Media”). *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika*, 6 (3), 211–216. (In Russian)].
- Федуленкова Т. Н., Малышева А. С. Структурно-компонентное наполнение субстантивной модели английского делового ФЕ-термина // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. 2019. Т. 15. Вып. 3 (45). С. 30–40. [Fedulenkova, Tatiana N., & Malysheva, Aleksandra S. (2019) Strukturno-komponentnoe napolnenie substantivnoy modeli anglijskogo delovogo FE-termina (Structural-component Filling of the Substantive Model of the English Business Phraseological Term). *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*, vol. 15, 3 (45), 30–40. (In Russian)].
- Федуленкова Т. Н., Спицына Н. Н. Базовые модели англоязычной деловой фразеологии // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2020. Т. 13. Вып. 7. С. 202–206. [Fedulenkova, Tatiana N., & Spicyna, Natalia N. (2020) Bazovye modeli angloyazychnoj delovoj frazeologii (Basic Models of English-language Business Phraseology). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, vol. 13, no 7, 202–206. (In Russian)].
- Ivanova, Alexandra V. (2021) Semantic Transference in Phraseological Terms. *15th ESSE Book of Abstracts of the International Conference of English Studies in Lyon, 30 August – 3 September 2021*, Lyon: Université Claude Bernard Lyon 1, 97–98.
- Katamadze, Mariya. (2018) Phraseologismen der Deutschen Gegenwartssprache im Offiziellen Diskurs. In Fedulenkova, Tatiana N. (ed.) *Modern Phraseology Issues: Materials of the international phraseological conference in memory of Elizabeth Piirainen*. Arkhangel'sk: SOLTI, 173–185.
- Malysheva, Aleksandra, Volkova, Sofia A. (2021) Definitions in Specifying Domains in English Business Phraseology. *15th ESSE Book of Abstracts of the International Conference of English Studies in Lyon, 30 August – 3 September 2021*, Lyon: Université Claude Bernard Lyon 1, 97.
- Valueva, Anastasiya V. Skotnikova, Alisa D. (2021) BE-terms in Banking Phraseology of English. *15th ESSE Book of Abstracts of the International Conference of English Studies in Lyon, 30 August – 3 September 2021*, Lyon: Université Claude Bernard Lyon 1, 99–100.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ариян Маргарита Анастасовна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методики преподавания иностранных языков, педагогики и психологии Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. E-mail: fenkot603@yandex.ru

Артюшков Игорь Викторович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. E-mail: kofka85@mail.ru

Ару Адем, аспирант кафедры современного русского языка и общего языкознания Института филологии и журналистики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. E-mail: adem.aru@hotmail.com

Давлетова Татьяна Андреевна, аспирант, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы. E-mail: kofka85@mail.ru

Иванов Андрей Владимирович, доктор филологических наук, профессор, руководитель Международной научно-исследовательской лаборатории «Фундаментальные и прикладные лингвистические исследования» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. E-mail: holzmann2014@yandex.ru

Князева Елена Георгиевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков Военного университета Министерства обороны Российской Федерации. E-mail: 1720124@gmail.com

Малёнова Евгения Дмитриевна, кандидат филологических наук, доцент, декан факультета иностранных языков Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского. E-mail: malenovae@mail.ru

Павлина Светлана Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики английского языка и перевода. E-mail: pavlina.svetlana@mail.ru

Померанцева Татьяна Павловна, соискатель ученой степени кандидата филологических наук по кафедре теоретической и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. E-mail: pomer.satan@mail.ru

Таганов Александр Николаевич, доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной филологии Ивановского государственного университета. E-mail: shishtag@mail.ru

Федуленкова Татьяна Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры «Иностранные языки профессиональной коммуникации» Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, член Российского профессорского собрания (Свидетельство № 64), член-корреспондент РАН. E-mail: fedulenkova@list.ru

Чериф Абдулмаджид, аспирант, Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики». E-mail: cherifmadj93@gmail.com

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного лингвистического
университета им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 3 (55)

Редакторы:
Н. С. Чистякова
В. М. Цымбалова

Подписано в печать 30.09.2021. Формат 60x90 1/16.
Печ. л. 9,4. Тираж 500 экз.
Цена договорная.

Отпечатано в полном соответствии
с предоставленным оригинал-макетом в
ООО «РАДОНЕЖ»
603002, Нижний Новгород, ул. Интернациональная, 100
Тел.: +7 (831) 418-53-23
E-mail: rad.nnov@mail.ru